
МАРК ФАРЕН
ДЕВЯТЫЙ ЗВОН
мистический детектив

Марк Фарен

Девятый звон

«Автор»
2026

Фарен М.

Девятый звон / М. Фарен — «Автор», 2026

На остров Келлвик ведёт единственная дорога. Дважды в сутки её поглощает море. А в старом поместье по ночам раздаётся звон колокола, который давно должен был замолчать.Мисс Амелия Эвелин приезжает расследовать трагедию семнадцатилетней давности. Тогда при загадочных обстоятельствах погибли семеро рабочих, а показания выживших так и не сложились в единую картину. Но прежде чем Амелия успевает восстановить прошлое, на острове совершается убийство.Подозреваемые отрезаны от материка приливом. У каждого -причина молчать и собственная версия рокового вечера. И самое невозможное: после смерти жертвы свидетели вновь слышат её голос.Амелия привыкла доверять уликам, а не страхам. Однако в Келлвике даже точное время может оказаться ложью, а очевидец-свидетелем того, чего никогда не происходило.Кто заставил мёртвого заговорить? Что скрывает девятый удар колокола? И почему тайна старой дамбы понадобилась убийце именно сейчас?«Девятый звон»-мистический детектив, где правда опаснее любого призрака.

© Фарен М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дом, в котором часы молчали 6
Дорога, исчезающая дважды 20
Девять фамилий в гостевой книге 35
Голос из медной стены 63
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Марк Фарен
Девятый звон

М А Р К Ф А Р Е Н

ДЕВЯТЫЙ

ЗВОН
МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ПОЛНЫЙ РОМАН

Авторская редакция

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дом, в котором часы молчали

В доме мисс Амелии Эвелин часы никогда не били.

Это не было ни причудой, ни суеверием. Три небольших циферблата — в столовой, кабинете и на площадке второго этажа — исправно показывали время, и Амелия сама следила, чтобы все три шли одинаково. Но она не выносила часов, сообщавших о своём существовании звоном. Человек, слышащий удар колокола, склонен думать, будто узнал время. На самом деле он узнал лишь то, что нечто ударило по металлу.

Утро четверга, пятого октября, началось с того, что часы в кабинете отставали на четыре минуты.

Амелия обнаружила это в семь пятьдесят три, когда снимала с настенного календаря вчерашний листок. В столовой стрелки уже показывали без трёх минут восемь; на площадке второго этажа — столько же. Из этого следовало не то, что она проспала, а то, что вчера вечером в кабинете кто-то коснулся ключа заводного механизма. Она поднесла к циферблату свечу, хотя за окнами было достаточно светло, и увидела на гладком латунном ободке свежий отпечаток пальца.

— Значит, миссис Эллис снова передвигала письменный стол, — сказала она вслух.

За дверью раздался осторожный кашель.

— Я только поправила ковёр, мисс Эвелин. Ножка стола на нём застревает.

— И задели маятник рукавом.

— Полагаю, так и вышло. Мне следовало сказать вам вчера.

— Следовало, — согласилась Амелия. — Но тогда мне не пришлось бы доказывать, что часы не виноваты в наших ошибках.

Миссис Эллис вошла с подносом. В её ведении находились завтрак, почта, чересчур разговорчивые посетители и почти всё остальное, чем мисс Эвелин предпочитала не заниматься. Ей было около шестидесяти. Седые волосы она убирала под узкую сетку, лицо имела строгое, но серые глаза выказывали больше любопытства, чем хотелось бы её хозяйке. За четырнадцать лет совместной жизни в небольшом йоркском доме они научились обходиться без объяснений, пока объяснение не становилось необходимым.

На подносе стояли чайник, чашка и блюдце с тонко нарезанным лимоном. Рядом лежали три письма. Два были перевязаны обыкновенной резинкой, третье миссис Эллис положила отдельно, словно оно могло запачкать остальную корреспонденцию.

— Посыльный принёс в половине восьмого, — сказала она, кивнув на третий конверт. — Он не дождался ответа.

— Раз он не оставил карточки, ждать и не намеревался.

— Мальчик в сером пальто. Спросил, здесь ли живёт дама с совой, и так посмотрел на мою шляпку, будто ожидал увидеть там птицу.

— Вы сообщили ему, что сова обитает в кабинете?

— Я сообщила, что в этом доме птицы не получают писем.

Амелия улыбнулась краем рта и села к столу. Ей было сорок два года, но первое знакомство редко помогало угадать возраст. Тёмные волосы, среди которых пока не было седины, она собирала низко на затылке. Высокий ворот блузы, жакет цвета мокрого сланца и узкая брошь с дымчатым камнем придавали ей вид человека, которому не следовало задавать пустяковые вопросы. Шляпы она выбирала самые простые, перчатки — хорошие, а ткань костюма — такую, чтобы её цена становилась заметной лишь при внимательном взгляде.

У кресла, прислонённая к спинке, стояла её трость: чёрное дерево, узкий металлический наконечник, серебряный набалдашник в виде совиной головы. Сова была не украшением ради украшения. Одно перо на правом крыле чуть выделялось из общего рисунка; если нажать на

него, маленькая пластинка отодвигалась, открывая узкий отсек для сложенной бумажки. К этому нехитрому приспособлению Амелия прибегала редко и никогда не рассказывала, кто его придумал.

Она почти не хромала. После давней травмы колено начинало ныть на лестницах и в промозглые дни, однако тростью пользовалась чаще, чтобы остановить беседу, чем чтобы поддержать шаг. Считалось, что настороженный человек смотрит на лицо собеседника. Амелия предпочитала сначала посмотреть, куда тот поставил ноги.

Письмо в отдельном конверте было адресовано ей печатными буквами. Никакого обратного адреса. Бумага дешёвая, но ровно обрезанная; марка отсутствовала. В верхнем правом углу оставалась вмятина, похожая на след от зажима, которым часто скрепляют деловые документы.

— Неприятности? — спросила миссис Эллис.

— Пока что только плохие манеры.

Амелия вскрыла конверт костяным ножом. Внутри оказался узкий лист, сложенный вчетверо, и фотография размером с ладонь. На снимке — невысокая башня с сигнальным колоколом, поднятая над пустынной полосой песка. За башней темнела вода, а вдали угадывался дом с длинной крышей и необычайно высоким стеклянным павильоном. Фотография была сделана в ясный день, однако на нижней половине снимка кто-то чернильным карандашом провёл тонкую линию, будто хотел обозначить уровень будущего прилива.

На листе было всего две фразы:

«Если вам скажут, что он говорил после девятого удара, спросите, кто видел его губы. В остальном доверьтесь даме, которая приглашает вас».

Подписи не было.

— Он? — переспросила миссис Эллис, заметив выражение лица хозяйки. — Какой ещё он?

— Вот этого нам и не объясняют.

— Письмо из тех, которые следует отнести в полицию?

— Из тех, которые сначала следует прочесть дважды.

Она перевернула фотографию. На обороте имелся выцветший штамп «Уиллер и сын, фотографы» и дата: 1916. В самом углу, поверх серой пыли, оставшейся от альбомного клея, чёрным карандашом стоял маленький косой крест. Он мог быть счётной пометкой фотографа, отметкой того, кто разложил снимки, или буквой, если бы кто-нибудь имел причину считать его буквой.

Амелия не стала выбирать объяснение, для которого не было оснований.

Она придвинула фотографию к окну. На заднем плане, у основания башни, находилось нечто, чего почти нельзя было заметить: человек с длинным шестом, похожим на рейку для измерения глубины. Лицо не различалось. Зато по тени можно было сказать, что солнце стояло справа и довольно высоко. Если линия карандаша изображала прилив, вода должна была подняться выше человеческого плеча.

— Миссис Эллис, — произнесла Амелия, — у меня сегодня ожидается посетитель?

— В десять. Миссис Бентли. Она просила выделить ей полчаса и сообщила, что дело касается семейной чести, хотя, по-моему, на самом деле — серебряного портсигара.

— Почему портсигара?

— Её шофёр сказал лавочнику, что исчезла вещь, которую никому не полагалось видеть. Я решила, что лучшее объяснение — портсигар. На нём удобно гравировать посвящения.

— Вы делаете успехи.

— Это меня и тревожит, мисс.

Миссис Эллис вышла, оставив дверь приоткрытой. Амелия вновь посмотрела на фотографию и спросила себя, что именно в записке её насторожило. Не угроза. Не явное требова-

ние. Незнакомец знал, что какая-то дама намерена её пригласить. Он знал и ещё кое-что: в будущем прозвучит чьё-то свидетельство, которому можно будет придать значение только в том случае, если говорившего видели.

Предостережение, составленное в будущем времени, опаснее признания, составленного в прошедшем. Признание касается уже совершённого; предостережение нередко пытается заставить совершить то, чего ещё можно избежать.

Она положила снимок в пустую папку, на корешке которой написала одно слово: «Башня».

Ещё два конверта оказались обыкновенными. Управляющий банком уведомлял, что процент по вложению изменится со следующего квартала. Старая знакомая благодарила за совет не приглашать мужа на заседание женского благотворительного общества. В этом письме не было ничего заслуживающего расследования, если не считать того, что знакомая благодарила Амелию за совет, которого та никогда не давала.

Перед завтраком Амелия обычно совершала прогулку. Она не нуждалась в моционе как врачебном предписании; ей требовалось перемещение между комнатой, где она думала, и улицей, где ничто не обязано было подчиняться её предположениям. Йорк в начале октября пах мокрым камнем, углём и хлебом из пекарни возле моста. Сегодня дождь шёл с ночи: редкий, холодный, как будто облака решали, стоит ли им тратиться на ливень.

Она надела пальто, взяла трость и вышла из дома незадолго до половины девятого. На соседней улице подмастерье стекольщика укрывал тележку рогожей. У церковной ограды две женщины спорили о цене угля, ни разу не взглянув друг на друга. У витрины часового магазина стоял мальчик с большой книгой, прижимая её к груди, и изучал настенные часы, выставленные с разным временем.

— Выбираете часы? — спросила Амелия, остановившись рядом.

— Нет, мэм. Ищу те, что показывают правильно.

— Каким образом собираетесь это установить?

Мальчик поднял на неё удивлённые глаза.

— Посмотрю, какие совпадают.

— А если все часовщики перед открытием выставили их по одним неправильным часам?

Он нахмурился. Потом улыбнулся — не оттого, что понял ответ, а оттого, что обнаружил интересный вопрос.

— Тогда надо спросить у человека с часами на руке.

— Хорошее начало, — сказала Амелия. — Только спросите двоих.

Она пошла дальше, чувствуя привычное короткое удовлетворение. Дети не хуже взрослых умеют строить выводы, но значительно охотнее меняют их, если обнаруживают слабость. Взрослые слишком часто считают последовательность своих мыслей доказательством их верности.

В саду возле музея листья липли к чёрной земле. У входа сторож громко разговаривал с грузчиком, не желавшим открывать ящик под дождём. Амелия различила слова «внутри сухо» и «страховка». Два человека спорили о разных вещах, полагая, что не согласны относительно одной. В других обстоятельствах это могло бы закончиться судебным делом.

Она задержалась перед музейной афишей. В ближайшую субботу должна была открыться небольшая выставка звукозаписывающих приборов: фонографические цилиндры, диктофоны для контор, ранние граммофоны. Афишу украшала фотография медной трубы, изогнутой как горлышко лебедя. Подпись обещала «сохранённые голоса ушедшего столетия».

Амелия подняла трость и дважды, очень тихо, коснулась наконечником мокрой плиты.

Она терпеть не могла этой фразы: «сохранённые голоса». Голос без лица вовсе не был человеком. Он мог повторять прежнюю просьбу в тот самый час, когда просьба становилась

невозможной. К тому же прибор не знает, кому принадлежит услышанный им голос; он сохраняет колебания, а не истину.

Вдруг ей захотелось вернуться домой и ещё раз прочесть странную записку. Но причин для поспешности не было. Она не доверяла внутреннему побуждению, которое притворялось логическим выводом. В молодости она слишком дорого заплатила за такую подмену.

Неподалёку карета проехала по выбоине, обрызгав тротуар. Амелия шагнула в сторону ровно в тот момент, когда вода достигла её ботинка. Движение вышло привычным, почти заранее рассчитанным. Она взглянула на брызги, и память неожиданно предложила ей одно из тех образов, которые возникали без приглашения: лестница, освещённая снизу; женская ладонь на перилах; звук, который все сочли шагом.

Двадцать лет назад на этом звуке закончилась чья-то жизнь. С тех пор Амелия охотнее доверяла пятну грязи на камне, чем словам очевидца, уверенного, что видел всё собственными глазами.

К десяти часам она была в кабинете. Рядом с окном стояли два кресла, одинаковые на вид, но одно чуть ниже другого. Гости редко замечали эту разницу; зато людям, стремившимся занять более высокое место, она доставляла минутное замешательство. Напротив располагался низкий столик, на котором не было никаких бумаг: Амелия убирала документы до прихода посетителей, чтобы их взор не получал сведений, на которые она не рассчитывала.

В камине горел небольшой огонь. Над каминной полкой висела гравюра совы на ветке вяза, слишком уродливая, чтобы быть дорогой, и слишком точная, чтобы считаться удачной. Сова смотрела не на зрителя, а в пространство рядом с ним. Амелии нравилась эта небольшая неточность человеческого ожидания: люди всегда считали, что изображение обязано смотреть туда, куда смотрят они сами.

Ровно в десять миссис Эллис ввела миссис Клару Бентли, вдову владельца чулочной фабрики. Посетительница была невысокой, полноватой, одетой в чёрный шёлк с узкими манжетами. На пальце сверкало кольцо с сапфиром; сапфир явно не соответствовал обстоятельствам, в которых женщина собиралась рассказывать о чужой нечестности. При входе миссис Бентли сжала сумочку обеими руками, затем резко расцепила пальцы, заметив, что Амелия смотрит на них.

— Мне сказали, вы способны обнаружить вещи, которых никто не видит, — начала она без приветствия.

— Мне хотелось бы прежде обнаружить, какую вещь никто не видит в вашем доме.

— Письмо. Моего покойного мужа. Исчезло из секретера в прошлый понедельник. Я уверена, его взяла моя компаньонка.

Амелия предложила ей кресло справа. Миссис Бентли села на другое — более высокое — и лишь тогда огляделась, будто ей стало неловко за собственный выбор.

— Чем вы объясняете уверенность? — спросила Амелия.

— Она единственная знала, где письмо. Женщина с образованием и без денег — обстоятельство, которое всегда внушало моему мужу подозрения.

— А вам?

— Я умею отличать честного человека от плутовки.

Амелия не стала возражать. Она никогда не спорила с оценкой человека в тот момент, когда оценка служила ему опорой. Достаточно было немного отодвинуть эту опору и посмотреть, на что он опирается после.

— Расскажите, когда вы видели письмо в последний раз.

— В понедельник, без четверти девять. Я открыла секретер перед завтраком. Лист был в синем конверте, между страницами домашней книги расходов. В половине десятого компаньонка подала мне кофе. После полудня конверт исчез.

— Вы уверены, что открывали секретер без четверти девять?

— Абсолютно. Большие часы в холле пробили три четверти. Наши часы слышны даже в саду.

— И вы посмотрели на циферблат?

— Не было необходимости.

— Конечно.

Амелия развернула лежавший на столике блокнот, хотя писать не собиралась.

— Ваш муж оставил письмо вам?

— Разумеется.

— На конверте было ваше имя?

— Он не стал бы надписывать письмо в собственном доме.

— Был ли на листе оттиск печати?

Миссис Бентли поджала губы.

— Я не совсем понимаю, какое это имеет отношение…

— Оно помогает определить, какой именно лист исчез.

— Я уже сказала: письмо моего мужа.

— Вы сказали, кому оно принадлежало. О содержании не сказали ничего.

Вдова повернулась к камину. Слишком плавно. Движение было похоже на специально выбранный способ показать, что её не тронул вопрос. Амелия заметила это, но не сочла доказательством лжи. Женщина могла стесняться, злиться или вспоминать покойного. Внешнее выражение бывает общим у слишком большого числа причин.

— Там личное, — сказала миссис Бентли.

— В письме говорится о деньгах?

— Нет.

— О вашей компаньонке?

— Нет.

— О мужчине, который не ваш супруг?

— Боже правый!

— Я задам вопрос точнее. Если письмо будет найдено, кому вы позволите его прочесть?

— Никому. Даже вам.

— Тогда ваша цель не выяснить, кто взял письмо. Ваша цель — вернуть его так, чтобы никто не узнал о существовании письма.

Миссис Бентли выпрямилась, словно услышала справедливое обвинение в адрес своей осанки.

— Я говорила, что дело щекотливое.

— Вы говорили о семейной чести. Это не одно и то же.

Некоторое время обе молчали. За окном мальчик торговца яблоками выкрикивал цену, каждый раз делая ударение на новом слове. Амелия дала посетительнице возможность услышать собственное дыхание.

— Мой муж умер семь месяцев назад, — заговорила наконец миссис Бентли. — Он был человеком… осторожным. После его смерти мне стало известно, что на его имя оформлены расходы, которых я не понимаю. Я нашла лист с распоряжениями. Если он попадёт в руки его партнёра, это разрушит нашу репутацию.

— Расходы на благотворительность или на содержание человека?

— Это значения не имеет.

— Напротив. Одно вызывает зависть, другое — жалость; ни то ни другое не обязательно разрушает репутацию. Но мне нужно знать, почему компаньонке было выгодно забрать письмо.

— Она услышала, как я сказала сыну, что ищу адвоката. После этого весь день ходила как потерянная.

— Какая интересная последовательность. Адвокат — и растерянность. Почему растерянность вы связали с вашим письмом, а не с собственными делами компаньонки?

— Потому что её брат недавно потерял работу. Мне известно, что она просила взаймы.

— У кого?

— У меня.

— И вы отказали?

— Разумеется. Не следует поощрять беспечность.

Амелия положила блокнот на колено. Прежде чем перейти к главному, она спросила, любит ли миссис Бентли комнатные растения. Та опешила, затем перечислила три сорта папоротников. Амелия спросила, не приходилось ли ей избавляться от плесени на окнах. Посетительница охотно объяснила, что в её доме нет плесени, поскольку миссис Бентли заботится о чистоте. Голос стал ровнее, пальцы перестали сжимать сумочку. Когда Амелия вновь произнесла слово «компаньонка», женщина не сразу вернулась к прежней скованности.

— Скажите, — спросила Амелия как бы мимоходом, — ваша компаньонка левша?

— Да. А какое…

— В комнате, где находится секретер, есть стенные часы?

— На камине. Но они давно стоят.

— Прекрасно. А большая книга расходов раскрывается от левого края?

— Как всякая нормальная книга.

— Я бы хотела увидеть ваш секретер, не вступая в беседу с компаньонкой. Вы сможете пригласить меня завтра под видом покупательницы старого фарфора?

— У меня нет фарфора на продажу.

— Тогда под видом покупательницы, которую придётся вежливо разочаровать. Для визита вполне достаточно.

— Вы подозреваете её?

— Я подозреваю, что вы ошиблись в одном часе и в одной причине.

— Но вы даже не побывали у меня!

— Потому и говорю «подозреваю», а не «знаю».

Миссис Бентли ответила не сразу. Когда она поднялась, Амелия заметила, что от напряжения в сгибе перчатки осталась глубокая складка. Гостья посмотрела на фотографии у стены — всего две, обе в простых рамах. На одной был каменный мост в снегу. На другой — молодой человек в офицерском мундире, неулыбчивый, с рукой, опущенной на спинку кресла.

— Ваш муж? — спросила миссис Бентли.

— Мой брат.

— Простите. Он погиб на войне?

— Нет. И потому эта фотография труднее для меня, чем если бы погиб.

Вдова смутилась. Амелия мягко подвинула ей шляпу, которую та забыла на боковом столике, и проводила до двери. Когда щёлкнул замок, миссис Эллис вошла без приглашения.

— Портсигаром и не пахнет, — объявила она.

— Письмо, возможно, вообще не было похищено.

— Как вы узнали?

— Пока никак. Но вдова сказала, что услышала три четверти девятого от часов, которые не проверяла. А часы в холле большой усадьбы иногда останавливают для чистки, не останавливая их бой. Я хочу увидеть механизм. Кроме того, она изменила порядок слов, когда я спросила о письме мужа: сперва «лист», потом «письмо», затем снова «лист». Это не доказательство, лишь повод не смешивать предмет с тем значением, которое она ему приписала.

— А компаньонка?

— Бедность не является ни мотивом, ни алиби без других фактов. Она всего лишь обстоятельство, которым удобно объяснить чужой поступок.

— И вы отправитесь завтра в дом к этой женщине?

— Если к тому времени не получу причины отменить визит.

Миссис Эллис приподняла брови. Она хорошо знала этот тон: мисс Эвелин уже размышляла о чём-то ином.

И действительно, незнакомая башня на фотографии словно перешла с подоконника в самую середину её мыслей. Ничто пока не связывало историю вдовы с морским пейзажем. Связь существовала только внутри привычного метода: не принимать чужую уверенность за установленное время; не считать услышанный голос доказательством присутствия; не подставлять объяснение туда, где пока есть одна лишь пустота.

После ухода гостьи Амелия вынула из стола старый альбом с вырезками. Не газетные сенсации, а заметки о несчастных случаях, судебных разбирательствах и ошибках свидетелей. На внутренней стороне обложки аккуратным почерком были выписаны пять слов: «наблюдение, объяснение, проверка, сомнение, повторение».

Она открыла альбом не наугад — между страницами лежала тонкая полоска серой бумаги. Там находилась заметка четырёхлетней давности о деле, после которого имя Амелии впервые прозвучало в адвокатской конторе далеко за пределами Йорка. Старую учительницу обвиняли в поджоге школьного крыла. Свидетели слышали, как она несколько раз стучала в дверь класса; сама учительница отрицала, что подходила к двери после ужина. Амелия обнаружила водосточную трубу, которая во время резкого перепада температуры ударяла по каменному кронштейну. Люди слышали звук там, где ожидали услышать человека, и затем снабдили звук знакомыми шагами.

Учительницу оправдали. Настоящей причины пожара так и не установили. Газеты писали, будто Амелия «спасла невиновную». Сама она помнила иное: все были готовы признать преступницей женщину с неприятным характером, потому что каждому оказалось проще поверить в плохое о человеке, которого он не любил.

Эту ошибку она научилась замечать сначала в окружающих, затем в себе. Всякий раз, когда новая версия ей нравилась, Амелия старалась найти два факта против неё. Если не удавалось найти ни одного, она начинала опасаться самой версии.

На полке стояла маленькая деревянная коробка с десятком предметов: пуговица из тёмного рога, гладкий камешек, обломок печати, пожелтевшая билетная карточка, сломанная игла звукоснимателя. С каждым была связана ошибка, когда-то показавшаяся ей несомненной истиной. Коробку она не открывала для гостей.

Один из предметов — серебряное кольцо с вытертым гербом — напоминал ей о брате. Он исчез в 1919 году, не погиб и не был объявлен пропавшим без вести. Просто однажды перестал отвечать на письма. Амелия знала причину его ухода и оттого не имела права утешать себя надеждой, будто случилось недоразумение. Раскрывать эту историю посторонним она не собиралась. Но за годы научилась узнавать людей, которые притворялись, что отдаляются по собственной воле, хотя на самом деле бежали от чьего-то решения.

Часы в столовой пробили бы полдень, если бы обладали боем. Вместо этого миссис Эллис появилась в дверях с новым подносом.

— Письмо, мисс. От адвокатской конторы в Лондоне. Подписано срочным, хотя срочные письма обычно доставляют раньше обеда.

Печать на конверте Амелия узнала сразу: синий щит и слово «Фенуик». Контора «Фенуик и Кросс» занималась наследствами, земельными спорами и теми делами, ради которых хорошо воспитанные люди готовы были писать друг другу неприятные письма на превосходной бумаге. Старший поверенный, Гарольд Фенуик, когда-то воспользовался помощью Амелии, а затем старательно делал вид, будто подобное сотрудничество не требует публичного упоминания.

На этот раз он писал вежливо и коротко. На приливном острове у побережья Нортамберленда готовилось собрание лиц, имеющих отношение к давнему имущественному спору. Хозяйка островного поместья, леди Элеонора Вейл, просила рекомендовать человека «со спокойным суждением и привычкой не путать свидетельство с истиной». Внизу стояла собственноручная приписка Фенуика: «Я назвал ваше имя без предварительного согласия. Если вы сочтёте это злоупотреблением доверием, предоставляю вам право отказать так же беспощадно, как вы отказываетесь от плохого чая».

Амелия прочла письмо ещё раз. В нём не было ни одного слова о спиритизме, привидениях или смерти. И всё же выражение «не путать свидетельство с истиной» выглядело слишком точным, чтобы его могли выбрать случайно. Адвокат знал её привычки; незнакомец, отправивший фотографию, вероятно, тоже.

— Остров, — сказала она.

— Прошу вас? — отозвалась миссис Эллис.

— Остров у побережья Нортамберленда. Какая же неприятная мысль — жить там, где дорога существует только несколько часов в день.

— Полагаю, хозяева успевают за это время вполне достаточно поссориться с соседями.

— Несомненно. Особенно если соседей нельзя прогнать приливом.

К письму Фенуика была приложена визитная карточка леди Элеоноры Вейл с адресом «Келлвик-Хаус, остров Келл, Северная отмель». Амелия перевела взгляд на фотографию. Остроконечная башня с колоколом. Длинная крыша. Стеклянный павильон. На фотографии не было названия, но подпись конторы дала ему возможный адрес.

Она попросила миссис Эллис принести атлас и справочник железнодорожных станций. Пока та шла на кухню, Амелия поднялась к книжному шкафу. Нижние полки занимали словари, верхние — справочники по архитектуре и старым механизмам. Между ними, в незаметной серой обложке, находился том об истории североанглийских прибрежных сооружений, приобретённый много лет назад ради одного случая обрушения маячной башни.

Остров Келл в предметном указателе отсутствовал. Зато в приложении нашлась карта отмелей, на которой было нанесено слово «Келл-Рок». На мелководье обозначались четыре сигнальных пункта, три из которых перестали действовать ещё до войны. Самый дальний соединялся с берегом насыпной дорогой, нарисованной пунктиром. Подпись предупреждала: «Проход возможен только при малой воде. В шторм вода покрывает старые каменные вехи».

Амелия провела кончиком трости по пунктиру.

— Дом, который нельзя покинуть по собственному желанию, — сказала она.

— Почему нельзя? — миссис Эллис уже стояла с атласом в руках. — Можно дождаться отлива.

— Можно. Но ждать отлива и иметь возможность уйти — разные вещи. Иногда человек не знает, что ждать ему больше нечего.

Миссис Эллис поставила атлас и посмотрела на хозяйку пристальнее обычного.

— Вы собираетесь ехать?

— Пока не знаю. Из конторы мне сообщили, что кто-то хочет видеть меня. Это ещё не приглашение.

— А мальчик с фотографией сообщил, что кто-то не хочет, чтобы вы забыли про слух.

— Очень точное замечание.

— Мне от него не легче.

Амелия положила рядом два документа. Бумага первого была дешева и пахла сырой картонной коробкой; конверт второго отличался тяжёлой плотностью и сухим запахом печатной краски. Их авторы принадлежали к разным мирам. Однако в обоих сообщениях говорилось об одной женщине, которая ещё не обратилась к Амелии напрямую. Разница могла означать

случайность. Могла означать, что кто-то узнал о просьбе раньше её адресата. А могла означать, что и просьба, и предупреждение исходили из одной комнаты.

Последнее предположение было самым заманчивым. Именно поэтому Амелия отложила его первым.

В половине второго в дверь постучали снова. Миссис Эллис не успела открыть, как со стороны прихожей донёсся резкий мужской голос:

— Я пришёл к мисс Эвелин. Моё имя — Филип Мортон. Я не хочу говорить при прислуге.

— Тогда вам придётся поговорить на улице, — сухо ответила миссис Эллис. — В этом доме прислуга умеет слышать.

Амелия вышла из кабинета. Посетитель был средних лет, с широкими плечами и лицом человека, недавно перенёсшего бессонную ночь. Пальто не подходило ему по размеру; на воротнике виднелся след от сорванного знака торговой фирмы. В руках он держал серую шляпу, которую непрерывно поворачивал по кругу. Поношенные ботинки были чистыми, но правая подошва оставила на ковре тонкий след мела.

— Входите, мистер Мортон, — сказала Амелия. — Миссис Эллис, будьте добры, оставьте дверь кабинета открытой.

Мужчина насторожился.

— Почему открытой?

— Я не знаю, стоит ли вам доверять. И вы, вероятно, ещё не решили, стоит ли доверять мне. Открытая дверь справедлива для нас обоих.

Он поднял взгляд и впервые остановил руки.

— Вы действительно та, кто разыскивает исчезнувших людей?

— Иногда я нахожу место, где они перестали быть видимыми. Это не одно и то же.

Филип Мортон пришёл не ради семейной чести, а ради брата. Тот уехал в Нортамберленд три недели назад, устроившись к подрядчику на ремонт береговых сооружений, и после первого письма больше не подавал вестей. Мортон говорил быстро, без запинок, всякий раз заранее отсекая неудобные предположения: брат не пил, с женщинами не связывался, долгов не имел, газет не читал, в драки не вступал. Список добродетелей звучал так безупречно, что Амелии захотелось спросить, знаком ли говоривший с собственным братом.

— Вы обращались к его нанимателю?

— Да. Мне сказали, что Джордж уволился по собственному желанию. Это ложь.

— Почему вы так считаете?

— Потому что он ненавидел менять работу.

— Люди меняют привычки по причинам, о которых близкие порой узнают последними. Что было в его единственном письме?

— Обыкновенные вещи. Комната сырая, еда плохая, море шумит даже с закрытыми окнами.

— И всё?

Мортон начал вращать шляпу снова.

— Он написал, что в старом доме по вечерам слышны голоса. Будто кто-то разговаривает в стенах. Я подумал, он шутит.

Амелия не коснулась трости, хотя ей очень хотелось.

— В каком доме?

— Не знаю, названия он не написал. Только что работал у маяка на острове, куда ездят по насыпи. Он говорил, старые трубы в доме проводят звук из комнат, как водосточные желоба. Ночью кажется, что человек стоит у тебя за спиной, а он на другом конце здания.

— Откуда вы знаете про трубы? Из письма?

— Да.

— Покажите его.

Посетитель достал конверт, сложенный так много раз, что бумага по сгибам стала почти прозрачной. Амелия развернула лист. Письмо было написано карандашом; в нескольких местах графит стёрся от пальцев. Последняя строка гласила: «Старый дом умеет разговаривать без людей. Надо бы узнать, кто научил его этому».

Она прочла строку дважды, затем подняла глаза на Мортона.

— Где вы взяли этот лист?

— У себя дома, в ящике для писем.

— Я имею в виду сегодня. Вы носили его при себе или он лежал в шляпе?

— При себе.

— В нагрудном кармане?

— Да.

— И вам пришлось дважды сложить его, прежде чем положить туда?

Мужчина растерялся.

— Ну… да.

— Но сложен он четырежды, причём два старых сгиба идут в другую сторону. Значит, кто-то держал его в другом конверте после того, как вы получили письмо. Кто?

Филип Мортон посмотрел в открытую дверь кабинета. Миссис Эллис стояла в коридоре; лицо её было неподвижным, но ухо явно работало.

— Полицейский, — сказал он наконец. — Я отнёс письмо в участок. Там решили, что Джордж просто ушёл.

— Почему вы не сказали об этом сразу?

— Боялся, что и вы скажете то же самое.

— Ваше опасение понятно, но оно затрудняет работу. Ложь, рассчитанная на то, чтобы вызвать доверие, часто отнимает у нас единственное, на чём доверие можно построить.

— Так вы поедете его искать?

— Я не обещаю найти вашего брата. Я обещаю выяснить, есть ли причина считать его исчезновение недобровольным.

Она выдвинула ящик, достала карточку и записала имя: «Джордж Мортон, рабочий по вентиляции и береговым сооружениям». Ни под одной из прежних папок эта карточка пока не помещалась. Амелия положила её рядом с фотографией башни, но не поверх неё.

— У Джорджа была привычка отмечать даты? — спросила она.

— На письмах? Всегда. Он выучился у железнодорожников. Считал, что число на конверте важнее, чем на бумаге.

— А на этом письме число есть?

— Пятнадцатое сентября.

— На конверте почтовый штемпель от шестнадцатого. Значит, он писал в день, когда ещё намеревался остаться, по крайней мере, до утра. А уволился, по словам нанимателя, восемнадцатого?

— Именно.

— Между этими днями что-то произошло. Но мы не знаем что. И до тех пор, пока не узнаем, не будем называть человека исчезнувшим. Назовём его человеком, местонахождение которого неизвестно.

Филип Мортон, вероятно, ожидал более решительных слов. Его лицо вытянулось, затем смягчилось.

— Вы очень осторожны, мисс.

— В опасных делах осторожность иногда единственное, что отличает помощь от вмешательства.

Когда он ушёл, Амелия осталась стоять у окна. Перед домом прохожие торопились под дождём. Ветви вяза касались стекла с сухим, негромким стуком. Утро началось с неправильных часов и письма без подписи; к полудню незнакомый остров обрёл имя, а теперь ещё и человека, который мог быть связан с ним не по собственной воле.

Три события за один день не обязательно составляли цепь. Но если кто-то намеренно привёл Мортона к ней, нужно было выяснить, зачем. Ей не понравилось бы оказаться фигурой в игре, правила которой сочинил другой человек.

Она вернулась к фотографии и принялась рассматривать её в лупу. На башне с колоколом, слева от лестницы, виднелись три узкие щели. В справочнике береговых сооружений были похожие изображения акустических окон: через них ветер приводил в движение деревянные заслонки, усиливая звуковой сигнал. Если Джордж Мортон действительно ремонтировал вентиляцию, работа могла относиться не только к жилым комнатам, но и к сигнальной башне.

В этот момент Амелия почувствовала странное, знакомое давление за грудиной. Она давно отказалась называть его даром. Слишком торжественное слово для ощущения, которому не находилось ни доказательств, ни объяснений. В детстве она иногда угадывала, кто плакал в комнате до её прихода; взрослой замечала чужую тревогу раньше, чем человек начинал говорить. Иногда это оказывалось наблюдательностью, памятью на запахи, звуки, мельчайшие изменения в походке. Иногда — совершенно бесполезной ошибкой. Теперь, глядя на снимок, она ощутила ту же стеснённость, будто на чердаке где-то далеко закрыли окно и воздух внезапно перестал двигаться.

Она положила ладонь на холодную поверхность стола. Ощущение исчезло.

— Воображение, — тихо произнесла она. — У тебя нет права выдавать себя за свидетеля.

В половине четвёртого почта принесла третий конверт.

На этот раз письмо пришло от самой леди Элеоноры Вейл. Бумага с водяным знаком, монограмма в верхнем углу, аккуратный, чуть угловатый почерк. Хозяйка Келлвик-Хауса обращалась не к «известному исследователю» и не к «ценителю необычайного», как любили делать люди, наслышанные о репутации Амелии. Она писала просто: «Мисс Эвелин, мне нужен человек, который не примет мой страх за доказательство».

Далее следовало приглашение провести четыре дня в поместье. Леди Элеонора собирала нескольких людей, чьи семьи были связаны с аварией на береговом шлюзе семнадцать лет назад. Тогда вода, прорвавшаяся через старую дамбу, затопила дома у восточной насыпи. Официальная комиссия признала происшествие следствием технического отказа. Теперь хозяйка получила документы, ставившие вывод комиссии под сомнение. Она хотела обсудить их в присутствии свидетелей, прежде чем передать поверенным.

«Я могла бы прислать бумаги вам в Йорк, — писала леди Элеонора, — но ни один из тех, кого они касаются, не согласится говорить за пределами острова. Несколько человек уже отозвали обещания встретиться. Один сообщил, что вообще не знает, о каких событиях идёт речь, хотя на его имя составлен акт, который я держала в руках. Я прошу не о сочувствии и не о чуде. Я прошу о внимании».

После этого начиналась почти светская часть: поезд до ближайшей станции, экипаж у платформы, время отлива, список необходимых вещей. Письмо завершалось словами: «Если у вас когда-либо возникало желание узнать, как звучит дом, когда в нём никто не разговаривает, вы поймёте моё затруднение лучше других».

Амелия медленно опустила лист.

Леди Элеонора не могла знать о записке незнакомца — если только кто-то не рассказал ей. Она не могла знать и о Джордже Мортоне — если не была связана с подрядчиком. В письме не упоминались ни башня, ни девятый удар. Но там было то же противопоставление: звук и свидетельство. «Дом, когда в нём никто не разговаривает». Слова слишком близкие к фразе исчезнувшего рабочего.

— Кто научил его этому? — повторила Амелия.

За дверью раздался голос миссис Эллис:

— Мисс, вы сейчас разговаривали со мной?

— Нет. С человеком, которого здесь нет.

— Тогда попросите его говорить тише. Ужин скоро.

Амелия сложила письма в одну папку и впервые за день позволила себе ощутить тревогу. Не страх за собственную безопасность; к этой разновидности страха она относилась как к плохому советчику. Тревожило другое. Четыре человека или учреждения, не имевшие между собой очевидной связи, за несколько часов обратили её внимание на один и тот же берег. Подрядчик. Исчезнувший рабочий. Леди Элеонора. Неизвестный отправитель фотографии.

Если это было совпадение, оно требовало проверки. Если не совпадение — проверки требовал тот, кто его устроил.

Она вынула небольшую карточку и написала для себя четыре вопроса:

«Кто послал фотографию? Что случилось между 16 и 18 сентября? Почему леди Вейл собирает свидетелей именно теперь? Кто выиграет, если они начнут говорить — и кто, если замолчат?»

Карточка легла в кожаный дорожный блокнот. Затем Амелия достала чистый лист, села к бюро и ответила леди Элеоноре согласием. Она не обещала раскрыть тайну старой дамбы, не упомянула ни таинственных голосов, ни странного предостережения. Сообщила лишь, что прибудет в пятницу, если погода позволит пересечь насыпь, и попросила прислать точное расписание отливов и перечень гостей.

Подумав, она добавила ещё одну строку:

«Буду признательна, если до моего приезда никому не придёт в голову устраивать демонстраций, которые могли бы изменить воспоминания свидетелей».

Перо задержалось над бумагой. Она почти дописала слово «сеансов», но остановилась. Леди Элеонора не упоминала никакого спиритизма. Зачем же ей говорить о том, чего пока не было? Амелия предпочитала не подсказывать людям идеи, которые позднее пришлось бы расследовать.

Вечером, когда последний поезд уже прогудел за дальними домами, миссис Эллис внесла в кабинет дорожный чемодан. Она делала это всякий раз, когда хозяйка принимала приглашение на несколько дней, не спрашивая, какие именно платья следует уложить. Они обе знали ответ: два тёмных костюма, одно платье к ужину, шерстяная шаль, удобные ботинки, запасные перчатки, аптечка и узкая коробочка для трости, если железнодорожные служащие вздумают предъявить к ней претензии.

— На островах сыро, — заметила миссис Эллис.

— В Йорке тоже.

— В Йорке можно выйти из дома и дойти до врача.

— А в моём случае доктор, вероятно, сначала спросит, почему я пошла на прогулку в столь неподходящую погоду.

— Я могла бы сказать ему за вас.

Амелия закрыла чемодан, хотя он пока был пуст.

— Завтра вы сходите к миссис Бентли. Скажите, что я вынуждена отложить визит, и попросите разрешения проверить её часы в моё отсутствие.

— Вы хотите, чтобы я сама выяснила историю с письмом?

— Нет. Лишь чтобы вы не позволили ей объявить виновной компаньонку до того, как узнает, был ли кто-нибудь возле секретера в нужное время.

— И что, по-вашему, там случилось?

— Я пока надеюсь, что ничего ужасного.

Миссис Эллис помолчала. Она умела различать надежду хозяйки и её уверенность и редко путала одно с другим.

— Когда вернётесь?

— Через четыре дня.

— Вы всегда так говорите.

— Почти всегда возвращаюсь.

Они обменялись короткими взглядами. У миссис Эллис было своё представление о достоинстве: если бы она вздумала умолять Амелию не ехать, то сочла бы это недопустимым проявлением власти над хозяйкой. Поэтому она подняла чемодан и вышла, сделав шаг тяжелее обычного.

Оставшись одна, Амелия подошла к окну. Ночной дождь размывал уличные фонари, превращая их свет в неясные пятна. На углу медленно остановился автомобиль, постоял, затем двинулся дальше. Едва различимый силуэт мужчины в переднем сиденье мог принадлежать любому прохожему, которому не понравилось состояние дороги.

Она не стала следить за машиной. Подозрение, возникшее без основания, способно погубить наблюдение не хуже полной доверчивости.

Амелия проверила ключи, погасила верхний свет и оставила только лампу на письменном столе. В её узком круге лежали три письма и фотография башни. На снимке солнце сияло над островом, где спустя шестнадцать лет обещали старую беду вспомнить заново. Колокол под неподвижным медным козырьком казался немым. Человек у основания башни был меньше зёрнышка риса, и всё-таки именно его фигурка притягивала взгляд.

Амелия поднесла фотографию ближе к лампе.

До сих пор она изучала башню, берег, линию прилива. Теперь заметила на шесте человека два тёмных поперечных деления, отмеченных не краской, а металлическими пластинками. Такими рейками измеряли не высоту здания и не уровень воды в колодце. Ими проверяли прилив по заранее установленным отметкам — прежде чем подать сигнал, от которого зависели чужие действия.

Значит, фотограф снял не просто пейзаж. Он снял минуту перед измерением.

Она перевернула снимок и снова взглянула на косой крест. Увеличительное стекло показало, что это не один штрих. Карандаш сначала провели сверху вниз, затем пересекли его более короткой линией. На пересечении бумага была чуть продавлена, будто пишущий задержал руку. Буква «Х»? Отметка негатива? Ничего нельзя было решить, не узнав, откуда снимок попал в конверт.

И всё же одна подробность на фотографии стала вдруг важнее самой башни. Подпись фотографа стояла на обороте, но дата была не там, где её ставили в мастерской. «1916» нанесли позднее, другими чернилами; это была дата события, которое кто-то захотел запомнить. Между тем леди Элеонора писала об аварии семнадцать лет назад. Иными словами, вода прорвалась в тот самый год, который был вписан на старом снимке.

Амелия посмотрела на тёмное окно. В нём отражались её лицо, стол и сова на трости. Отражение было столь же точным, сколь бесполезным: за стеклом никто не мог увидеть предмет, который находился внутри. Достаточно было чуть изменить угол лампы, и зеркало исчезло бы, снова став окном.

Так и с показаниями, подумала она. Один человек рассказывает, что видел. Другой — что услышал. Третий повторяет рассказ второго и не замечает, когда в нём появляется подробность, которой не было. А затем все трое предъявляют совпадение как доказательство.

Она прикоснулась к серебряной сове. Холод металла был успокаивающе настоящим.

Перед тем как лечь, Амелия заглянула в папку ещё раз. Её беспокоил не косой крест на фотографии и даже не предупреждение о девятом ударе. Беспокоило слово, которое незнако-

мец выбрал вместо имени: «он». Автор записки не уточнил, кто именно будет говорить после девятого удара. Очевидно, считал, что к этому времени адресат уже будет знать.

Следовательно, автор либо предвидел событие, либо намеревался его устроить.

В доме, где часы никогда не били, эта мысль прозвучала с такой отчётливостью, словно в коридоре действительно раздался колокол.

Амелия погасила лампу.

В темноте ей впервые пришёл в голову вопрос, которого не было на карточке:

Если человек заговорит после девятого удара, кто должен оказаться мёртвым до него?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дорога, исчезающая дважды

В пятницу шестого октября дождь над Йорком прекратился ровно на то время, которое понадобилось мисс Амелии Эвелин, чтобы убедиться: зонтик она всё-таки берёт.

Миссис Эллис стояла в прихожей возле двух чемоданов и смотрела на неё с выражением женщины, у которой имеются веские возражения, но нет намерения доставить собеседнице удовольствие их услышать. На нижней ступени лестницы лежал дорожный плед. Трость с серебряной совой была прислонена к зеркалу; отражение удваивало голову птицы, и две совы с одинаковым недоверием наблюдали за сборами.

— Вам следовало попросить в конторе Фенуика прислать автомобиль до самого острова, — сказала наконец экономка.

— Автомобиль, способный ездить по морскому дну, был бы удивительным изобретением. Боюсь, мистер Фенуик ещё не настолько богат.

— Я говорю о дороге к дамбе.

— А я — о той части дороги, которую затапливает. Нам обеим следовало бы выражаться точнее.

Миссис Эллис подтянула ремешок на большом чемодане. Амелия знала этот жест: когда хозяйка шутит вместо того, чтобы обещать осторожность, её экономка начинает обращаться с застёжками особенно сурово.

— Вам положили сухие носки отдельно от остального белья, — объявила миссис Эллис. — И две пары перчаток сверх тех, что вы просили. Если дом действительно стоит посреди воды, там, вероятно, не умеют сушить вещи.

— Зато наверняка умеют ждать, — ответила Амелия. — На острове этому учит расписание приливов.

Она застегнула пальто из серо-зелёного сукна, проверила карман с дорожными билетами и положила в сумочку кожаный блокнот. У записной книжки был один недостаток: стоило внести туда имена, как они начинали выглядеть связанными между собой. На первой странице Амелия оставила пустую таблицу. Слева — «видел», рядом — «слышал», затем — «узнал от других». Четвёртая колонка была самой широкой и пока не имела названия.

— Вы взяли фотографию? — спросила экономка.

— Да.

— Письмо мальчика?

— Тоже.

— И книгу, в которой объясняется, как прилив накрывает дорогу?

— Книга объясняет, как люди измеряют прилив. Само море, подозреваю, этого издания не читало.

Экономка вздохнула. Она подошла к трости и подала её хозяйке серебряной головой вперёд. Амелия машинально надавила пальцем на выступающее перо совы, убедилась, что скрытая пластинка не сдвинута, и только тогда взяла трость за древко.

— От вас можно скрыть неприятную правду? — вдруг спросила миссис Эллис.

Амелия обернулась. Вопрос прозвучал не в тоне укоризны; скорее так проверяют глубину ступеньки, на которой уже однажды оступились.

— Конечно, — сказала она. — Если я буду достаточно самодовольна, чтобы перестать её искать.

— А если всё-таки найдёте?

— Тогда, боюсь, мне придётся решить, какое право она даёт мне на чужую жизнь.

Миссис Эллис несколько секунд изучала её лицо. Потом поправила воротник пальто — движение, на которое ей не требовалось ни разрешения, ни объяснения.

— В таком случае постарайтесь вернуться прежде, чем начнёте решать за всех остальных.

В семь часов десять минут Амелия вышла из дома. Пока нанятый экипаж сворачивал с тихой улицы к вокзалу, она успела заметить, что на окне кабинета осталась одна светлая полоска: кто-то отодвинул занавеску и смотрел вслед. В обычный день она могла бы определить по высоте силуэта, кто именно стоял за стеклом. Сейчас ей было достаточно знать, что у дома остаётся человек, который не перепутает отсутствие хозяйки с её исчезновением.

Поезд отходил вскоре после восьми. На платформе пахло паром, мокрым углём и кофе, которым торговал мальчик в слишком широком для него фартуке. Носильщик с красными руками поставил её чемодан в вагон первого класса и, заметив трость, немедленно предложил поднять следом «эту хрупкую вещицу».

— Благодарю, — сказала Амелия. — С ней я справлюсь лучше, чем с чемоданом.

— Вам далеко, мэм?

— Настолько, чтобы после дороги потребовалась новая обувь.

Носильщик засмеялся. Он посмотрел на её ботинки — удобные, крепкие, без притворства в виде высокого каблука — и перестал улыбаться. Видимо, счёл, что его использовали для проверки какой-то шутки, смысл которой ему не сообщили.

В купе уже сидел господин с дорожным портфелем. Он отвёл глаза от газеты, когда Амелия вошла, и предложил ей место у окна. Вежливость была безупречной, но слишком поспешной: на освободившемся сиденье лежал его зонт, и ему пришлось неловко переставить его дважды.

— Вы уверены, что я никого не вытесняю? — спросила она.

— Совершенно, мэм. Вы путешествуете одна?

— В данный момент — да.

Господин принял этот ответ не как буквальное сообщение, а как отказ продолжать разговор, и вернулся к газете. Амелия благодарно села у окна. Случайный попутчик был прав в одном: в вагоне действительно легко чувствовать себя одинокой, даже если там находятся другие люди. Колёса задают беседе ритм, и всякий разговор, не выдерживающий их стука, вскоре прекращается.

Когда поезд тронулся, она достала из сумочки маленькие дорожные часы. За всю дорогу предстояло встретить слишком много чужих часов: вокзальные, станционные, наёмного кучера, смотрителя переправы. Амелия намеревалась фиксировать их показания отдельно от собственных. Не потому, что подозревала заговор железнодорожных служащих, а потому, что обычная человеческая ошибка охотно прячется под общим словом «вовремя».

Город отступал постепенно: красный кирпич, склады, узкие дворы, затем огороды и поля, на которых по краям стояла осенняя вода. Между деревьями медленно выступило мутно-жёлтое солнце. Его свет не согревал, но освещал всякий предмет с ненужной честностью: грязный канал, покосившуюся ограду, пугало с отсутствующей рукой.

Амелия развернула письмо леди Элеоноры Вейл и перечитала его в третий раз. «Мне нужен человек, который не примет мой страх за доказательство». Формулировка оставалась разумной, и всё же её разумность ничего не доказывала. Люди нередко обращаются к нашим лучшим качествам именно тогда, когда хотят ими воспользоваться. Если бы леди Элеонора пожелала пригласить женщину, способную придать дому репутацию обиталища духов, она могла бы написать совсем другое письмо. Возможно, хозяйка и впрямь искала свидетельницу. Возможно — человека, чьё имя придаст вес уже подготовленному обвинению.

Амелия положила письмо на колени, не складывая. За несколько минут ей удалось установить лишь то, что она готова сесть рядом с леди Элеонорой и выслушать её. Никакого права верить той заранее она себе не предоставляла.

На обороте листка с приглашением была мелкая приписка о дороге: «Если ветер изменится, местный смотритель может задержать проезд, невзирая на расписание. Пожалуйста,

считайте его слово окончательным». Амелия улыбнулась. В богатых домах редко встречаются люди, согласные подчиняться смотрителю переправы. Эта приписка могла быть следствием многолетнего опыта — либо свежего испуга.

Её сосед по купе опустил газету.

— Вы, кажется, едете на северное побережье? — спросил он, заметив карту, выглядывающую из папки.

— Похоже на то.

— Погода там нынче отвратительная. На прошлой неделе море забрало часть дороги у Келл-Рока.

— Вы были там?

— Нет, читал в газете.

— А газета сообщила, что море забрало дорогу, или что её закрыли для движения?

Господин недовольно прищурился.

— В газетах обыкновенно пишут то, что произошло.

— Было бы прекрасно, если бы это правило не имело исключений.

Она вернулась к карте. Попутчик, вероятно, счёл её занудной. Амелия не возражала. Человеку, который не допускает разницы между наводнением и предосторожностью, она не доверила бы даже описание сухой мостовой.

За Ньюкаслом дождь возобновился. Капли ударяли в окно с разных сторон, и Амелия заметила, как её сосед повернул голову на необычный звук — не со стороны стекла, а из вентиляционной решётки над дверью. Она сама услышала что-то похожее на короткий вздох. В следующую секунду поезд вошёл в выемку, воздух изменил направление, и звук исчез.

Разумеется, она знала, что это сквозняк. Но знание не мешало ей на мгновение почувствовать себя в чужом коридоре, где за стеной стоит невидимый человек. Слова Джорджа Мортона про разговаривающий дом оставили в воображении более глубокий след, чем она желала признать. Следовало запомнить именно это: уже до приезда её восприятие было подготовлено чужой историей.

На узловой станции, название которой вагонные стёкла позволяли разобрать только наполовину, Амелия пересела на короткий местный состав. Платформа была почти пуста. Перед кассовым окошком мокрый пёс тёрся о сапоги почтового служащего; в дальнем углу старуха в чёрной шляпе считала деньги, прижимая монеты к ладони, чтобы они не рассыпались под ветром.

От телефонной комнаты доносился голос мужчины, которому никак не удавалось объяснить телефонистке, что он желает говорить не с человеком, а с конторой. Амелия подождала, пока дверь освободится, попросила соединить её с лондонской конторой «Фенуик и Кросс» и получила предупреждение, что разговор может состояться не сразу.

Она успела купить чай и вернуться на скамью под навесом. Чашка была так горяча, что фарфор приходилось держать за самый край ручки, зато чай обладал печальной прозрачностью воды, которую ненадолго познакомили с чайными листьями. Пока она его пила, к скамье приблизился незнакомый мужчина в клетчатом пальто.

Ему было не более пятидесяти. На высоких ботинках лежал тонкий слой серой пыли, хотя станционная площадь состояла из мокрого булыжника. Мужчина держал шляпу обеими руками и выглядел так, словно давно репетировал обращение к незнакомке.

— Простите за дерзость, мэм, — сказал он, кивнув на трость. — Это серебро?

Амелия поставила чашку.

— Набалдашник серебряный. Древко — нет.

— Работа чудесная. Сова, верно? Таких теперь не делают. Неужели голова отливалась отдельно?

— Вы интересуетесь ювелирным делом?

— О, я видел всякое. У моего дяди была мастерская. — Мужчина наклонился немного ближе. — Голова снимается?

Амелия поднесла трость к себе, но не настолько резко, чтобы жест можно было назвать защитным.

— Даже если бы снималась, я вряд ли позволила бы ей расстаться со мной на платформе.

Он улыбнулся слишком поздно. Его взгляд задержался на правом крыле совы, где одно перо выступало из орнамента, и почти сразу переместился к её перчаткам.

— Разумеется. Простите. Очень красивая вещь.

— А ваш дядя где держал мастерскую?

— В Манчестере.

— Как называлась улица?

— Это было давно, мэм. Я совсем мальчишкой был.

— Удивительно, как некоторые вещи остаются с нами. Я, например, забываю имена людей и помню направление улицы, по которой они ушли.

Незнакомец поклонился и отступил. Амелия позволила ему пройти к выходу, прежде чем снова взглянуть на трость. Сама по себе заинтересованность старинной работой ничего не значила. Слова о съёмной голове были точнее, чем обычное замечание любителя серебра. Он мог знать о скрытом отделении. А мог попросту предположить, что отлитый набалдашник крепится к дереву резьбой. Утверждать первое на основании второго было бы непростительной поспешностью.

Когда телефонистка подозвала её, незнакомец стоял уже под навесом на противоположной стороне платформы. Он не смотрел в её сторону. Амелия не стала проверять, действительно ли он не смотрит: наблюдение, заметное наблюдаемому, меняет обстоятельства задачи.

Гарольд Фенуик ответил после долгого потрескивания линии. Его голос, обычно основательный и неторопливый, на расстоянии звучал хрупче, словно из каждого слова удалили половину уверенности.

— Мисс Эвелин? Вы где же?

— На станции, которую мне ещё предстоит запомнить. Название почти целиком заклеено объявлением о сыре.

— Вы уже выехали? Чрезвычайно неосторожно. Я хотел вас предупредить.

— Тогда сделайте это до того, как кончится оплаченная минута.

— Не ехать — было бы самым простым советом.

— Он совершенно бесполезен человеку, уже находящемуся в пути. Попробуйте другой.

На линии раздался треск, затем Фенуик заговорил тише:

— Вчера вечером мне позвонили из Келлвик-Хауса. Две приглашённые особы утверждали, что получили письма от моей конторы. Подобных писем мы не рассылали. И ещё один человек ссылается на поручение леди Вейл, о котором сама леди ничего не знает.

Амелия поднесла трубку ближе.

— Вы уверены в последнем?

— Леди Элеонора сказала мне это лично.

— А моё приглашение?

— Ваше подлинное. Она подписала его сама, я видел копию в собственных бумагах. Я рекомендовал вас по её прямой просьбе. Иначе не стал бы беспокоить.

— Как оформлены спорные письма?

— С нашей печатью. С подписью, похожей на мою. Только одна фраза там звучит так, как я никогда бы не написал: «Присутствие обязательно для окончательного разрешения вопроса». Человек, знакомый с моей практикой, знает, что я не требую присутствия в частном доме. Суд повесток ещё не посылал.

— Были конверты?

— Да. Но вы не заставите меня по телефону читать адреса людей, связанных конфиденциальными соглашениями.

— Не собиралась. Вы можете сказать, написаны ли адреса одной рукой?

— Я видел лишь копию одного письма. В ней почерк намеренно приведён к канцелярскому образцу.

— То есть ответить не можете.

Фенуик коротко выдохнул.

— Увы. Именно. Мне приходится признать, что моё имя используют для созыва людей, которых я не намеревался созывать. Я попросил хозяйку отложить встречу, но она отказалась. Сказала, что некоторые посетители уже прибыли и что после последней угрозы не имеет права молчать.

— Что за угроза?

— Она получила записку. Я не видел оригинала. Говорит, там указано точное место, где лежит экземпляр протокола семнадцатилетней давности.

— И этот экземпляр найден?

— Она не сказала. Я должен быть в Лондоне до конца недели. На остров вы не дозвонитесь без помощи местного узла, а провода там повреждаются от каждого прилива. Мисс Эвелин, не позволяйте им превратить вашу поездку в поручительство за чью-либо версию.

— Буду благодарна, если вы и сами не станете за меня поручаться.

Снова затрещало. Она решила задать один вопрос, на который у адвоката ещё могло хватить времени.

— Скажите, мистер Фенуик: леди Элеонора выбирала день собрания сама?

— Разумеется. Пятница, шестое октября. Но сначала она называла понедельник.

— Что заставило её изменить решение?

— Я спросил. Она ответила, что в понедельник поздно. Для чего поздно — не объяснила.

Разговор оборвался с сухим щелчком, точно кто-то закрыл ножницы. Амелия ещё мгновение держала трубку у уха, не слыша ничего, кроме отдалённого низкого шума провода.

«В понедельник поздно». Довольно неприятные слова, если их произносит человек, которому известно о старом подлоге. Но не менее неприятные, если произносит тот, кто задумал новый.

Она расплатилась и вернулась на платформу. Незнакомца в клетчатом пальто уже не было. На скамье остался лишь листок рекламного прейскуранта с изображением трёх медных колокольчиков. Вероятно, его принёс ветер от лавки напротив. Амелия не стала подбирать листок: привычка делать уликой каждый встреченный предмет могла превратить любую поездку в бесконечное следствие.

Местный поезд подошёл с опозданием, и в его вагоне пахло овечьей шерстью, мокрыми корзинами и солью. За окнами вскоре исчезли большие дороги. Земля лежала низко, с частыми канавами, в которых ветер рвал отражение облаков на узкие серебристые полосы. Местами между холмами открывалось море — не синее и даже не серое, а цвета старого оловянного блюда, которое давно перестали полировать.

Она достала из папки два листка. Один — письмо леди Элеоноры с приглашением. Другой — отправленное анонимом предупреждение. В обоих звучала мысль, что человеческий голос может отсутствовать при собственном свидетельстве. Один автор просил её приехать и не принимать страх за доказательство, другой заранее указывал, какой именно вопрос следует задать после девятого удара. На первый взгляд обе просьбы могли служить истине. И всё же только одна из них оставляла ей возможность выбирать вопросы самостоятельно.

Амелия вписала в блокнот: «Не считать предсказание свидетельством. Узнать, кому выгодна ошибка во времени».

Потом на соседней строке добавила: «Проверить, не зависит ли наша уверенность в событии от того, кто первым назвал его событием».

К полудню местный состав остановился возле небольшой станции Брейм-Кросс. Здесь заканчивались рельсы, по крайней мере те, которыми могли пользоваться пассажиры. За станцией дорога спускалась к селению, а за селением ветер раскачивал несколько рыбацких мачт. Дальше начиналась отмель. Дом на острове всё ещё был невидим.

Станционный смотритель, обративший внимание на элегантную даму с чемоданами, сообщил, что посланный из Келлвика автомобиль не приедет: на дороге после ночного шторма размыло верхний слой щебня. Вместо автомобиля ожидали телегу с провизией. Слово «телега» он произнёс с видом человека, заранее готового извиняться за неудобства природы.

— Она довезёт вас до ворот, мэм. Это вполне надёжное средство.

— Сколько времени потребуется?

— В хороший день — меньше часа. В плохой день столько, сколько потребуется.

— Довольно точная оценка для плохого дня.

Смотритель оживился: он, вероятно, нечасто встречал путешественников, способных оценить достоинства местной неопределённости. Он отвёл Амелию в небольшую комнату ожидания, куда доносился запах жареной рыбы из соседнего заведения, и обещал позвать, когда придёт человек от переправы.

На столе лежал отпечатанный на зелёной бумаге листок: «Путь через Северную отмель. Проезд разрешён в часы малой воды». Рядом кто-то карандашом вывел поправку от руки. В таблице значились пятница и суббота, а возле каждого дня — интервалы, в которые телеги и автомобили могли проходить по насыпи. На пятницу было указано: с половины первого до двадцати минут пятого. Над этой строкой стоял штемпель окружной администрации.

Амелия изучала его, когда вошёл мужчина с кожаной сумкой через плечо. Лицо у него было обветренное, загорелое не столько от солнца, сколько от постоянного присутствия солёной воды. Борода короткая, седая на подбородке, зелёная куртка натёрта до блеска на локтях. Он быстро оглядел комнату и безошибочно определил, кого ему надлежит искать.

— Мисс Эвелин? Холт. Переправа.

— Вы смотритель?

— Если море позволит. В другое время я тот, кому приходится объяснять людям, отчего они не могут вернуться домой.

— Должность, требующая немалого терпения.

— Оно кончается раньше, чем вода.

Холт положил сумку на стол и вынул из неё сложенную карту в клеёнчатом футляре, пучок ключей и другой листок — на сероватой бумаге, исписанный колонками цифр. Края листа были обтёрты пальцами, а верхнюю строку кто-то защитил тонкой полоской прозрачного материала.

— Раз уж вы едете в Келлвик, вам нужно понять дорогу, — сказал он. — Люди из города читают одну таблицу и думают, будто она обещает им сухие сапоги. У меня другая.

Он положил серый лист рядом с зелёным.

В первом были расписаны часы допуска на дорогу. Во втором — числа у названий отдельных вех: «Устье», «Коса», «Сторожевой камень», «Третья отметка». Рядом обозначались высоты воды относительно мерной рейки и часы, когда вода обычно достигала камней. Для сегодняшнего дня возле «Третьей отметки» стояло шестнадцать часов без восьми минут; возле обычного окончания проезда — шестнадцать двадцать.

— Получается, — сказала Амелия, — две бумаги называют разные времена исчезновения дороги.

— Нет, мэм. Первая называет время, когда я обязан закрыть движение. Вторая — когда вода накроет то, что люди принимают за дорогу. Видите разницу?

— Первое относится к разрешению, второе — к физическому состоянию.

— Именно. Порой вода уходит под щебень и вехи ещё торчат, а в колеях уже не удержишь колеса. Порой вода покрывает последний камень, но гребень насыпи ещё сух. Тех, кто судит по камню, море забирает прежде всего.

— Тогда почему время закрытия позже времени исчезновения третьей отметки?

Холт удивился: вопрос, должно быть, давно не задавали.

— Потому что это не дорожная веха. Старая сигнальная рейка в стороне от насыпи. Когда её закроет, вода ещё идёт вокруг, а не через дорогу. Её поставили до нынешнего каменного гребня. После беды шестнадцатого года гребень подняли. Рейку оставили, чтобы знать, как раньше поднималась вода.

Амелия внимательно посмотрела на цифры. Различие было не ошибкой, а следом двух эпох, соединённых одним островом. В одной таблице говорилось, как людям можно ездить теперь; в другой — что происходило бы с дорогой, какой она была во время катастрофы. Это давало возможность честно сказать, будто отмель в определённый час «уже исчезла», хотя проезд оставался открыт ещё четверть часа. Достаточно было умолчать, какое исчезновение имеется в виду.

— Вам не приходилось объяснять эту разницу комиссии после аварии? — спросила она.

Холт убрал с карты руку.

— Тогда работал другой смотритель. Я был в море.

— А старый журнал сохранился?

— Если он существует, хранится в доме. Всё, что осталось от шлюза, там считают имуществом семьи Вейл.

Он произнёс последнюю фразу с такой простотой, что Амелии захотелось спросить, что именно ему не нравится: семья, принадлежность документов или сам факт сохранения. Она не спросила. На лицах людей, которые всю жизнь наблюдают за приливом, редко найдёшь ответ на вопрос, поставленный слишком рано.

— Леди Элеонора говорила, что вы вправе остановить проезд невзирая на её пожелания, — сказала Амелия.

— Она разумная женщина, когда не боится собственных гостей.

— Вы считаете, что она их боится?

Холт осторожно свернул зелёный лист.

— Я считаю, что на остров в одну неделю приехало слишком много людей, которым семнадцать лет было не о чем разговаривать друг с другом.

— А вам?

— Мне всегда есть о чём говорить с приливом. Он, по крайней мере, не спрашивает, что я помню.

Он поднялся, но задержался у дверей.

— Вы ведь та самая дама, что умеет распознавать обман?

— Я иногда распознаю ошибку. С обманом значительно сложнее.

— На острове всё одно.

— Не думаю. Ошибающийся человек может радоваться исправлению. Лжец — далеко не всегда.

Холт пристально посмотрел на неё.

— Тогда послушайте совет, мисс. Если кто-нибудь скажет, что слышал звон с башни, спросите, был ли он на дороге или у дома.

— Почему это важно?

— Потому что ветер у моря умеет отнимать звук у тех, кто стоит рядом, и приносить его другим. В некоторые дни колокол слышнее на отмели, чем под самой башней.

— Он действует?

— Не должен.

Мужчина вышел так быстро, что ей не удалось уточнить смысл последнего слова.

В обеденной комнате при станции подавали холодную говядину и чай. Амелия заказала оба блюда, но к говядине почти не притронулась. Она раскрыла свой блокнот и нарисовала две горизонтальные линии. Над верхней написала «дорога разрешена», под нижней — «дорога видима». Одна могла пересечь другую, не переставая быть истинной. Если люди в Келлвике путали эти линии так же охотно, как станционный попутчик путал новость с её газетной формулировкой, хозяевам старого шлюзового журнала следовало опасаться не только воды.

Пока она писала, возле буфета завязался спор между двумя работниками. Один утверждал, что на острове вновь стали слышать колокол. Другой отвечал, что колокол сняли после аварии, а слышимый гул исходит от буксиров в северном проходе. Первый не уступал, поскольку звук слышала его жена. Второй возражал, что жена не может знать, откуда идёт звук, если не видела колокола.

Амелия прекратила писать. Последнее замечание могло бы стать выводом любого судебного заседания, на котором свидетель честно скажет: «Я слышал», а адвокат незаметно превратит его слова в: «Я видел».

Она подозвала буфетчицу — женщину с крепкими руками и лицом, сохранявшим доброжелательность даже в тот момент, когда ей приходилось пересчитывать чужую сдачу.

— Простите, у меня необычный вопрос. Кто в этих краях отвечает за старую сигнальную башню?

— Смотритель, пожалуй. Да управляющий из дома. Если башня течёт, ругаются с механиком. Если звенит — с Господом Богом.

— Она звенит?

— То слышится, то нет. На прошлой неделе старуха Гиббонс говорила, будто её разбудили три удара. Только часы показывали пять утра, а мужа её не стало ещё до войны. Она решила, что это он просил впустить.

— И вы ей поверили?

— Поверила, что она слышала. Не стану же я называть старуху лгуньей. А откуда звук — пусть знающие люди разбираются.

Здесь, подумала Амелия, есть больше здравого смысла, чем во многих учёных заключениях. Она поблагодарила женщину и вышла к станции.

На площадке у товарного склада уже ждала телега, нагруженная деревянными ящиками, корзинами с провизией и длинным свёртком, похожим на свернутый парус. Две тяжёлые лошади стояли спокойно, лишь время от времени поворачивая головы к морскому ветру. Возница был приземистый, с рыжими бакенбардами, в плаще, застёгнутом на одну пуговицу; остальные либо потерялись, либо давно перестали казаться ему необходимыми.

— Я Том Невилл, мэм. Везу в дом всё, что не умеет уплывать само. В том числе вас, если не возражаете.

— Постараюсь не усложнить вам груз, мистер Невилл.

— Зовите Томом. Я отвечаю и на это имя, и на свист, только на свист — не так охотно.

Он разместил её чемоданы между ящиками, предусмотрительно прикрыл брезентом мягкий кожаный чемодан и помог Амелии устроиться на узком сиденье рядом с собой. Холт пришёл через минуту, проверил крепления и подал Тому сложенный лист.

— Обратно будешь только в субботу утром, — сказал смотритель.

— А если барыне срочно понадобятся апельсины?

— Тогда она проведёт ночь без апельсинов.

Том засмеялся. Амелия отметила, что Холт не поддержал шутку; он глядел в сторону невидимой пока дороги.

— У вас изменился ветер? — спросила она.

— Севернее, чем рассчитывали. Не опасно, пока не начнёт подпирать воду на отливе. Я поеду впереди до третьего камня. Там посмотрим.

— Вы тоже отправляетесь на остров?

— До калитки на сигнальной дороге. Дальше у меня обход.

Он достал из кармана крупный латунный ключ. Амелия увидела на его бородке свежую косую царапину — более светлую, чем остальной металл. Кончик бородки был почти чёрным от старой смазки, но вдоль царапины блестело чистое жёлтое пятнышко. Отметина могла возникнуть от неисправного замка. Могла — от недавнего напильника, которым снимали заусенец. Ни одну из возможностей нельзя было исключить, пока замок оставался невидимым.

— Этот ключ от калитки? — спросила она.

— Да. Там нет обычной дороги, только служебная. Иногда к башне идут механики.

— Ею пользовались в последние дни?

— Вчера проверяли петли. Человек из дома сказал, что после ремонта вентиляции калитка заедает. Должно быть, дверь перекосило от соли.

— Что за ремонт вентиляции?

— Медные трубы, старые воздушные ходы. Их трогали не первый раз. Месяц назад нанимали работника с материка — Мортона. Он сказал, что дом умеет чудеса, когда ветер проходит через стену.

Амелия почувствовала короткое, неприятное облегчение. Так бывает, когда наконец слышишь знакомое имя среди чужих: человек радуется тому, что его предположение подтвердилось, забывая, что подтверждение пока касается лишь одной детали.

— Джорджа Мортона?

Холт посмотрел на неё уже без той учтивой отстранённости, которую сохранял до сих пор.

— Вы его знали?

— Его брата. Джордж работал на острове в сентябре и перестал писать домой. Вы видели его после восемнадцатого числа?

— Нет. В тот день я отлучался к северному маяку. Когда вернулся, сказали, что он уехал.

— Кто сказал?

Холт поколебался, но лишь мгновение.

— Человек из управления работами. Томас Лидделл. Ему принадлежит слово во всём, что касается механизмов и берега.

— Он видел, как Мортон уезжал?

— Этого я не знаю.

— Тогда вы слышали не сообщение о его отъезде, а сообщение о том, что господин Лидделл считает его уехавшим.

Том перестал возиться с вожжами. Холт выслушал поправку и неожиданно кивнул.

— Вот именно поэтому я ждал вас, мисс, — сказал он. — На острове многие умеют говорить так, будто были везде сразу.

К повозке подошёл мальчик с корзиной хлеба, и разговор пришлось оборвать. Холт запер свою сумку, проверил карман с ключом и направился к маленькой служебной повозке, ожидавшей его у столба. Том щёлкнул языком, лошади тронулись. Сначала колёса шли по ровной улице, потом по гравию, затем дорога взяла вправо, за низкий каменный вал.

Море открывалось не сразу. Сначала появились широкие плоские пространства, покрытые тёмными полосами водорослей; дальше тянулась сеть неглубоких проток, и только у горизонта начиналась вода без видимого дна. На отмели бродили белые птицы на длинных ногах. При приближении телеги они отступали не в сторону суши, а туда, где вода казалась глубже.

Том снял шляпу, встряхнул её и снова надел.

— Когда я был мальчишкой, тут можно было идти от одной песчаной гряды к другой босиком, — сказал он. — Теперь люди ездят на автомобилях и полагают, что это сделало море умнее.

— А вы не полагаете?

— Ни на грош. Оно стало только чаще видеть чужие колёса.

Он показал кнутом на низкую линию из каменных блоков. Амелия сначала приняла её за остаток забора, но блоки уходили в воду правильной цепочкой и исчезали за поворотом.

— Старая насыпь, — объяснил Том. — Та, что была до шестнадцатого года. Теперь дорога выше и немного западнее. Если смотреть издали, кажется, что обе идут рядом. Во время прилива сперва пропадает старая, потом новая. Выходит, дорога исчезает дважды.

Амелия невольно улыбнулась названию, которое предложило само место. До приезда она считала слова «дорога исчезает» грубым, поэтическим описанием. Теперь увидела, что за ними стоят два совершенно конкретных сооружения, разделённых несколькими десятками шагов и семнадцатью годами.

— А кто остался на старой насыпи в ночь катастрофы?

— Люди, — ответил Том после паузы. — На ней всегда оставались люди, когда говорили, что дорога закрыта. Надо же кому-то было стоять у сигнала.

— Я спросила, кто именно.

Он долго смотрел вперёд. Не всякое молчание является сопротивлением. Иногда человек действительно ищет воспоминание, которое в течение многих лет старался не доставать из памяти целиком.

— Сначала думали, что это был смотритель и двое рабочих. Потом нашли сапог мальчишки, а в бумагах мальчишки не значилось. Ему было лет пятнадцать. Говорили, помощник, вроде как при машине. Но я тогда не возил людей на остров; работал у отца с сетями. Чего не видел, того приписывать не стану.

— Хорошее правило.

— От него, правда, толку мало, когда кто-то умер.

— Особенно тогда, — возразила Амелия.

Повозка спустилась на искусственный гребень насыпи. Под колёсами загрохотали камни, и разговор сделался прерывистым. Слева вода лежала неподвижными зеркалами; справа быстро уходила, обнажая застывшие волнистые борозды песка. В одном месте Амелия заметила веху, на которой были не просто белые полосы, а чёрные числовые обозначения. Она попросила Тома на мгновение придержать лошадей.

— Это отметка уровня?

— Третья, — сказал он. — Холт её каждую неделю чистит. Знак старый, цифры новые.

Рядом стояла другая веха — ниже и почти занесённая песком. На ней старой красной краской были нанесены две черты. Верхняя, похоже, совпадала с отметкой, показанной на фотографии башни. Амелия достала снимок и быстро убедилась, что нельзя утверждать совпадение без масштаба и угла съёмки. И всё-таки две металлические пластинки на шесте человека в кадре напоминали именно эти красные черты.

— Люди здесь всегда мерили воду по двум шкалам? — спросила она.

— По трём, — буркнул Том. — Третья живёт в головах у тех, кто помнит шторм. Они видят высоту, которой на самом деле нет.

Амелия убрала снимок. У отмели действительно могла быть третья шкала: память, с которой многие сверяли настоящее, несмотря на то что её деления давно изменились. Для судебного дела она не годилась; для объяснения поступков — вполне.

Сзади послышался окрик. Холт догнал их на маленькой повозке и остановился возле столба с оранжевой доской. Смотритель вышел, опустился на корточки у желоба, где через

дорогу проходила вода, и некоторое время наблюдал за её движением. Затем вытер пальцы об одежду.

— Пока идём, — сказал он. — Но не останавливайтесь у поворота. Там колея изменилась, а слой сверху кажется плотнее, чем есть.

— На сколько у нас времени больше, чем обычно? — спросила Амелия.

— Меньше, чем написано на бумаге. Ветер против течения. Я буду закрывать проезд по состоянию дороги, а не по типографской строке.

Это был ещё один неудобный для будущего рассказчика факт. В назначенный час путь мог быть закрыт, но не исчезнуть; в другой — исчезнуть из виду, но оставаться сухим на гребне; наконец, смотритель мог запретить движение раньше обоих сроков. Кто-нибудь непременно воспользуется одной из этих формулировок, чтобы построить себе алиби, подумала Амелия. И тогда ей придётся выяснять, какой именно смысл человек вложил в слово «закрыта».

Они проехали ещё четверть мили. Старая насыпь слева превратилась в цепь мокрых камней и окончательно скрылась под серой плёнкой воды. Новая дорога пока лежала открытой, тёмной полосой среди песка. Птицы поднялись одновременно, словно их встревожил один общий звук, которого человеческое ухо не расслышало.

Амелия посмотрела на часы. Времени оставалось достаточно, чтобы закончить путь, если ветер не усилится. На этой же самой дороге семнадцать лет назад кто-то, по всей видимости, доверился времени, которому не следовало доверять.

— Мистер Холт, — окликнула она смотрителя, который ехал чуть впереди, — в чьих руках был сигнальный колокол в шестнадцатом году?

Он обернулся не сразу.

— В руках? Ни в чьих. Тогда колокол тянули цепью из башни.

— Кто подавал сигналы?

— По правилам — смотритель. По приказу — иной человек.

— Чей приказ был выше?

На лице Холта появилось то выражение, которым взрослые награждают детей, задающих опасные вопросы на людях.

— Вам лучше спрашивать об этом в доме, мисс.

— Там вам запретили говорить?

— Нет. Я просто не хочу говорить за мёртвых. Мне хватает работы с живыми.

Он снова поехал вперёд. Амелия проводила его взглядом, не делая выводов о вине или причастности. Смотритель мог опасаться потерять службу, мог не доверять чужим, мог помнить, что старую катастрофу объясняли слишком многими удобными словами. В каждой из этих причин оставалось место для правды.

За последним поворотом насыпь поднялась, и впервые показался остров Келл. Он был меньше, чем можно было заключить по карте: каменистый выступ, обрамлённый болотистой травой, с низкими деревьями, которых ветер заставлял расти под углом. Над восточным краем возвышалась сигнальная башня, квадратная, не очень высокая, с медным козырьком под крышей. За ней стоял Келлвик-Хаус — большой дом из серого камня с длинной крышей и стеклянной галереей, которая отражала небо в нескольких разных оттенках. Вблизи дом казался не призрачным, а утомлённым: в нём было слишком много окон, требовавших мытья, слишком много труб и пристроек, которые разные поколения возводили, не спросив согласия у первоначального архитектора.

Амелия остановила взгляд на стеклянном павильоне. На старой фотографии он угадывался не более чем тёмная полоса. Теперь его крыша мерцала над деревьями. От основной части дома тянулась к нему узкая галерея, и в одном её пролёте стекло было заменено матовыми пластинами. Возможно, от ветра. Возможно, потому, что кто-то хотел скрыть происхо-

дящее внутри. Для второго предположения оснований не было, и она отметила для себя лишь наличие матового стекла.

Над башней висело круглое железное крепление, похожее на обод без колеса. Внутри него темнел колокол. Он казался слишком низко подвешенным, чтобы звук с него разносился далеко, но расстояние могло искажать размер. Амелия вспомнила слова буфетчицы: «Поверила, что она слышала». Невозможно было смотреть на этот тяжёлый предмет и не думать о том, как легко человек припишет ему всякий низкий звук, донёсшийся от моря.

Том указал вперёд кнутом.

— Вот и Келлвик. Видите дорожку к западным воротам? Там нас примут. А дальше я повезу ящики к кухне. Гости проходят под аркой, чтобы не видеть, как ругается кухарка.

— Не сомневаюсь, что это проявление гостеприимства.

— Не обольщайтесь. Кухарка ругается только на тех, кто привёз неправильную рыбу.

У нижнего склона они приблизились к сигнальной калитке. Железная решётчатая дверь перекрывала узкую служебную дорожку, уходившую вправо к башне. На столбе висела выцветшая табличка с предупреждением об опасном проходе при высокой воде. Холт остановил свою повозку, достал из кармана латунный ключ и вставил его в замок. Ключ повернулся с неприятным скрежетом; мужчина попробовал снова, толкнул дверь плечом и открыл её не сразу.

— Заедает? — спросила Амелия.

— Давно заедает.

— Но царапина на ключе выглядит недавней.

Холт вынул ключ и посмотрел на бородку, словно впервые замечал отметину.

— А это, должно быть, от вчерашней проверки. Ключ брал мастер. Сказал, надо подточить зубец, иначе дверь останется запертой в прилив.

— Кто именно брал?

— Из дома прислали человека. Имени не назвали, но у него была записка за подписью Лидделла.

— Вы сохранили записку?

— На клочке такой мокрой бумаги и на сутки полагаться нельзя.

— А сам человек описать сможете?

Холт помолчал.

— Высокий. В кепке. Руки в сером порошке. На ногах ботинки, какие носят по каменоломням. Больше не помню.

— Он возвращал ключ вам лично?

— Да. После полудня. Прежде чем вы спросите, мэм, точного часа не записал.

— Я ещё не спросила, — заметила она.

Холт не обиделся.

— Но спросили бы.

Он закрыл за собой калитку, проверил её с другой стороны и снял с кольца ключ. Амелия наблюдала не за его лицом, а за тем, как металл ложился в ладонь: царапина была действительно на выступающей части бородки, не на той, которую обычно царапают края замка. Это ничего не доказывало само по себе, но требовало увидеть механизм. Она не стала просить ключ: смотритель отвечал за проход, а беспорядок в его связке мог иметь последствия гораздо серьёзнее потерянной улики.

— Кому теперь принадлежит сигнальная башня? — спросила она.

— Формально семье Вейл. По факту — тем, кто умеет добраться до неё по дороге, которую не всякий раз увидишь.

— Вы не любите владельцев острова.

— Это ваше предположение, мисс.

— Верно. Пожалуй, слишком смелое.

Холт взглянул на неё неожиданно с интересом. Люди редко готовы признать неподтверждённость собственной догадки сразу после того, как её высказали. Возможно, именно в эту минуту он решил, что разговаривать с мисс Эвелин будет менее опасно, чем с очередным юристом.

— Леди Элеонора хорошая хозяйка, — сказал он после паузы. — Но некоторыми вещами управляет не хозяин. И не смотритель. И даже не море.

— А кто же?

— Воспоминания. Они держат людей хуже железных ворот.

Он ушёл по служебной дорожке, а Том тронул лошадей дальше. Амелия смотрела ему вслед, пока зелёная куртка не исчезла между низких стен. В дальнейшем ей предстояло решить, чем была эта фраза: естественным суждением пожилого человека, живущего среди последствий беды, или попыткой заранее придать событиям нравственную окраску. Сейчас она могла лишь записать слова дословно.

Дорога резко пошла вверх. По обе стороны выросли кусты терновника, почти лишённые листьев; красные ягоды на ветках казались слишком яркими для здешнего серого дня. Слева открывался вид на залив. Вода уже начинала соединять отдельные протоки в одну поверхность. Час назад по этим местам, вероятно, можно было пройти в резиновых сапогах; теперь казалось, будто суши здесь никогда не существовало.

На нижнем склоне Амелия заметила несколько людей, вытаскивавших из канавы деревянный ящик. Один мужчина, высокий и прямой, командовал остальными резкими движениями рук. Другой держал длинную рейку и что-то отмечал мелом на камне. Том посмотрел в их сторону, но не остановился.

— С прошлого вечера чинят водоотвод, — сказал он. — Если господин Лидделл не устроит им новую проверку, они ещё сегодня закончат.

— А тот человек у рейки?

— Кто знает. Здесь каждый второй называет себя инженером, если ему дали линейку.

Амелия не стала рассматривать лиц на расстоянии. Ей хотелось встретить этих людей тогда, когда она будет уверена, кто из них говорит от собственного имени, а кто повторяет указания начальства. Дом приближался, и вместе с ним появлялось ощущение, которого она не испытывала в купе и на насыпи: здесь чьи-то решения уже приняли за неё. Её позвали, место приготовили, лошади доставили к воротам, а за воротами ждала история с заранее расставленными участниками.

Внутреннее сопротивление этому порядку она знала слишком хорошо. В юности оно заставляло её спорить с каждым, кто уверенно предлагал помощь. Позднее она поняла, что отказ играть предложенную роль не требует отказа входить в комнату. Достаточно не соглашаться, что известны правила.

Том повернул к арке из тёмного кирпича. Под аркой было написано старое название поместья, почти съеденное лишайником. По левую руку к стене крепился медный рожок — то ли древний переговорный прибор, то ли часть звонка для привратника. Конец трубы уходил в камень. Амелия видела такие устройства на старых кораблях и в домах, где хозяев раздражала необходимость кричать через коридор.

— Этим пользуются? — спросила она.

— Иногда, — ответил Том. — На днях какой-то мастер пробовал трубку. Хотел, чтобы из кухни слышали, когда у ворот телега. Кухарка сказала, что лучше пусть лошади ржут, чем трубы разговаривают.

Он только успел договорить, как из стены раздался короткий металлический дребезг, а вслед за ним глухой стук. Лошади повели ушами; Том придержал вожжи.

Амелия не вздрогнула. Она посмотрела на медный рожок и увидела, что в его внутреннем кольце осталась тонкая полоса свежего масла. Кто-то действительно работал с устройством

совсем недавно. Стук мог прийти от дальнего конца трубы, от стены, от ветра. Он не был похож на колокол — и тем полезнее было его запомнить.

— Слышали? — спросил Том вполголоса. — Вот и дом здоровается.

— Скорее сообщает о неисправности, — ответила Амелия.

— Здесь между этими двумя вещами не всякий отличит разницу.

Они выехали из-под арки на каменный двор. Главный подъезд находился выше; к нему вела широкая лестница, по которой теперь стекала дождевая вода. Стеклянный павильон, видимый с дороги, отсюда казался частью самого неба, поставленной на железные стойки. В западном крыле горели два окна. На галерее возле башни на мгновение мелькнула тёмная фигура, затем исчезла за колонной. Если бы Амелия собиралась прибыть в дом как гостья, она могла бы подумать, что её заметили. Но прибывала она как наблюдательница, а потому первым делом решила выяснить, откуда на галерее виден подъезд и слышен ли там звук колёс.

Навстречу вышла женщина в тёмном платье и белом переднике — экономка дома, судя по ровной осанке и тому, как Том, обычно разговорчивый, немедленно перестал шутить.

— Мисс Эвелин? — спросила она. — Я миссис Сайкс. Леди Элеонора просила проводить вас в дом без задержки. Вы добрались благополучно?

— Настолько, насколько позволила дорога.

— Сегодня она ещё добрая. К вечеру переменится.

Миссис Сайкс бросила взгляд на телегу. Она не спросила про чемоданы, что странно для экономки, зато внимательно осмотрела сапоги Амелии. Это можно было принять за оценку того, сколько грязи новая гостья принесёт на ковры. Амелия заподозрила более простое объяснение: женщина хотела знать, шла ли путешественница пешком по служебной дорожке.

— К леди Элеоноре сейчас можно пройти? — спросила Амелия.

— Она ожидает вас к чаю. Но прежде надо переодеться. В доме очень сыро.

Из-за открытой двери доносились быстрые шаги, затем шум передвигаемой мебели. Пахло мокрым сукном, полиролью и чем-то железным, напоминавшим о старой воде в трубах.

— У вас что-то случилось? — спросила Амелия.

— Ничего такого, чему нельзя было бы найти объяснение, — ответила миссис Сайкс слишком поспешно.

Амелия заметила и скорость ответа, и его странное сходство с формулировками собственного письма хозяйке. Но совпадение слов не было поводом считать женщину сообщницей неизвестного отправителя. Возможно, в доме уже много раз обсуждали, что именно следует считать объяснимым.

— Надеюсь, — сказала она, — вы расскажете мне об этом после того, как я сниму пальто.

Экономка открыла дверь шире. Том тем временем спрыгнул с козел, обошёл лошадей и начал развязывать крепления груза. Всё происходило в обыкновенном, вполне разумном порядке. Если бы не звук, доносившийся из башни, Амелия могла бы счесть прибытие удачным и даже немного скучным.

Сначала она услышала очень низкий гул — такой иногда возникает в большой медной ёмкости, если кто-нибудь проведёт по её краю мокрым пальцем. Звук не имел ни начала, ни направления; он словно вырос внутри воздуха между башней и домом. Затем возник короткий удар, густой, тяжёлый, с металлическим послезвучием. Птицы, сидевшие на водостоке, сорвались с места. Том поднял голову. Миссис Сайкс закрыла глаза на долю секунды, прежде чем снова посмотреть на гостью.

Амелия повернулась к башне.

Через большое окно под медным козырьком был виден тёмный силуэт колокола. По его очертаниям нельзя было понять, есть ли внутри язычок. Верёвки не было видно. Башенная дверь находилась за служебной калиткой, которую Холт только что запер. Ни на галерее, ни у стен не стоял человек, способный дотянуться до тяжёлого металла.

— Что это было? — спросила Амелия.

Том открыл рот, но миссис Сайкс ответила раньше:

— Он не может звонить.

Её голос был совершенно ровным. В этом и заключалось самое странное. Не страх, не уверенность, а грамматическая завершённость фразы: будто женщина сообщала установленное свойство мира, которому только что противоречили собственные уши.

— И всё-таки мы что-то услышали, — мягко заметила Амелия.

— Колокол снят с хода после шестнадцатого года, мисс. Его не трогают. Покойная хозяйка велела, чтобы он никогда больше не подавал сигналов.

— Вы видели, что ударил именно он?

Миссис Сайкс не ответила. Впервые с момента появления экономки Амелия увидела на её лице не попытку скрыть тревогу, а усилие вспомнить нечто определённое. Глаза женщины поднялись к башенному окну, затем быстро опустились к дорожным ботинкам гостьи. Между этими двумя взглядами лежал вопрос, который она не решалась произнести.

Амелия сама посмотрела вверх ещё раз. Колокол висел неподвижно. Медный рожок у арки больше не дребезжал. Дом за спиной тоже казался тихим. Только ветер поднимал с мокрой мостовой отдельные листья и нёс их к основанию башни.

Если колокол не мог звонить, следовало выяснить, кто и почему так уверенно об этом говорил. Но прежде — что именно прозвучало.

Она оперлась на трость, почувствовала под пальцем холодную голову совы и задала экономке единственный вопрос, на который пока нельзя было ответить ни звонким уверением, ни старой легендой:

— Миссис Сайкс, кто последним слышал этот звук до сегодняшнего дня — и что с ним случилось?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Девять фамилий в гостевой книге

— Кто последним слышал этот звук до сегодняшнего дня — и что с ним случилось?

Миссис Сайкс стояла на пороге, придерживая дверь локтем. Ветер шевелил узкий край её передника. За спиной экономки в доме торопливо передвигали тяжёлые предметы, и от этого обычного хозяйственного шума двор казался ещё тише.

— Не знаю, мисс, — произнесла она наконец. — Я здесь служу двенадцать лет. Колокола при мне не слышали. Во всяком случае, прежде нынешней недели.

— Вы сказали «не слышали», а не «не звонил».

— Потому что вы, по всей видимости, предпочитаете такие различия.

Амелия чуть наклонила голову. Ей понравилось, что женщина сумела ответить с достоинством, не прибегая к дерзости. В добропорядочных домах прислуге часто разрешают иметь характер при одном условии: она должна прятать его от гостей. Здесь характер миссис Сайкс, кажется, был последним предметом, который ещё не успели убрать от прибывших.

— Простите за настойчивость. Вы сказали: «нынешней недели». Значит, звук повторялся?

Экономка опустила руку с двери.

— В среду. В половине пятого или около того. Я была в бельевой с прачкой. Она сказала, что слышит звон со стороны башни. Я сама слышала только гудение в трубах, но она настаивала. Прачка уехала тем же вечером, и я не стала её задерживать из-за спора о том, что нельзя проверить.

— В среду вы находились в доме, а сегодня — во дворе.

— Совершенно верно.

— Отсюда звук кажется более металлическим. Это не доказывает, что источник один и тот же.

— Нет, мисс.

Её короткое согласие насторожило Амелию больше, чем предыдущее сопротивление. Не потому, что экономка лгала. Скорее она заранее знала, куда может привести этот разговор, и теперь надеялась, что его прервут обстоятельства.

Обстоятельства не заставили себя ждать. Из дома показался молодой мужчина с закатанными рукавами; на предплечье у него блестела узкая полоска воды.

— Миссис Сайкс! Нижняя кладовая снова принимает воду. Мистер Лидделл требует мешки, а мистер Крейн говорит, чтобы ничего не трогали без описи.

— Мистер Крейн может составить опись промокших мешков, если ему это приятно, — ответила экономка. — Ты, Роберт, отнеси ящик с углём к задней лестнице. И не бери ничего из архива, пока я не приду.

— Архив уже взяли, — сказал молодой человек и от этого известия вдруг стал выглядеть лет на десять старше.

Миссис Сайкс закрыла глаза — теперь не из-за колокола, а с усталостью человека, которому даже бедствие не оставляет права на удивление.

— Прошу вас простить беспорядок, мисс Эвелин. Ваши вещи поднимут в комнату. Я должна спуститься вниз.

— Пожалуй, сначала я спущусь вместе с вами.

— Там мокро.

— Я видела воду по дороге сюда. Это не было неприятным открытием.

— И там мужчины таскают сундуки.

— Тем лучше. Никто не потребует, чтобы я помогала нести самый тяжёлый.

Экономка колебалась лишь секунду. Амелия заметила, что вторая причина была для женщины важнее первой: гостей хотелось удержать подальше от кладовой не столько ради безопасности, сколько ради порядка. Порядок в доме, где архив внезапно эвакуируют во время подъёма воды, уже был нарушен. Амелия решила не усугублять это положение видом человека, который тайком преследует разгадку.

— Я не стану вмешиваться в работу, — сказала она. — Но если документы, ради которых меня пригласили, действительно подвергаются опасности, разумнее увидеть их до того, как они станут нечитаемы.

Миссис Сайкс посмотрела на её трость.

— Ступени здесь скользкие.

— Благодарю. Это как раз то, для чего её иногда используют.

Внутренний холл был светлее, чем предполагал внешний вид дома. Два высоких окна выходили на западную лужайку; дождевые потёки на них дробили серое небо, но даже в пасмурный час в помещении можно было читать без лампы. Дубовые панели нижней части стен имели неравномерный цвет: около дверей дерево потемнело от прикосновений многих рук, под портретами сохранило первоначальную теплую коричневизну. На лестнице лежала тёмно-синяя дорожка, которую кто-то свернул до половины. Из-под неё выступали влажные светлые прямоугольники, будто пол недавно вымыли и не дали ему просохнуть.

Слева, за столиком с треснувшей керамической вазой, стояла большая книга в зелёном кожаном переплёте. Открытые страницы удерживала костяная линейка. Над книгой висела гравюра старой башни — та самая конструкция, которую Амелия видела с дороги, но в изображении отсутствовала позднейшая надстройка с медным козырьком. На гравюре к колоколу тянулась цепь с противовесом; сейчас она исчезла, оставив после себя обещание, что именно так было всегда.

— Гостевая книга, — сообщила экономка. — Леди Элеонора просит всех, кто остаётся на острове ради комиссии, записаться здесь. Когда суета кончится, покажу вам вашу комнату.

Амелия не задержалась, но успела отметить одну особенность: подписи были расположены не по алфавиту и не по обычаям светского дома, где сначала записывают даму, затем её спутника. Это был перечень прибывших. Внизу страницы для неё приготовили пустую строку с датой «6 октября». Рядом лежало перо в тяжёлой чернильнице, однако перо было сухим, а вокруг горлышка оставалась тонкая синяя кайма. Другими словами, в книге писали недавно, хотя к ней не прикасались как минимум несколько минут.

Дальше они прошли через узкий коридор, пахнувший мылом и влажным камнем. Под обшивкой где-то тихо звенела труба: не столько звук, сколько дрожание, которое ощущаешь зубами прежде, чем распознаёшь слухом. В конце коридора находилась служебная лестница. По ней поднимались двое рабочих с длинным дубовым ящиком. Рабочие шли осторожно, потому что между ступенями стучало что-то стеклянное.

— Выше, осторожней! — донёсся снизу мужской голос. — Сначала книги. Приборы потом. Нет, не через дверной проём — вы разобьёте край!

Говоривший появился из полумрака следом за носильщиками. Высокий, сухощавый, с густыми светлыми волосами, в непромокаемом рабочем пальто поверх жилета, он двигался так, словно с каждой лестницей заключил договор: она обязана не менять высоту ступеней, а он — не тратить время на осторожность. В одной руке он держал скрученный план, в другой короткую складную мерную рейку.

— Миссис Сайкс, где запасные полотнища? Если мокрые бумаги сейчас положат друг на друга, через два часа мы получим бесполезную массу. Роберт! Не спешите, я сказал!

— Мистер Лидделл, — проговорила экономка голосом, которым человек в мирное время представил бы гостя, а в чрезвычайном — сообщил бы о стихийном бедствии. — Это мисс Эвелин.

Инженер остановился на предпоследней ступени и посмотрел сначала на серебряную сову, потом на обувь Амелии, затем на стену, словно проверял, сколько времени осталось до следующего наводнения.

— Добро пожаловать в Келлвик. Не лучший день для визита.

— Именно поэтому, полагаю, его и можно счесть удачным, — ответила она. — Когда людям некогда готовить речь для гостя, они бывают точнее.

— У нас нет времени на речи.

— Я заметила. Можно спросить, откуда вода?

— Из старой водосточной ветви. Прилив поднимается быстрее, чем отводит её западная канава. Заслонка в нижнем колене трубы не держит обратного напора. Всё это довольно скучно и совершенно объяснимо.

— Тогда почему вы так рассержены?

Он на секунду сжал рейку.

— Потому что объяснимая неисправность всё ещё требует людей, а люди всё чаще спрашивают, не виновато ли проклятие. Подайте мне дюжину мешков и один разумный вопрос — получите сухой подвал.

Амелия слегка повернула трость, указывая вниз.

— Нижняя заслонка осталась доступна при нынешнем уровне?

— Пока да. Через двадцать минут не поручусь.

— Тогда не буду отнимать у вас и двадцати секунд.

Инженер шагнул в сторону, пропуская её, и побежал вверх. На светлом краю ступени остался отпечаток мокрого сапога: широкая пятка, острый зубчатый рисунок, в правом внешнем углу — небольшая пустота в форме неправильного треугольника. Ничего удивительного: каблуки стираются, а работа у воды портит хорошую обувь. Но Амелия запомнила дефект, потому что он был определённым, в отличие от рассказов о призрачных звуках.

Снизу снова окликнули инженера. Он обернулся, и его тяжёлый шаг на влажной ступени на миг повторился как второе эхо — с запозданием, которое нельзя было отнести к обычному отражению от стен. Амелия приостановилась. В задней части помещения проходила открытая труба с латунным раструбом, почти незаметным в неровном освещении. Возможно, именно она перенесла звук. Инженер вернулся вниз не для того, чтобы объяснить это, а чтобы закрыть вентиль, который снова зашипел.

Кладовая находилась под западной пристройкой. Две низкие арки поддерживали потолок, укреплённый железными балками, и солёная вода выступала уже поверх третьего ряда плиток. На одной стене виднелись три старые горизонтальные отметки разного цвета. Самая нижняя была зелёной, выше — красной, почти под самой аркой — чёрной. К последней тянулась незавершённая надпись «1916», словно память когда-то попытались зафиксировать не на бумаге, а прямо на камне.

У входа мужчина в тёмном костюме с безукоризненно повязанным галстуком обнимал обеими руками кожаную папку. Его пальто оставалось на плечах, впитывая влагу, хотя вокруг было жарко от спешки. Он отдавал команды не тем, кто носил ящики, а женщине в серой юбке, которая раскладывала на переносном столе деревянные таблички.

— В первую очередь книги выдачи за двадцать девятый год, — говорил он. — Затем текущую ведомость имущества. Эти бумаги касаются дома как хозяйства. Старинный хлам можно сушить потом.

— Здесь нет старинного хлама, мистер Крейн, — ответила женщина. — Это документы шлюзовой комиссии. Непосредственно ради них и собрали людей.

— Ради них и нужно не превращать всё в балаган. Если лист пропал до описи, это одно. Если при несанкционированной переноске — совершенно другое. Я отвечаю за сохранность фонда.

Его голос оказался удивительно приятным — низким, умеренным, без малейшего признака раздражения. Однако большие пальцы, лежавшие на застёжке папки, так сильно вдавили кожу, что на ней выступили две одинаковые светлые полосы.

Женщина заметила Амелию, но закончила разговор прежде, чем обернулась.

— Если вам нужны отчёты о закупке лампового масла, вы найдёте их в конторе. Если вам нужны записи о том, почему люди утонули, отойдите от этого сундука.

Сказав это, она сама взялась за угол тяжёлого деревянного короба. В её движениях не было желания впечатлить окружающих; только нежелание терять время. Чёрные волосы она убрала в тугой узел, а по бокам лица влажные пряди прилипли к вискам.

— Мисс Эвелин, — сказала экономка. — Мистер Джулиан Крейн, управляющий. Мисс Ада Грей, наш архивист.

— Очень рад, — произнёс Крейн, не отпуская папки. — Леди Элеонора, несомненно, многое вам рассказала.

— Ровно столько, чтобы я приехала, мистер Крейн. Остальное меня, кажется, ждали здесь.

— Не знаю, кто именно вас ждал, — сказал он, и фраза прозвучала так ровно, что могла быть заранее выбранной. — Наше дело — спасти имущество.

— И документы, — уточнила Ада.

— Разумеется. Под словом «имущество» я всегда понимаю и архив.

Амелия не стала приписывать этой словесной поправке особого значения. Люди, владеющие счетами, обычно привыкли, что их слова приходится уточнять при свидетелях. Но она отметила, что он ответил на предположение о встрече, а не на сам вопрос о мокнущих бумагах: для управляющего важнее было определить, кто и зачем приехал, чем выяснить, как спасти короб.

— Мисс Грей, — спросила она, — что нужно вынести немедленно?

— Два журнала сигналов и контрольные листы. Они лежат глубже остальных. Если ящик поднимут на бок, переплёт лопнет. Поднимите только крышку, а содержимое переносите отдельными стопками.

Крейн поморщился.

— Это займёт часы.

— Нам хватит четверти часа, если никто не будет спорить, — возразила архивистка.

С противоположной стороны раздался голос совсем другого рода — мягкий, быстрый, заботливый:

— Роберт, поставьте ящик. Не надо геройствовать. У вас рука порезана. Вот чистая ткань; сначала перевяжем. И принесите, пожалуйста, ещё свет. Мне нужна лестница, а не повод для похорон.

Крупноглазая молодая женщина в простом платье цвета лесного ореха передавала рабочему перевязочный бинт. На запястье у неё болтался латунный ключ, прикреплённый к узкой синей ленте. Она не имела вида хозяйки, привыкшей к приказам, зато рабочие исполняли её просьбы без обычной задержки, которой встречают распоряжения людей, не участвующих в тяжёлой работе.

— Мисс Ирис Марш, — негромко сказала экономка. — Ведает фондом помощи семьям после аварии. Хотя, если позволить ей, займётся и всем домом.

— Дом не обязан ждать, пока его починят, — отозвалась Ирис, услышав последние слова. — Мисс Эвелин? Я рада, что вы приехали. Простите, руки заняты.

— В таком случае прошу не освобождать их ради меня.

— Спасибо. Здесь никто не соглашается с этой просьбой, пока я не повышу голоса.

Смущённая улыбка появилась у Ирис на мгновение и исчезла, когда рабочий зашипел от боли. Амелия отметила её манеру почти машинально: молодой женщине нужны были не

свидетели её доброты, а люди, способные удержать ящик. Такие качества не делают человека честным во всём остальном, но определяют, к какому способу допроса он будет чувствителен. Ирис не любила бесполезной жестокости — следовательно, обманывать её угрозой кому-нибудь другому было бы особенно удобно.

Под аркой показалась ещё одна женщина — на вид едва старше Амелии, с узким лицом и высоким воротником строгого тёмного платья. В руке она несла медицинский саквояж, в другой — сложенный лист.

— Роберт, я осмотрю порез, когда вы выйдете на сухое. Пока держите руку выше локтя, — сказала она. — Мисс Сайкс, леди Элеонора спрашивает, следует ли ей спускаться.

— Ни в коем случае! — воскликнули одновременно управляющий и архивистка.

Женщина с саквояжем посмотрела на обоих с едва заметным весельем.

— Восхитительно. Единогласие там, где каждое согласие стоит немалых усилий. Я доктор Вивиан Рид. Полагаю, вы мисс Эвелин.

— Полагаете на основании чего?

— Вы держите трость так, словно можете ею указать на ошибку. А остальные дамы в доме уже успели мне пожаловаться на ваше приглашение.

— Тогда, надеюсь, я не сильно нарушила клиническую картину.

— Клиническая картина пока принадлежит этому подвалу, — сухо ответила врач. — Её главные симптомы: сырость, суета и отсутствие сна у хозяйки.

Она говорила дружелюбно, но не слишком быстро. Точность слов была профессиональной привычкой. Амелия обратила внимание на саквояж: замок закрыт, ручка сухая, хотя подол доктора был забрызган. Врач, видимо, спустилась ненадолго и не собиралась вмешиваться в перенос бумаг, пока кому-нибудь не станет плохо. Полезная граница ответственности, хотя и очень удобная для человека, который не желает оставлять отпечатков на чужих вещах.

Из дальнего проёма донёсся тонкий металлический свист. Рабочие приподняли головы. Человек, стоявший рядом с латунной трубой, запустил в неё что-то небольшое, и та ответила негромким дребезжанием. В этот момент на лестнице появилась невысокая женщина с рыжеватыми волосами, собранными под рабочей косынкой. На ней был жилет с множеством карманов, на пальцах — следы тёмного воска и старой полироли.

— Не стойте у раструба, — сказала она быстро. — Если пойдёт обратный напор, получите в лицо прекрасную коллекцию ржавчины. А потом кто-нибудь опять объявит, что труба заговорила человеческим голосом.

Она наклонилась, отвинтила кольцо на латунной трубке и поправила внутреннюю пружину — точным привычным движением, без предварительной просьбы. Свист оборвался. Вместо него за стеной слышалось лишь движение воды.

— Мисс Нора Прайс, — объяснила экономка. — Она занимается старой акустикой и фонографами. Её пригласили осмотреть систему переговорных труб.

Нора выпрямилась.

— Это не фонограф, — сообщила она Амелии, как будто та уже успела допустить ошибку. — Но люди охотно называют одним словом всякую вещь, которая переносит голос. Я предпочитаю различать устройство и то, что оно позволяет внушить.

— Мы с вами, кажется, согласимся, — сказала Амелия.

— Не торопитесь. Это опасная привычка у людей, которые приезжают разгадывать чужие несчастья.

Резкость фразы удивила присутствующих. Доктор Рид чуть повернула голову. Нора словно вспомнила, что находится среди незнакомых, и у неё выступили красные пятна на скулах.

— Простите. Я сегодня плохо спала. Трубы гудели всю ночь.

— Они и сейчас гудят, — произнесла Амелия. — Возможно, у нас будет время обсудить, каким именно образом.

Нора посмотрела на неё внимательнее. Её пальцы на мгновение замерли у латунного раструба. Затем она отошла, так и не объяснив, почему только что работала с устройством, которое, по словам экономки, приглашена осматривать лишь теперь.

— Если мы закончили представления, — объявил Лидделл с лестницы, — можно вернуться к делу? Я не хочу чинить из этих документов бумажную дамбу.

Крейн разжал руки на папке и осторожно снял её с плеча, чтобы не задеть мокрый рукав. Пока архивистка раскладывала на столе старые журналы, управляющий достал из жилетного кармана карманный карандаш с металлическим держателем. Он надписал одну бирку, затем другую, и каждую развернул так, чтобы просохла графитная линия. Когда ему подали чистый лист с графами, карандаш оказался уже убран. Крейн поискал в кармане, извлёк короткую перьевую ручку с зелёным колпачком, посмотрел на чернила и, поколебавшись, подписал строку.

— Почему две ручки? — спросила Амелия негромко, когда он положил лист на край сухого стола.

— Простите?

— Вы заменили перо. Чернила в служебном журнале имеют значение?

— У приличного управляющего всегда есть запасной инструмент, мисс Эвелин. Один из них исправен, другой ещё нужно заправить. Ничего загадочного.

Ответ был истинным в самых общих пределах и бесполезным в частных. Амелия подняла глаза на лист. Подпись управляющего была сделана синевато-зелёными чернилами, тогда как последние записи в лежавшей рядом учётной книге были почти чёрными. Смена письменного прибора не доказывала подделку: любой человек вправе пользоваться двумя ручками. Но совершенно невинный вопрос о ручке, казалось, привёл Крейна в более сильное замешательство, чем известие о воде в подвале.

— Разумеется, — сказала Амелия и на том оставила разговор.

Её давно занимал вопрос, почему люди придают так много значения уверенности собеседника. Уверенность можно получить из знания, из привычки отдавать приказы и из страха потерять роль, на которую опирается существование. Точно так же сбивчивая речь способна сопровождать честный рассказ о пережитом ужасе. Поэтому она отмечала не «ведёт себя как лжец», а «изменил ручку после вопроса о документах; на вопрос ответил об общей привычке». Всякая другая запись была бы уже суждением, замаскированным под наблюдение.

В дальнем углу Лидделл опустился на колено перед деревянным люком и вытащил из кармана короткий ключ. Ржавые винты уступили не сразу. Один рабочий подал ему фонарь; инженер направил свет в темноту и прислушался.

— Слышите? — спросил он Ирис. — Это обратный клапан. Он хлопает каждые десять-двенадцать секунд. Если заклинит открытым, вода поднимется до второго ряда балок. Снесите наверх всё, что можно поднять.

— А люди? — спросила Ирис.

— Люди уйдут раньше предметов.

— Вы уже отправили вниз Роберта с больной рукой.

— Его отправили вниз до того, как врач его осмотрела.

— Но вы его видели.

— Мисс Марш, я отвечаю за сооружение, которое держит этот дом над водой.

— А я отвечаю за людей, которых оно может не удержать.

Лидделл выпрямился. На миг показалось, что они перейдут к ссоре, но инженер только резко выдохнул.

— Хорошо. Роберт выходит первым. Остальные через пять минут. Если уровень поднимется — немедленно.

— Вот теперь вы говорите ясно, — сказала Ирис.

Амелия невольно задумалась, что эти двое, по всей видимости, спорили так не впервые. Однако отсутствие уважительного обращения между ними ещё не свидетельствовало о близости. Долгая совместная работа в опасных местах способна сделать людей резкими друг к другу даже тогда, когда вне опасности они почти не встречаются.

Старые бумаги переносили через узкий подъём к сухой галерее. На нижней площадке стоял невысокий пожилой мужчина, державший в руках массивный ящик с часовыми механизмами. Тот был тяжелее, чем выглядел; мужчина нёс его неудобно, прижав крышкой к груди и не позволяя окружающим помочь.

— Этот прибор держит колесо семьдесят лет, — сказал он Лидделлу, едва они поравнялись. — Если вы уроните его, никакой ваш диплом не соединит зубья обратно.

— Я бы и не пытался, мистер Мерсер, — ответил инженер. — Сегодня я занимаюсь вещами, которые ещё могут работать.

— Часы тоже работают, пока им не мешают люди.

— Тогда вы должны знать, что на острове у них мало шансов.

Мужчина не нашёл ничего достойного ответа. Он поставил ящик на подоконник и внимательно осмотрел шипы замка. Костлявые пальцы дрожали не от слабости, а от напряжения, словно он удерживал ими какую-то невидимую мелкую деталь.

— Освальд Мерсер, — представила его миссис Сайкс. — Прежде занимался сигналами и часами на острове. Теперь помогает с механизмами.

— Не помогаю, — поправил Мерсер. — Я проверяю, что они натворили. Помощь подразумевает согласие с тем, кому помогаешь.

— У вас, наверное, возникло немало возражений к нынешним порядкам, — сказала Амелия.

— Всё новое считают лучше старого до тех пор, пока оно не требует жертв.

Он взглянул на неё без любопытства. Такой взгляд часто принадлежит людям, для которых каждый незнакомец сначала является поздно пришедшим свидетелем. Амелия не стала задавать вопросов о прошлом. Человек, держащий на руках часы с заботой о раненом ребёнке, очевидно, имел право познакомиться с гостем не через собственное горе.

— Вы слышали сегодня башню? — спросила она вместо этого.

Мерсер обернулся к Лидделлу, хотя вопрос был обращён к нему.

— Слышал. И прежде слышал. Но вам скажут, что это невозможно.

— Вы видели движение колокола?

— Нет. Старый механизм отцеплен. Я сам делал это, когда приказали.

— В таком случае вы говорите о звуке.

— Я говорю о том, что всё, что можно починить, можно и испортить. Даже молчание.

И, подхватив тяжёлый ящик, он пошёл к лестнице. Лидделл проводил его взглядом, в котором Амелия прочла досаду, но не решилась назвать её ненавистью.

С другой стороны кладовой в помещение вошёл мужчина в светлом плаще без шляпы. Рукава он держал так, чтобы ткань не касалась стен. На лице его было написано то выражение, которое Амелия встречала в деловых клубах и на благотворительных вечерах: сострадание к чужому несчастью, если оно мешает началу переговоров.

— Нельзя ли хотя бы обозначить проход? — потребовал он. — На лестнице грязь до самой перилы. Я едва не упал, и это после обещания, что поместье приведено в порядок.

— Вас никто не заставлял спускаться сюда, мистер Белл, — сказала Ирис. — Обеденную комнату не затопило.

— Приятно слышать, что остров всё ещё способен служить обедам. А нельзя ли тем временем выяснить, где находятся бумаги о праве на северную насыпь? Мои юристы ждут копии уже вторую неделю.

Крейн повернулся к нему так резко, что край его папки задел деревянную стойку.

— Эти бумаги здесь ни при чём.

— Мне говорили противоположное. В одном и том же архиве лежат и гидрографические планы, и старые документы о пользовании дорогой.

— Мистер Белл, — предупредила архивистка, — сейчас архив спасают от воды, а не от ваших юристов.

— Знаменательно, что в этом доме даже вода имеет юридический статус.

Он извлёк из жилетного кармана золотой портсигар, открыл его, обнаружил отсутствие папирос и захлопнул с выражением человека, для которого день стал окончательно неприемлем. Амелия решила, что богатство мистера Белла, как и его манеры, было приобретено усилием. Такие люди не любят обстоятельств, в которых деньги теряют привычную способность устранять неудобства. Однако вывод этот относился к его характеру, не к поступкам.

— Мисс Эвелин, — сказал Белл, заметив её. — Мне говорили, что вас приглашали для истории с сигналами. Надеюсь, вы не намерены подтверждать рассказы о призраках. Иначе весь берег станет непригоден для цивилизованного использования.

— Я не занимаюсь подтверждением рассказов, мистер Белл. Я стараюсь узнать, кто и что наблюдал.

— Звучит утомительно.

— Для человека, который предпочитает готовые заключения, безусловно.

Он рассмеялся громче, чем требовала шутка, потом неожиданно остался серьёзен.

— Когда дойдёт до земли, я охотно предоставлю вам настоящие документы. В отличие от некоторых здесь, я люблю, чтобы вещи назывались своими именами.

— Тогда начните с цели вашего приезда, — предложила Амелия.

— Покупка северного участка и реконструкция старой насыпи. Никакой тайны.

— Вы приехали на остров исключительно ради этого?

— Исключительно, — ответил он.

Крейн уронил металлическую скобку. Звук заставил Белла взглянуть в его сторону. Двое мужчин увидели друг друга всего на секунду, но Амелия заметила, как Белл перестал постукивать портсигаром по ладони. Возможно, управляющий знал подробности сделки, о которых предприниматель говорить не желал. Возможно, это было простое раздражение между покупателем и человеком, который не торопится продавать. Ответить мог только документ, не жест.

— Мистер Белл, — резко обратился Лидделл, — если вы сейчас не поднимете наверх, я возложу на вас обязанности нести ящики. Они гораздо тяжелее ваших возражений.

— Мой визит, кажется, превращается в испытание для англо-саксонской вежливости, — заметил Белл и удалился.

Пока его шаги затихали, человек в мокром синем фартуке принёс два фонаря. Жёлтый свет скользнул по кладке и неожиданно выявил узкую линию между старой и новой частью стены. Она не совпадала с швом камня; скорее напоминала след древнего отверстия, заделанного во время ремонта. Около неё выступала едва заметная зелёная окись. Амелия поднесла к стене трость, не прикасаясь.

— Здесь раньше была труба?

Лидделл, занятый клапаном, не ответил. Зато Нора услышала вопрос из другого конца зала.

— Её сняли при перестройке, — сказала она. — Часть старой системы проходит по дому, часть — под галереей. Каждое поколение считало, что лучше знает, какие трубы нужны следующему.

— Куда вела эта?

— В измерительный павильон. Судя по плану, когда-то здесь стоял сигнальный шкаф. Но от него давно осталось одно название.

— Когда вы изучали план?

— Вчера. В реставрационной мастерской есть копии.

— А сегодня успели проверить работающий конец.

Нора опустила голову, будто рассматривала собственные пальцы.

— Вы говорите так, словно я совершила нечто недопустимое.

— Я говорю так, словно вы знаете о трубах больше остальных. Это, по-моему, естественно для специалиста.

Амелия не сделала паузу продолжительной. Если Нора чувствовала себя пойманной, оставалось выяснить, кем именно. Человек, ожидающий обвинения, может начать защищаться ещё до того, как его обвинят; в этом нет доказательства вины, зато есть возможность узнать, какого обвинения он опасается.

— Только прошу вас, — сказала Нора после паузы, — не позволяйте мистеру Мерсеру внушать вам, будто всякий звук идёт из башни. Он слышит её даже тогда, когда в соседней комнате падает ведро.

— А вы слышите, откуда падает ведро?

— Чаще, чем хотелось бы.

Она улыбнулась неохотно. Доверие не возникло, но разговор перестал быть состязанием, в котором непременно должен победить один из участников.

Около половины четвёртого вода коснулась красной отметки на стене. Лидделл дважды проверил мерную рейку, выпрямился и неожиданно заговорил очень тихо:

— Всем наверх. Без исключений. Больше ничего не переносить.

Рабочие послушались без вопросов. Крейн хотел возразить, но Ада уже закрыла сундук. Врач подхватила саквояж; Ирис проверила, не осталось ли кого-нибудь за аркой. Амелия поднялась последней вместе с экономкой. На верхней ступени она обернулась: инженер оставался внизу, наклонившись над люком.

— Мистер Лидделл! — позвала она.

— Идите, мисс. Я запру клапан.

— Вода уже выше его нижнего края.

— Я это вижу.

— И вы всё ещё уверены, что неисправность вполне объяснима?

Он поднял лицо. В золотистом свете фонаря оно казалось жёстче, чем днём.

— Объяснять её придётся мне, даже если я в этом не виноват.

Странный ответ. Он относился не к вопросу о воде, а к вопросу об ответственности. Но Амелия вспомнила слова Холта: некоторые вехи исчезают раньше самой дороги. Возможно, так же исчезают границы между обязанностью и виной.

На сухой галерее рабочие разложили книги на чистых полотнищах. Доктор Рид осмотрела порез Роберта и выдала ему отдельную работу — подавать бумажные прокладки, не касаясь мокрых переплётов. Ирис принесла ему чай с сахаром. Крейн вытирал папку собственным носовым платком, хотя пальто его уже было совершенно мокрым. Ада сидела на корточках рядом с длинной стопкой бумаг и считала листы под нос.

Только одна женщина не принимала непосредственного участия в спасении. Её появление Амелия заметила не сразу: в дверях, ведущих в главную часть дома, стояла высокая дама с серебряными прядями в светлых волосах, опираясь рукой на дверную раму. В другой руке она держала небольшую корзину с сухими полотенцами.

— Элеонора, — сказала доктор Рид резко, — я запретила вам спускаться.

— Так я и не спустилась. Я пришла сюда.

— Это всё равно лишнее.

— Тогда я оставлю полотенца и перестану быть лишней.

Она передала корзину Ирис, дождалась, пока девушка её возьмёт, и только после этого посмотрела на Амелию. У хозяйки было лицо человека, привыкшего к плохим новостям, которые произносят за её спиной, чтобы не огорчать. Оно не было красивым в светском смысле; прямой нос, тонкие губы и серые, почти бесцветные глаза придавали ему суровость. Однако именно эта суровость позволяла ей не прятать усталость за любезностью.

— Мисс Эвелин, — произнесла она. — Простите, что встречаю вас здесь, словно мы оказались на палубе терпящего бедствие судна.

— На палубе вы, вероятно, предложили бы мне держаться подальше от края. Миссис Сайкс уже исполнила эту часть церемонии.

— Значит, она сумела вас удержать?

— Нет.

Леди Элеонора рассмеялась. Смех вышел коротким, неуверенным, но вполне настоящим.

— Я так и думала. Мне рассказывали, что вы не любите, когда вам определяют место до знакомства. Полагаю, это качество нам пригодится.

Она протянула руку. Прикосновение было лёгким и холодным. Амелия заметила под правым рукавом тонкую полоску белого пластыря, но не стала задерживать взгляд: у женщин её возраста множество причин обращаться к врачу, и почти ни одна не имеет отношения к убийству, которого ещё не произошло.

— Я получила ваше письмо, — сказала хозяйка. — И распорядилась, чтобы никакой демонстрации не устраивали до вашего приезда. Но в этом доме даже распоряжения, кажется, достигают цели только наполовину.

— Вы имеете в виду звук во дворе?

— Вы слышали?

— Да. Не могу пока сказать, откуда он исходил.

Элеонора заметно побледнела, хотя выражение её лица не изменилось.

— Освальд, — сказала она, обращаясь к часовщику, — вы опять пытались снять запрет с башни?

Мерсер медленно поставил ящик на скамью.

— Я не трогал механизм, миледи.

— Вы уже однажды обещали.

— Тогда я обещал не подниматься наверх без вашего позволения. Я сдержал слово.

Её взгляд задержался на нём, затем опустился. Короткий обмен фразами мог показаться угрозой или обвинением. Амелия услышала в нём другое: хозяйка и старый мастер говорили о разных обещаниях. Слова совпадали только по внешнему виду.

— Я очень устала, — сказала леди Элеонора наконец. — Мисс Эвелин, вы позволите пригласить вас к себе через четверть часа? Здесь мне хочется остаться ещё немного.

— Разумеется. Только прошу, чтобы прежде кто-нибудь показал мне расположение павильона и архивной галереи.

— Ада покажет. Она знает дом лучше меня.

Архивистка подняла голову, услышав своё имя. На щеке у неё остался след бумаги, по которой она случайно провела влажным пальцем.

— Я буду свободна, как только пересчитаю последние листы, миледи.

— Вы ещё не закончили?

— Нельзя закончить то, чему не соответствует прежняя опись.

Крейн повернулся к ней. На этот раз он не стал поправлять галстук и не скрывал раздражения.

— На старых бумагах всегда расходится нумерация. Не драматизируйте, мисс Грей.

— Я не драматизирую. Я считаю.

Леди Элеонора посмотрела сначала на архивистку, потом на управляющего. Её лицо стало бесстрастным.

— Тогда пусть счёт будет закончен прежде ужина. Я намерена открыть документы всем, кто приехал их изучать. Разговоры о них и без того обошлись острову дорого.

Последние слова не сопровождались повышением голоса. И всё же Крейн перестал вытирать папку.

Амелия ещё не знала, почему управляющий боялся открытого чтения документов. Но теперь у неё была возможность увидеть, как разные люди реагируют на один и тот же факт. Ирис выпрямилась с благодарностью. Мерсер отвёл глаза, словно не хотел смотреть на человека, произнесшего давно ожидаемое решение. Нора повернулась к латунному раструбу. Доктор Рид на секунду коснулась локтя Элеоноры — возможно, напоминала о лекарстве, возможно, о времени.

Лидделл появился на верхней ступени, когда хозяйка уже собиралась уходить. Он держал в руке мокрую тряпку и сломанную металлическую скобу.

— Вода перестала подниматься. Заслонку удалось закрыть, — сообщил он. — Но до следующего прилива нам нужен осмотр северного канала. У кого есть доступ к чертежам подземной линии?

— У мистера Крейна, — одновременно ответили Ада и миссис Сайкс.

— И у меня, — добавила Нора так тихо, что Амелия едва расслышала.

Никто больше, кажется, не обратил внимания на эту добавку. Амелия же отметила её: специалист по акустике не обязан иметь план водоотводов. Но на острове, где древние трубы проходили рядом с каналами, такая обязанность могла появиться из-за единственного ремонта. Ей оставалось выяснить — из-за какого.

✦ ✦ ✦

Когда большая тревога отступает, дом ещё некоторое время продолжает жить её темпом. Кто-нибудь торопится к дверям с пустыми руками, кто-нибудь ищет уже найденный ключ; на месте совершённой работы остаются мокрые пятна и необъяснимая усталость. Келлвик после спасения архива выглядел не так, будто в нём предотвратили несчастье, а так, словно к обычным заботам прибавился новый, более упрямый порядок.

В четыре часа десять минут миссис Сайкс отвела Амелию в комнату на втором этаже. Это была небольшая спальня с окном на запад и двумя дверями: одна вела в коридор, другая — в старую гардеробную. Кровать стояла в стороне от наружной стены, словно прежние обитатели опасались сырости больше, чем одиночества. На столе имелись графин с водой, коробок спичек и тяжёлая керосиновая лампа. Электрические провода, проведённые вдоль плинтуса, говорили, что лампу оставили не по бедности.

— С электричеством иногда бывают перебои, — объяснила экономка. — Особенно при сильном западном ветре.

— А когда сильный восточный?

— Тогда перестаёт работать насос.

— Вы живёте в доме, который умеет предлагать разные неприятности на любой вкус.

— У дома длинная память, мисс. И далеко не все её страницы нам нужны.

Амелия поставила чемодан возле кровати и посмотрела из окна. Внизу, под стеклянной галереей, виднелся небольшой прямоугольный павильон с низкой металлической крышей. Сквозь мокрые стёкла нельзя было различить обстановку. От него в сторону берега шла узкая каменная дорожка, прерывавшаяся у калитки. Дальше, за низкой стеной, можно было увидеть болотистую полосу и белые гребни воды. При подъёме прилива дорожка должна была превратиться в отдельный островок, хотя её высоты Амелия с окна определить не могла.

— Это измерительный павильон? — спросила она.

— Один из них. Тот, что под галереей, служил для старого уровня. Позже построили новый у северной канавы. Мы называем старый просто павильоном, чтобы не путаться.

— Значит, под словом «павильон» здесь могут понимать два места.

— Да. Но когда говорят о стеклянном, имеют в виду старый.

Амелия записала это в блокнот. Различие могло оказаться пустяковым до тех пор, пока кто-нибудь не скажет, что видел человека «у павильона» и будет уверен, что тем самым сообщил точное местоположение.

— Вы позволите мне посмотреть план дома?

— Мисс Грей принесёт. Я оставила для вас тёплую воду. Если понадобится горничная, позвоните.

— Через какую систему — электрическую или голосовую?

Миссис Сайкс встретила вопрос без улыбки.

— В вашей комнате звонок электрический. Речевые трубы почти не используют. По крайней мере, пока мисс Прайс не начала их чистить.

Она ушла, и её шаги тотчас затихли в длинном коридоре. Амелия не торопилась распаковывать чемодан. Поднявшись, она проверила оконный шпингалет, затем осторожно коснулась медной решётки у камина. За ней пахло пылью и холодной известью, но не тёплым воздухом. Отопление было выключено. Рядом с камином находилась маленькая декоративная накладка, слишком новая для старого дерева. Два винта отличались друг от друга длиной шлица. Возможно, их поставили во время последнего ремонта. Возможно, хозяйка выбирала комнату гостю так же мало задумываясь о трубах, как и о возрасте винтов.

Амелия положила на письменный стол фотографию башни, письма и маленькие дорожные часы. Теперь ей было необходимо отделить события, которые наблюдали непосредственно, от тех, которые были сообщены. Это упражнение она проделывала всякий раз, когда оказывалась в доме, где у людей было достаточно причин не разговаривать прямо.

«Звук во дворе. Слышали трое: я, Том, миссис Сайкс. Видел движение колокола: никто. Снятие с хода подтверждает Мерсер, но не осматривали механизм. В среду прачка слышала что-то похожее; экономка слышала гудение. Две истории, а не одно явление».

«Затопление кладовой. Неисправность называет Лидделл. Видела подъём воды и отсечённый клапан после работы; не видела до и после его открытия. Существование старой линии указывает Нора. У двух человек — разные причины иметь схему труб».

«Документы. Ада считает; Крейн отвечает за опись; Элеонора желает гласности; Белл заинтересован в праве на землю. При словах об открытом чтении Крейн перестал вытирать папку. Это не улика против него, только повод выяснить содержание папки».

Она перечитала написанное и разочарованно вздохнула. Наблюдений было много, фактов — мало. Причина заключалась не в том, что гости были особенно ловкими обманщиками. Она сама ещё почти ничего не проверила. За неполные два часа человек может получить впечатление о нраве целого дома, но не вправе судить о преступлении, которое могло быть совершено семнадцать лет назад.

В дверь тихо постучали.

— Войдите.

На пороге стояла Ада Грей. В руках она держала большой свернутый план, под мышкой — узкий конверт. На смену мокрой юбке пришла другая, тёмно-коричневая; волосы остались столь же строго убраны, и только редкая светлая пылинка на воротнике выдавала недавнюю работу с бумагами.

— Леди Элеонора просила принести вам план и объяснить, куда можно ходить. Я бы предпочла сказать, куда нельзя.

— Для начала — на весь остров, пока уровень воды высок, — предложила Амелия.

Ада едва заметно улыбнулась.

— Это подходящее правило, но не самое надёжное. Некоторые люди находят проход и там, где его нет на карте.

— Например, старую сигнальную дорожку?

— Вы уже успели её увидеть?

— Из телеги. Мистер Холт открывал калитку.

На слове «Холт» архивистка чуть откинула голову, словно хотела рассмотреть Амелию под новым углом.

— Он не рассказывал вам, что старая насыпь не совпадает с нынешней?

— Рассказывал. И показывал две таблицы прилива.

— Тогда он решил, что вам можно доверять.

— Или что мне пора усвоить ограничения передвижения. Я пока не знаю, что вернее.

Ада развернула план на столе. Бумага была хрупкой, с несколько раз восстановленными линиями сгиба. Края красили чёрными чернилами старые описи, а поверх них поздний карандаш обозначал новые двери. Архивистка прижала углы четырьмя небольшими книгами.

— Главное крыло, — сказала она, указывая на широкий прямоугольник. — Северная галерея ведёт к башне, но дверца в конце закрыта. Западная галерея — к старому измерительному павильону. Под ним проходит узкий служебный ход к прежней системе водоотвода. Его засыпали после аварии. По крайней мере, так написано в отчёте.

— Вы этому отчёту не верите?

— Я не обязана верить документу лишь потому, что он снабжён сургучной печатью.

Амелия подняла взгляд. Для архивистки такой ответ звучал почти как признание в личной обиде.

— Вы, вероятно, нашли в бумагах противоречия.

— Я нашла в них несколько десятков безупречных совпадений, мисс Эвелин. Все они принадлежат людям, которые в тот год были настолько испуганы, что не должны были одинаково помнить минуты и слова. А записи совпадают, будто их диктовали в одной комнате.

— Если люди подписали общий протокол, это объясняет сходство формулировок.

— Подписи сделаны в разные дни.

— Вы проверяли?

— Проверяла. На обороте есть регистрационные номера.

Амелия не сказала, что уже слышала достаточно для обвинения в подлоге. Слишком правильные слова сами по себе ещё ничего не означали. Комиссии переписывают показания в единой форме; протоколист может исправлять дикцию свидетеля, не меняя смысла. Но если запись передаёт не только общую мысль, а одинаковую ошибку в частной подробности, тогда появляются основания искать общий источник.

— Что именно повторяется? — спросила она.

Архивистка провела пальцем по нарисованному каналу, не отвечая сразу.

— Слово, которое нельзя проверить по бумаге. Люди утверждали, что услышали сигнал. Никто не писал, что видел его. Но затем в отчёте появился вывод, будто все наблюдали одну и ту же последовательность ударов.

— Кто составлял сводный текст?

— Комиссия. Секретаря звали Хэммонд. Он умер десять лет назад.

— А кто сейчас хранит оригиналы показаний?

— Формально семья Вейл. Фактически — мистер Крейн. Он очень любит слова «формально» и «фактически», хотя редко объясняет разницу между ними.

Амелия коснулась серебряной совы. Этот разговор был опасно удобен. Ада давала ей уже готовую подозрительную фигуру управляющего. Возможно, поступала так от обоснованного недоверия. Возможно, заранее направляла внимание гостьи на определённого человека. Для

того чтобы не превратиться в послушную слушательницу, Амелии требовалось спросить не о Крейне, а об архивистке.

— Почему вы занимаетесь именно этими бумагами, мисс Грей?

— Потому что меня наняли.

— Вы приехали сюда ради заработка?

— Разве у женщины моего положения есть право пренебрегать заработком?

— Конечно, нет. Я спрашиваю о причине выбора места. На материке, вероятно, существуют архивы с более сухими подвалами.

Ада на мгновение сдвинула плечи, затем выпрямилась.

— Мне понравилась работа. Старинная гидротехника, частные письма, местная история. И здесь хорошо платят.

Последние слова прозвучали слишком обыкновенно. Амелия слышала подобное объяснение много раз и не считала его ложным. Но когда человек отвечает перечнем достоинств должности вместо рассказа о том, как узнал о ней, полезно не спорить, а задать вопрос о дате.

— Когда вам предложили должность?

— В апреле.

— Письмом или при личной встрече?

— Через контору поверенного.

— Мистера Фенуика?

— Да.

Ада сказала это без запинки. И всё же её пальцы, до того лежавшие на плане, спрятались за край конверта. Амелия не знала, скованность была реакцией на вопрос или на имя Фенуика. Поэтому записала про себя лишь очередность действий. Предоставить архи́вистке возможность обвинить себя в преднамеренной скрытности она не собиралась.

— Я бы хотела увидеть регистрационные номера, — сказала Амелия. — Не сегодня, если они ещё мокры.

— Завтра утром сможете. Главное, чтобы никто прежде не решил, что им лучше высохнуть в закрытом шкафу.

Ада положила рядом с планом конверт.

— Здесь копия описи. Не вся — только сохранившаяся часть. На полях отмечены папки, которые перенесли в галерею. Вы сможете проверить, что было спасено.

— Благодарю. И ещё вопрос: кладовую затапливало прежде?

— Дважды за последние полгода. Но никогда так сильно.

— Об этом есть акты?

— Есть счета за ремонт. Акты, как вы уже догадались, у мистера Крейна.

Они обменялись взглядами. Амелия заметила, что Ада произнесла имя управляющего с той сдержанной холодностью, которую трудно выработать за несколько дней неприязни. Это не делало её показания недостоверными, но ставило под вопрос выбор ею фактов. Если архивистка желала, чтобы мистер Крейн выглядел виноватым, она имела для этого обширный запас совершенно правдивых наблюдений.

У дверей Ада остановилась.

— Я слышала, что вы умеете различать чужой страх.

— По поведению, как всякий внимательный человек. Но не всегда понимаю, чего именно боятся.

— Вам придётся быть осторожной. Здесь люди боятся не того, что им грозит. Они боятся того, что уже сделали.

Она ушла прежде, чем Амелия успела уточнить, относится ли это утверждение ко всем присутствующим или к одной определённой семье.

Оставшись одна, Амелия перевернула лист описи. В нижнем углу стояла дата последней перепроверки — семнадцатое сентября. Это была дата, попадавшая в промежуток исчезновения Джорджа Мортона, о котором ей писал его брат. Рядом стояли две инициалы, выполненные сухим пером: «А. Г.». Неизвестно, имела ли подпись отношение к работам Мортона; по меньшей мере, архив сверяли именно в те дни, когда он перестал подавать вести.

Снова постучали. На этот раз пришла горничная с просьбой подняться к леди Элеоноре.

Амелия накрыла бумаги чистой салфеткой, чтобы в открытое окно не занесло брызги, и задержалась у зеркала. Её костюм успел просохнуть лишь частично. На манжете осталось светлое пятнышко известковой пыли — память о стене возле старой трубы. Она не стала его стирать. Не потому, что ожидала найти там особое вещество, а потому, что иногда небольшая неловкость помогает увидеть, на что смотрит собеседник.

Хозяйка ожидала её в светлой комнате с двумя книжными шкафами и большим письменным столом, заваленным конвертами. Окно выходило к северной насыпи. На стене висела акварель с видом острова в ясный летний день, написанная, очевидно, до катастрофы: там, где теперь стояла сигнальная калитка, был изображён деревянный мост с двумя красными флажками.

Леди Элеонора сидела у камина, хотя он не был разожжён. Доктор Рид оставила на боковом столике стакан воды и небольшую коробочку с лекарствами. Когда Амелия вошла, хозяйка машинально сдвинула коробочку под книгу.

— Я прочла ваш ответ, — сказала она. — Благодарю, что приехали. Вероятно, вы ожидали более достойной встречи.

— Я ожидала дом, в котором собрались люди, недовольные старой правдой. Пока ожидания не обманули.

Элеонора усмехнулась.

— Вы говорите так, словно уже познакомились с каждым.

— Лишь настолько, насколько позволяет затопленная кладовая.

— Вы уже встретили мистера Крейна?

— Да.

— Тогда вам известно, что я поручила ему хранить бумаги.

— И что он бережёт их весьма усердно.

— Он бережёт не только бумаги.

Амелия не задала следующего вопроса. Ей хотелось дать хозяйке возможность договорить собственную мысль, не направляя её подручной репликой.

Элеонора поднялась, дошла до окна и некоторое время смотрела на серую дорогу, ведущую к насыпи.

— Мне было девятнадцать, когда здесь прорвало старый затвор, — произнесла она. — В тот день я гостила у тётушки на материке. Когда меня привезли, вода уже ушла, а лица остались такими, словно они всё ещё под ней. Помню, как отец сказал: «Не задавай вопросов, на которые никто не сможет ответить». Он считал это заботой обо мне. Возможно, тогда так и было. Но потом эта фраза стала правилом для всего дома.

— Ваш отец отвечал за работы на дамбе?

— Имел право утверждать расходы и назначать управляющих. Инженером он не был. Тем не менее, когда отказал какой-нибудь механизм, никто не спрашивал, кто подписывал ведомость. Спрашивали, чья фамилия стоит на воротах.

— Так бывает и теперь, — заметила Амелия.

— Теперь я решила открыть все бумаги. У людей есть право узнать, почему погибли их родственники. И я имею право услышать не семейную версию, а такую, которую можно проверить.

Это прозвучало не как готовая речь. Элеонора несколько раз меняла направление фразы, словно не могла решить, должна ли прежде попросить прощения или установить порядок. Её волнение было настоящим, но настоящая вина не обязательно относится к событию, о котором человек говорит.

— Почему именно сейчас? — спросила Амелия.

— Потому что три недели назад мне принесли письмо.

— От кого?

— От человека, который назвался Джорджем Мортоном. Он писал, что нашёл в старой вентиляционной шахте соединение, не отражённое на современном плане. И что кое-кто из живущих на острове знает, зачем его скрывали.

Амелия не отвела глаз. От брата Мортона она знала, что рабочий пропал после работ, но не предполагала, что успел написать хозяйке.

— Вы сохранили письмо?

— Да. Оно в сейфе поверенного. Я передала его мистеру Фенуику, когда испугалась за Мортона.

— Почему не в полицию?

— Потому что в письме не было ничего о преступлении. Только о трубе. А через неделю мне сказали, что рабочий уехал на материк без расчёта. Я обратилась к Фенуику, чтобы он выяснил его адрес. Он ответил, что по прежнему адресу Мортона не оказалось.

— Кто сообщил вам об отъезде?

Леди Элеонора медленно повернула голову.

— Мистер Крейн.

Имя прозвучало будто само собой, и хозяйка, кажется, заметила это лишь тогда, когда оно уже было произнесено. Амелия подавила желание спросить, верит ли она управляющему. Куда полезнее было выяснить источник.

— Он видел, как Мортон покинул остров?

— Не знаю. Он сказал, что тот забрал инструменты.

— Это можно проверить по книге выдачи.

— Наверное. Я никогда не интересовалась тем, кто приносит инструменты и кто их уносит. Сейчас мне кажется, что напрасно.

Элеонора закрыла глаза и села снова.

— Вслед за письмом стали происходить странности. По трубам доносились слова. Ночью кто-то повторял фразы из старой комиссии. Миссис Сайкс слышала звук, похожий на колокол. А мистер Мерсер однажды нашёл у башни старую медную скобу, которую, по его словам, потеряли в шестнадцатом году. Мы могли бы назвать всё совпадением, если бы не одно обстоятельство.

— Какое?

— Люди, которым нечего бояться, внезапно стали слишком настойчиво просить закрыть архив.

— Кто именно?

— Я не хочу направлять вас против одного человека, мисс Эвелин. Я знаю, что своими вопросами уже могла заставить вас подозревать Крейна.

— Я пока подозреваю только то, что в архиве найдутся неприятные сведения. Для обвинения нужно больше.

Леди Элеонора посмотрела на неё с облегчением, но тут же отвела взгляд.

— Именно поэтому я и просила вас приехать.

— Список гостей составляли вы?

— Да. Точнее, мы с мистером Фенуиком обсудили людей, чьё участие необходимо для публичного чтения. Я пригласила мистера Мерсера, доктора Рид, мисс Марш, а также управ-

ляющего и архивистку, хотя они и без того живут здесь. Мистеру Лидделлу поручена техническая часть. Остальных координировал поверенный.

— А мисс Прайс?

— Её услуги заказали через старую мастерскую. Рекомендацию прислал мистер Крейн. Восстановить трубы требовалось прежде, чем рассказывать всем, что с ними происходило. Я уже сомневаюсь, была ли это хорошая мысль.

— А мистер Белл?

Элеонора сжала пальцы на подлокотнике.

— Он заявился с письмом, которое выглядит так, словно оно отправлено из моей конторы. Я не писала ему. Фенуик обещал разобраться. Но теперь, когда Белл уже здесь, избавиться от него без скандала было бы трудно. Тем более у него действительно есть интерес к дамбе.

— Итак, некоторые приглашения могли уйти без вашего ведома.

— К несчастью, да. Мисс Эвелин, я хотела собрать свидетелей, а не противников. Кажется, кто-то предпочёл второе.

Амелия вспомнила предупреждение, полученное утром накануне: неизвестный отправитель велел доверять даме, которая её приглашает. Теперь совет становился подозрительно удобным. Если хозяйка была честна, незнакомец хотел укрепить это впечатление. Если лгала — тем более. Невозможно было доверять тому, кто велел доверять другому человеку, пока не проверишь хотя бы одного из них.

— В вашем письме ко мне, — сказала Амелия, — не было ни слова о девятом ударе колокола.

Хозяйка вздрогнула.

— О чём?

— Кто-нибудь предупреждал вас, что должен прозвучать девятый удар?

— Нет. Почему вы спрашиваете?

Амелия достала из кармана небольшую карточку, но не показала на ней надписей. Она не намеревалась сейчас сообщать о фотографии и анонимном предостережении: чем меньше людей знают формулировку, тем легче будет выяснить, откуда она появилась в чужой речи.

— В разговорах о старой башне числа часто оказываются важнее того, что люди видели. Я проверяю, не повторял ли кто-нибудь необычную формулу.

— Колокол когда-то подавал условные сигналы, — сказала Элеонора. — Это было нужно при работах на набережной. Но с тех пор его отсоединили.

— Вы сами присутствовали при разборке механизма?

— Нет. Помню, что отец приказал. Мерсер сделал работу.

— Тогда ваше знание, как и моё, пока основано на чужом сообщении.

— Вас не раздражает, что вы почти ни в чём не уверены?

— Напротив. Меня раздражает уверенность, приобретённая слишком рано.

Элеонора долго смотрела на Амелию. Потом неожиданно сказала:

— После аварии я решила, что буду хранить наш дом таким, каким отец хотел его оставить. Теперь всё больше кажется: этим я исполняла приказ человека, которого давно нет. И, возможно, спасала не его честь, а его ошибку.

За окном ветер ударил в раму, и над камином зазвенела тонкая медная пластинка, которой прикрывали старую щель. Леди Элеонора вздрогнула, хотя звук был обыкновенным и сразу получил объяснение.

Амелия проследила за пластинкой взглядом.

— Вы боитесь не призрака, леди Элеонора. Вы боитесь, что кто-нибудь заговорит от его имени.

— А это не одно и то же? — спросила хозяйка.

Ответить однозначно Амелия не могла. Для человека, который всю жизнь подчинил воспоминанию об умершем отце, голос прошлого иногда обладает большей властью, чем голос живых. Но всякий раз, когда подобный голос доносится из стены, полезнее сначала осмотреть стену.

✦ ✦ ✦

К половине шестого ветер изменился. Он больше не бил в западные окна, а свистел вдоль стен, поднимая во дворе пыль из высохших известковых швов. Вода в кладовой начала уходить. Дом постепенно вспоминал о своём предназначении: горничные несли горячую воду, в коридорах зажгли лампы, а из кухни потянуло печёным луком и тмином. Если не смотреть в сторону стеклянной галереи, можно было подумать, что здесь готовятся к обычному приёму гостей.

Амелия спустилась в холл без сопровождения. На столике под гравюрой по-прежнему лежала раскрытая книга. На её левой странице были старые записи, отделённые тонкими красными линиями; правая начиналась сегодняшней датой. Миссис Сайкс, проходившая с корзиной полотенец, заметила гостью.

— Ах, вы ещё не расписались, мисс. Мы записываем здесь всех, кто участвует в просмотре документов. Леди Элеонора потребовала, чтобы потом никто не мог сказать, будто не присутствовал.

— Разумная предосторожность. Только не обычное назначение гостевой книги.

— Другой не нашлось. Настоящую книгу комиссии мистер Фенуик хотел привезти сегодня, но остался на материке.

— Значит, это список присутствующих, помещённый в старый переплёт.

— Именно так. Я попросила подписать всех — даже тех, кто живёт здесь постоянно.

Амелия придвинула книгу. В ней стояли восемь фамилий. Крейн писал твёрдо, слегка наклоняя буквы вправо; его подпись пересекала красную линию, как нередко случается у людей, не привыкших считать рамки существенными. Лидделл оставил короткую размашистую запись. Доктор Рид подписалась ровно, строго по клеткам. Руперт Белл поставил рядом с фамилией длинную завитую черту. Под ним шла подпись Норы Прайс — мелкая, с лишним нажимом в конце. Освальд Мерсер вывел буквы медленно и почти печатно. Ирис Марш написала имя так, будто торопилась вернуться к незавершённой работе. Ада Грей ограничилась аккуратными инициалами перед фамилией.

Амелия пересчитала имена. Восемь. С её подписью будет девять. Леди Элеонора в список не входила как хозяйка, а миссис Сайкс — как распорядительница. Таким образом, девять человек официально собирались познакомиться с документами, не считая тех, кто распоряжался домом. Это ещё не был закрытый круг подозреваемых. Пока никто не умер, и в числах не следовало искать рокового смысла. Но если позднее кто-нибудь заявит, что в тот день на острове находились только приглашённые, книга станет удобным предметом для проверки.

Она обмакнула перо, проверила на краешке промокашки, не течёт ли оно, и вписала: «Амелия Эвелин». Дату поставила сама, хотя миссис Сайкс уже написала «6 октября» у края строки. Получилось маленькое удвоение. Амелия не любила исправлять верную запись ради опрятности и оставила всё как было.

— Вы не спросили, кого мы ждём последним, — заметила экономка.

— Судя по книге, никого.

— Это верно. Хотя я думала, ещё кто-нибудь должен приехать с мистером Фенуиком.

— Кто?

— Не знаю. Вчера из конторы передали, что может потребоваться комната для сопровождающего. Потом отменили.

— По телефону?

— Да. Мужской голос. Я не различила фамилии. Он говорил, что распоряжение поверенного.

Амелия отошла от стола. При выходе из холла взгляд её скользнул по обрезу книги. Нижний угол одного из предыдущих листов казался немного толще прочих, словно там когда-то приклеивали бумагу и затем сняли её. Она не стала поднимать лист без разрешения. Книга находилась в распоряжении экономки, и всё, что Амелия пока могла сделать, — запомнить место.

— Миссис Сайкс, — сказала она, — вы можете обещать, что книгу не станут переписывать начисто?

— Зачем?

— Новая книга лучше сохраняет порядок, но хуже — историю того, как его добивались.

— Обещаю, — ответила экономка с недоумением. — Надеюсь, ни в одной из девяти фамилий нет ошибки.

— Это я ещё не проверяла.

Они расстались у двери столовой. В соседней комнате слышали голоса мужчин: Белл жаловался на условия перевозки, Лидделл коротко отвечал, что прилив нельзя задержать ради вежливого обращения с инвесторами. Амелия направилась не к ним, а в галерею, где сушили спасённый архив.

На длинных столах лежали листы, отделённые друг от друга промокашкой. Окна были чуть приоткрыты для движения воздуха. На полу расставили три небольших жаровни, но так далеко от бумаг, что их тепло не могло повредить переплёты. Ада Грей стояла у конца стола и сверяла старую опись с содержимым раскрытого сундука. Рядом сидела Нора, рассматривая узкую металлическую втулку; она крутила её в пальцах и прикладывала к уху, будто искала в пустой вещи спрятанный звук.

— У вас есть минутка? — спросила Амелия у архивистки.

— Если вы не принесёте ещё один список, — отозвалась Ада. — Списков теперь столько, что они скоро займут больше места, чем сам архив.

— Я пришла как раз из книги, где их только девять. Как идут дела здесь?

— Плохо. Или очень хорошо — смотря какая задача у человека, который перенёс эти бумаги.

Нора положила втулку на край стола.

— Опять подозреваете умысел? Прежде чем вы начнёте искать преступника, убедитесь, что мыши не унесли нужный лист. В сухих ящиках они живут лучше людей.

— Мыши не выбирают только один год, мисс Прайс, — ответила Ада.

Она развернула перед Амелией узкую обложку из толстой серой бумаги. Внутри находились два журнала в тёмных переплётах: один с аккуратной надписью «Уровень воды», другой — «Приём и передача сигналов». Их страницы пожелтели, но оставались относительно сухими. Между журналами лежала деревянная пластинка с вырезанным номером двенадцать.

— Что означает номер? — спросила Амелия.

— Двенадцать вложений, которые должны храниться вместе. Журналы идут как два основных тома, отдельно — десять ведомостей по разным периодам. В числе этих ведомостей есть контрольная запись за день аварии. Должна быть.

— Сколько осталось?

— Девять. И два журнала. Итого одиннадцать предметов вместо двенадцати.

Нора подняла брови.

— Возможно, номер поставили до окончательного комплектования. Так бывает.

— Случалось, — согласилась Ада. — Поэтому я и проверила старую опись. Там ведомость указана полностью: дата, число листов, собственноручные отметки двух дежурных. Её видели при сверке семнадцатого сентября.

Амелия посмотрела на архивистку.

— Кто делал сверку?

— Я. По просьбе мистера Крейна. Тогда он сказал, что готовит документы к приезду комиссии.

— Вы держали ведомость в руках?

— Да.

— Читали её?

— Только первую строку и последнюю отметку. Крейн стоял рядом. Он не захотел, чтобы я раскрывала листы: старые сгибы, сказал он, могут порваться. Мы сверили содержание по наружной помете.

— Значит, вы уверены, что видели обложку с обозначением ведомости, но не все её листы.

— Да, — признала архивистка после паузы. — Если вы требуете точности, именно так.

— Требую только для того, чтобы не потерять самое важное. Вы могли видеть пустую обложку, но пока этому нет подтверждения.

Нора бросила на Амелию быстрый взгляд. Возможно, ей понравилась эта осторожность; возможно, она решила, что перед ней человек, который не даст архивистке слишком легко обвинить управляющего.

— Обложка не могла исчезнуть сама, — сказала Ада. — Я пересмотрела весь сундук.

— Кто переносил его из кладовой? — спросила Амелия.

— Двое рабочих. Потом мистер Лидделл приказал оставить сундук здесь. Крейн проверил бирки. Мисс Прайс помогала мне разложить тетради.

— А кто имел доступ к кладовой до затопления?

— Крейн, я, миссис Сайкс, мистер Лидделл. Возможно, рабочие с ремонтного обхода. У комнаты нет отдельной охраны.

Перечень был обширным. И именно это делало его полезным: исчезновение документа не могло быть автоматически приписано человеку, который держал ключ от сундука. Амелия попросила показать опись. В ней действительно значилась отдельная строка: «Ведомость ручной проверки сигналов, 1916 год; шесть листов; вложение 7». Против строки была маленькая отметка с датой «17.IX» и инициалами Ады. Чуть ниже инициалов лежало бледное зелёное пятно чернил, едва заметное на серой бумаге.

— Откуда этот цвет? — спросила Амелия.

Ада посмотрела.

— Не знаю. Я пользовалась чёрными чернилами.

— А мистер Крейн?

— Подписывал итоговый акт своим пером.

— Вы видели его чернила?

— Кажется, тёмные. Не стану поручиться.

Нора тихо усмехнулась.

— Странно слышать от вас эти слова, Ада. Обычно вы поручитесь даже за дату, которой давно нет в календаре.

— Я поручусь за то, что проверяла, — ответила архивистка. — И вы могли бы поступать так же.

Вежливость отступила. Амелия увидела двух женщин, каждая из которых чувствовала себя вправе защищать определённую часть старого дома. Одна — документы, другая — механизмы. Их интересы могли пересекаться; их взаимное недоверие ещё не означало, что они принадлежали к одному заговору. Но оно было слишком заметно, чтобы объяснять его исключительно сегодняшней сыростью.

— Где находилась ведомость прежде переноса? — спросила Амелия.

Ада указала на узкое пространство между двумя томами.

— В отдельной обложке. Внутри сундука лежала вертикально, чтобы не сломались края. Сейчас там пустота.

Амелия провела кончиком трости вдоль края стола, не касаясь бумаги. На полотнище под журналами остался отпечаток прямоугольного предмета, чуть светлее окружающего влажного пятна. По ширине он соответствовал обложке ведомости. Но предмет мог быть снят не сегодня. След от высохшей влаги не сообщает времени, когда над ним перестали лежать бумаги.

— Неужели кто-то похитил её именно во время суматохи? — спросила Нора.

— Это один из вариантов, — сказала Амелия. — Другой: ведомости не было уже утром. Третий: она лежит там, где её пока не искали. Четвёртый: вы, мисс Грей, видели не её, а чужую обложку. И возможны другие варианты.

— Вы перечисляете их так спокойно, словно не видите угрозы, — проговорила Ада.

— Видеть угрозу и заранее назначить виновного — разные обязанности.

В конце галереи открылась дверь. Вошёл Крейн со стопкой чистых бланков и, заметив раскрытую опись, на мгновение остановился. Это была слишком короткая пауза, чтобы считать её реакцией на отсутствие ведомости; он мог остановиться лишь потому, что увидел разговор, в котором не участвовал. Однако когда Ада произнесла слово «вложение семь», управляющий посмотрел не на опись, а на деревянную пластинку с номером двенадцать.

— Сундук уже пересчитали? — спросил он.

— Да, — ответила Ада. — Одного вложения нет.

— Я же предупреждал, что описи старые.

— Вы собственноручно заверили сверку семнадцатого сентября.

Крейн поставил бланки на сухой угол и медленно снял перчатки.

— Действительно. Я сверял архив перед приездом приглашённых. Если при переноске что-то забыли, следует осмотреть полки.

— Мы осмотрели.

— Тогда завтра осмотрим снова, при дневном свете. Не вижу причины устраивать чрезвычайное заседание из-за одной ведомости, которую никто ещё не предъявил как доказательство чего-либо.

— У вас необычайно точная формулировка, — сказала Амелия.

Он повернулся к ней.

— Какая именно?

— «Не предъявил как доказательство». Я не спрашивала, что ведомость доказывает. Меня интересует лишь, куда она делась.

— У старых отчётов есть неприятное свойство, мисс Эвелин, — сказал Крейн после едва заметной паузы. — Люди ожидают от них приговора, хотя это всего лишь записи. Я хочу, чтобы всем предоставили возможность изучить документы без заранее подготовленных обвинений.

Он произнёс последнее предложение гладко, без усилия. Амелия не стала считать эту гладкость признаком заученной лжи. Гораздо интереснее было, что сам Крейн только что предложил ей определённый взгляд на документы: они могут быть использованы как оружие. Это было правдой. Но если человек заранее объясняет, почему будущему обвинению нельзя верить, полезно спросить, откуда он знает, какое обвинение появится.

— Мистер Крейн, — сказала она, — кто прежде вас хранил материалы комиссии?

— Мой предшественник.

— Его имя?

— Гарольд Восс. Умер пять лет назад.

— А кто распорядился о сверке именно семнадцатого сентября?

— Я сам.

— Что послужило поводом?

— Подготовка к открытию архива.

— Значит, вы уже знали, что леди Элеонора собирается пригласить людей?

— Она обсуждала это со мной.

— А известно ли вам было тогда, что рабочий Джордж Мортон собирался говорить о скрытой трубе?

Крейн посмотрел на неё впервые без готового ответа. Не испугался, не смутился — скорее резко понял, что разговор вышел за установленные им пределы.

— Мортон был нанят на ремонт, — сказал он. — Я не участвовал в его личных планах.

— Я спросила лишь, знали ли вы о сообщении.

— Знал, что он высказывал какие-то догадки. Рабочие часто видят в старых механизмах странности.

— Тогда мы можем записать, что вы слышали о его находке до исчезновения?

Крейн не ответил сразу. Нора смотрела на открытую опись, будто буквы вдруг стали особенно занимательными. Ада выпрямилась. Амелия не знала, кому из троих неприятнее было произнесённое имя, и потому позволила тишине длиться ровно столько, сколько требовалось для ответа.

— Мисс Эвелин, — произнёс наконец управляющий, — вы приехали сюда изучать документы, а не меня.

— Верно. Но пока документы исчезают, мне приходится изучать людей, которые их хранили.

Он склонил голову, признавая формальную справедливость замечания, и вышел. При этом не взял принесённые бланки, хотя только что говорил, что спустился с ними ради работы. Амелия не знала, забыл он их намеренно или просто спешил прекратить беседу.

— Вы, кажется, его разозлили, — сказала Нора.

— Возможно. Но теперь мы знаем больше, чем до разговора. Он не отрицал, что слышал о находке Мортона.

— Он вообще редко отрицает, — заметила Ада. — Он оставляет человека с таким ответом, который можно понимать в обе стороны.

— В таком случае, мисс Грей, вам тоже будет полезно перечитать собственные ответы на мои вопросы о конторе Фенуика.

Архивистка вспыхнула, но ничего не сказала. Амелия не испытывала удовольствия от этого маленького укола. Он лишь напоминал всем присутствующим, что исследование прошлого нельзя проводить в режиме суда, где одни заранее объявляют себя обвинителями, а других назначают виновными.

К шести часам в галерее осталась одна Ада. Нора унесла втулку на осмотр; Амелия, прежде чем уйти, посмотрела, где лежат два старых журнала. Оба оставались на столе под чистой тканью. Отдельная пустая обложка была поставлена вертикально рядом с сундуком. Её края казались подсохшими, как если бы она давно не касалась воды.

Этот факт ничего не решал — но в доме, где пропажи сопровождались звуками, полезно было знать даже время, когда высыхает бумага.

К ужину в длинной столовой успели убрать следы дневного происшествия. Если бы Амелия увидела комнату впервые только вечером, она, вероятно, удивилась бы строгой красоте старого дома. Стены между окнами занимали портреты людей в чёрных одеждах с неизменным выражением осторожного достоинства. На столе горели две керосиновые лампы под матовыми колпаками; под их светом серебро казалось тусклее обычного, зато белая скатерть приобретала оттенок свежей бумаги. От длинного камина шло такое ровное тепло, что трудно было поверить, будто несколькими ступенями ниже люди недавно вытаскивали книги из воды.

Леди Элеонора сидела во главе стола. Она не стала представлять гостей друг другу заново: большинство, как выяснилось, были давно знакомы, хотя это знакомство не приносило им заметного удовольствия. Руперт Белл оказался по правую руку от хозяйки; с тех пор как вода ушла из кладовой, он сменил гнев на учтивость. Доктор Рид следила, чтобы перед Элеонорой поставили бульон, а не тяжёлое мясное блюдо. Мерсер ел медленно и мало; Ирис настойчиво предлагала ему хлеб, но он отказывался, словно не желал становиться предметом заботы.

Амелию посадили напротив Норы Прайс. Между ними находился узкий канделябр. По диагонали за столом виднелся Крейн — в сухом костюме и с тем же спокойным лицом, которое он носил в кладовой. Ада сидела ближе к окну, на коленях у неё лежал небольшой блокнот. Лидделл пришёл последним и извинился не за опоздание, а за то, что его сапоги всё ещё не высохли.

— Сапоги, полагаю, не являются препятствием для стола, — сказала хозяйка.

— Сегодня являются, — отозвался инженер. — Я хотел проверить северный створ до темноты, но не нашёл полного плана. Мистер Крейн обещал прислать его утром.

— Не обещал, — без раздражения поправил управляющий. — Я сказал, что уточню, где лежит последний исправленный чертёж.

— Вы говорили «пришлю», — заметил Лидделл. — Я записал.

Он достал из кармана узкую сложенную бумажку, но не раскрыл. Крейн посмотрел на неё и больше не спорил. Амелия обратила внимание на это маленькое преимущество письменной записи. Люди, привыкшие к собственному голосу как к последнему аргументу, нередко уступают не факту, а предположению, что факт уже закреплён на бумаге.

— У нас будет достаточно поводов спорить завтра, — произнесла Элеонора. — Сегодня я хочу только сказать всем, что документы будут представлены для общего просмотра. Никто не вправе уносить отдельные листы, и никто не должен полагаться на мои воспоминания вместо источника.

— Это звучит как обвинение собственному семейству, — сказал Белл.

— Возможно. И всё же прошлое моего семейства происходило не исключительно с моим семейством.

Ирис подняла глаза. Она была слишком молода, чтобы помнить катастрофу как взрослый очевидец, но слишком тесно связана с домом, чтобы воспринимать слова хозяйки как отвлечённое нравственное рассуждение.

— Если бы старые ведомости открыли раньше, — сказала девушка, — фонд помощи не пришлось бы собирать по остаткам чужих благодарностей. Иногда семья просила деньги на лечение, а мы даже не знали, кто подписал отказ.

— Вы говорите о распоряжениях прежней комиссии, — возразил Крейн. — Текущему фонду нельзя предъявлять ответственность за решения людей, которых давно нет.

— А долги тех людей наследовать можно? — неожиданно спросила Нора.

Все взглянули на неё. Нора отодвинула стакан, словно сама удивилась решительности собственной реплики.

— Я имею в виду моральные долги, — добавила она. — Разумеется, юридически всё иначе.

— Юридически, — произнёс Белл, — долги вообще бывают проще нравственных. По крайней мере, их можно сосчитать.

— Ваши, вероятно, — сухо сказала доктор Рид. — Чужие вы предпочли бы не учитывать.

Предприниматель рассмеялся и поднял бокал.

— Доктор, вы слишком суровы к человеку, который хочет отремонтировать дорогу.

— Пока вы хотите купить землю, — ответила она. — Дорога — желательное дополнение к сделке.

Амелия слушала их, не вмешиваясь. Пока никто не солгал в проверяемом смысле. Зато каждый выбрал часть разговора, удобную для себя. Крейн защищал процедуру и преемственность, Ирис — людей, Нора — не названный ею личный ущерб, Белл — юридическую ясность, врач — право разоблачать чужое корыстолюбие. Лидделл молчал о том, ради чего инженер вообще приезжает на старую дамбу: чтобы устройство работало, независимо от того, кому принадлежит право на землю. Эти предпочтения определяли возможные мотивы сильнее, чем любые поспешные заключения по движению глаз.

— Мисс Эвелин, — обратился к ней вдруг Мерсер. — Вы успели увидеть башню?

— Снаружи, дважды.

— А сверху?

— Пока нет.

— Вот и не ходите. Там плохая ступень на последнем пролёте. Если на ней поскользнуться, не поможет никакое остроумие.

— Принимаю предостережение. Вы сами осматривали ступень?

— Лет пять назад. Когда был последний настоящий ремонт.

— Сегодняшние неисправности вам не по душе?

Мерсер отложил вилку.

— Сегодняшние — выдуманные. Там, где раньше требовались два человека и одна цепь, теперь ставят провода, трубы, рычаги и объясняют, что всё стало безопаснее. А потом, когда металл гремит в пустом доме, меня спрашивают о призраках.

— Кто спрашивает?

— Все, у кого хватило воспитания не сказать прямо, что старик свихнулся.

— Освальд, — мягко произнесла хозяйка, — никто не считает вас сумасшедшим.

— Тогда зачем ставить возле моей мастерской прибор, который передаёт голоса без людей? — спросил он Нору.

— Прибор, о котором вы говорите, существовал ещё до вашего рождения, — сказала Нора. — Не стоит превращать всё незнакомое в новое.

— Мне знакомо слишком многое из того, чего лучше бы не слышать.

С этими словами часовщик вновь взял вилку. Леди Элеонора явно желала перевести разговор на более безопасную тему, но безопасных тем за столом почти не осталось. Даже погода касалась обстоятельств семнадцатилетней трагедии. И не было ничего удивительного, что хозяйка наконец спросила о дороге.

— Нас могут отрезать уже завтра вечером?

Лидделл сдвинул тарелку.

— Если ветер сохранит направление, вода ляжет на старый гребень до того, как насыпь станет непроходима по новой таблице. Для экипажей проход тогда придётся закрыть. Для пешеходов — раньше. Я проверю после рассвета.

— Но в моём расписании, — сказал Белл, — свободный проезд обещан почти до десяти.

— В вашем расписании обозначен уровень, при котором ещё видна поверхность каменной дороги, — ответил инженер. — Холт закрывает её, когда порыв может смыть человека с настила.

Амелия едва заметно улыбнулась. Ей уже объясняли это утром. Теперь она увидела, как быстро два различных понятия могут превратиться в повод для взаимных обвинений, если один человек не желает признать, что другой измеряет не то же самое.

— Значит, — заключила хозяйка, — всем придётся остаться до окончания общего чтения. И, вероятно, дольше.

— Надеюсь, надолго не задержимся, — сказал Белл, но ответил он слишком быстро, словно эта перспектива тревожила его не только из-за дел на материке.

После ужина доктор Рид проводила Элеонору к её комнате. Хозяйка сопротивлялась недолго, однако успела спросить у Ады, закончена ли опись. Та ответила, что одна ведомость всё ещё отсутствует. Крейн сказал, что утром её наверняка найдут. При слове «наверняка» Амелия увидела, как Ирис сжала салфетку. Это было похоже на раздражение человека, чьих просьб слишком долго не слышали, но ничего не говорило о пропавшей бумаге.

В девять вечера, когда наружный ветер ослаб, Амелия вышла в западную галерею. Она не намеревалась устраивать тайных наблюдений: хозяйка разрешила ей осмотреть планировку, а вечерняя прогулка по внутренней галерее не требовала ни ключей, ни помощи слуг. В руке она несла лампу, которую миссис Сайкс заранее попросила не ставить на деревянные подоконники.

Стёкла галереи местами потемнели от соли. Сквозь них виднелась вода, лежавшая за лужайкой до самого горизонта. Не было ни одного огня с материка; дальний берег скрылся в тумане. Старый измерительный павильон стоял в конце перехода, отделённый от главного здания низкой ступенью и дверью с тяжёлой ручкой. На этой двери висела небольшая табличка: «Без сопровождения не входить». Ниже, едва различимыми буквами, было дописано «после восьми часов».

Амелия остановилась в нескольких шагах. Её внимание привлёк не запрет, а латунная головка рядом с дверной рамой. Она выступала из дерева всего на два дюйма и имела овальную щель. Такой конец может принадлежать вентиляции, переговорной трубе или сливу конденсата. По тому, как гладко потемнел металл вокруг отверстия, можно было заключить, что к нему часто прикасались. Но не определить, когда именно.

За спиной прозвучали шаги.

— Простите, я вас напугала? — спросила Ирис Марш.

— Нет. Вы шли достаточно громко, чтобы я не приняла вас за призрака.

Девушка держала маленький свёрток и связку ключей. Она уже переоделась после ужина; волосы были убраны просто, без шляпки, лицо казалось усталым.

— Я хотела оставить старому Мерсеру сухие перчатки, — сказала она. — У него снова болят руки, но он не признается. Его мастерская в этой стороне.

— Значит, он не ночует в главном доме?

— Иногда ночует, иногда возвращается в сторожку над северной лестницей. После смерти жены он стал предпочитать комнаты, где можно слышать часы.

— Вы хорошо его знаете.

— Он учил меня читать показания старых циферблатов. В детстве я думала, что стрелки рассказывают о том, чего никогда не видел человек. Очень глупо, правда?

— Нет. Глупо было бы решить, что стрелки рассказывают всю правду.

Ирис улыбнулась. Они постояли молча, глядя на стеклянную крышу павильона. За ней сгущалась темнота. Вдоль северной стены дрожал тонкий отблеск фонаря, закреплённого у выхода во двор.

— Когда вы были маленькой, — спросила Амелия, — вы слышали рассказы об аварии?

— Каждую осень. Их рассказывали по-разному, но кончались они одинаково. Кто-то всегда получал приказ закрыть затвор, а кто-то всегда успевал это сделать. На этих словах взрослые замолкали.

— Вы сами что-нибудь помните?

Ирис отвела взгляд.

— Мне было совсем мало. Мне казалось, что в ту ночь один человек кричал: «Откройте!» — а другой отвечал: «Нет!» Я не могла видеть обоих. Возможно, это было во сне. Мистер Крейн говорит, что дети часто придумывают себе память после чужих разговоров.

— Иногда придумывают. Иногда взрослые учат их забывать то, что было на самом деле. Проверить можно только обстоятельства.

— Вам не обязательно утешать меня.

— Я не утешаю. Я прошу вас не превращать собственное сомнение в доказательство против себя.

Ирис опустила свёрток на подоконник. Её глаза сделались серьёзнее.

— Знаете, чего я боюсь? Что мы откроем все эти бумаги, а они окажутся такими же глупыми, как наши рассказы. И тогда у тех, кто потерял людей, не останется даже причины.

— Причина может оказаться обыкновенной и всё же не сделаться менее важной. Человеческая ошибка часто выглядит страшнее проклятия именно потому, что её можно было предотвратить.

Девушка хотела ответить, но остановилась. Со стороны павильона донеслось слабое дрожание. Оно напоминало движение сквозняка по узкому металлическому горлу. Амелия подняла лампу. В овальной щели латунной головки была видна тёмная полоска — то ли подкладка, то ли влажная пыль. Стеклянная дверь оставалась закрытой.

Затем кто-то заговорил.

Голос не был громким. Он звучал так, словно принадлежал человеку, стоявшему в дальнем конце помещения и говорившему через сложенные ладони. Но отдельные слова проходили с резкой ясностью, неожиданной для такой удалённости.

— Не считайте удары. Там ещё люди.

Ирис схватила Амелию за рукав. Лампа чуть качнулась, но пламя не погасло. За дверью было темно. Никакая фигура не подходила к стеклу. Снаружи ветер развевал мокрую траву, и тени от её колебаний скользили по крыше павильона. Из латунной щели донёсся едва заметный треск, похожий на сухую песчинку, попавшую между металлическими зубцами, и всё стихло.

— Кто здесь? — спросила Ирис прежде, чем Амелия успела удержать её от вопроса.

Ответа не последовало.

Амелия не бросилась к двери. Она прежде проверила три вещи. Во-первых, лампа находилась на достаточном расстоянии от стекла, чтобы не создавать ложное отражение человека внутри. Во-вторых, источник голоса не удалось определить: звук мог идти из павильона, из овальной щели и даже из пространства под галереей. В-третьих, слова прозвучали слишком отчётливо, чтобы их можно было списать на ветер, но именно эта отчётливость делала важным вопрос об акустическом устройстве. Ни одно из этих наблюдений не сообщало, кто говорил.

— Не открывайте, — прошептала Ирис.

— Я и не собиралась, пока не узнаю, что за дверью, — сказала Амелия ровно. — Посмотрите, пожалуйста, на ту сторону. Вы видите свет?

— Нет.

— А движение?

— Ничего.

В конце галереи раздался звук двери. К ним приближался Мерсер; он шёл без фонаря, придерживаясь рукой за стену. За ним следовали Нора и Лидделл — вероятно, тоже услышали крик Ирис. Через несколько шагов показалась миссис Сайкс.

— Что случилось? — спросил инженер.

— Мы слышали голос, — ответила Ирис.

— Чей?

— Не знаю.

— Откуда?

Она указала на павильон.

Нора немедленно взглянула на латунную щель, и Амелия заметила направление её взгляда прежде, чем специалист успела приблизиться.

— Мисс Прайс, — сказала Амелия, — пожалуйста, пока ничего не трогайте. Мне нужно запомнить положение этой детали.

Нора остановилась. Лицо её стало неподвижным.

— Вы подозреваете, что я что-то сломала?

— Я подозреваю только, что ваше профессиональное любопытство может изменить то, что мне хотелось бы проверить.

Лидделл подошёл к двери, достал ключ из связки и повернул его. Замок сопротивлялся, затем щёлкнул. Инженер толкнул дверь; она открылась наружу, пропустив сырой воздух. Площадка за ней была пуста. Внутри стояли два больших измерительных прибора, шкаф с высокими стеклянными дверцами и старый стул с ободранной обивкой. На полу лежал скрученный шланг. Рядом с ним темнел квадратный след предмета, который недавно передвигали, но определить его размер из дверей было трудно.

— Здесь никого нет, — сказал Лидделл.

— Сейчас, — уточнила Амелия.

— Вы думаете, кто-то успел выйти через другое место? Тут нет другого выхода.

— Я пока ничего не думаю о выходах, которых не осматривала.

— Это, пожалуй, удобное правило, — отозвался он.

Мерсер до сих пор не произнёс ни слова. Он смотрел не на дверь и не на инженера, а на нижний край окна павильона. Его губы были сжаты так плотно, что белые складки проступили возле рта. Амелия приблизилась к нему.

— Мистер Мерсер, вы тоже слышали голос?

— Последние два слова, — ответил он. — Я шёл из мастерской.

— Вы узнали их?

Часовщик медленно повернулся. В его взгляде не было театрального ужаса — только изумление человека, которому предлагают подписать собственное воспоминание чужим именем.

— Кто это сказал вам? — спросил он.

— Никто. Мы слышали фразу только что.

— Нет. Я спрашиваю, кто рассказал вам, что именно нужно произнести.

— Никто, мистер Мерсер. Я не знала этих слов.

Старик посмотрел на Ирис. Девушка побледнела и покачала головой.

— Я тоже не знала, — прошептала она.

Мерсер сжал край своего старого сюртука. Амелия не торопила его. Она слишком хорошо представляла, насколько жестоким может оказаться вопрос, вынуждающий человека заново пережить минуту, о которой тот молчал многие годы.

— В шестнадцатом году, — произнёс он наконец, — мой сын стоял у нижнего сигнального поста. После первого предупреждения люди побежали к насыпи. Кто-то начал считать удары. А он кричал мне через ветер, чтобы я не считал. Там, внизу, оставались рабочие.

Он перевёл дыхание, будто даже этот короткий рассказ требовал от него подняться по крутой лестнице.

— Он сказал: «Не считайте удары. Там ещё люди». Больше я его голоса не слышал.

В павильоне было тихо. Никто не спросил, можно ли было перепутать голос молодого человека, давно умершего. Каждый, казалось, боялся самого способа узнать ответ.

Амелия посмотрела на инженера. Лидделл стоял с ключом в руке и глядел на раскрытую дверь. Нора не отводила взгляда от латунной щели. Ирис прижимала к груди свёрток с перчатками. Этого было недостаточно, чтобы обвинить кого-нибудь в подлоге или жестокости; достаточно лишь для того, чтобы понять: сказанные слова подействовали на людей сильнее, чем первый удар колокола.

— Вы кому-нибудь рассказывали о фразе сына? — спросила Амелия.

Мерсер поднял голову.

— Только комиссии. Когда меня вызвали после аварии. Они велели записать всё, что я слышал. Я продиктовал, а секретарь переписал.

— Это вошло в опубликованный отчёт?

— Нет. Там написали только, что мой сын погиб при исполнении обязанностей.

— Значит, оригинальная запись существовала?

— Существовала, — с усилием произнёс он. — Её положили к ручной проверке сигналов. Я сам видел обложку, когда подписывал показание.

Амелия почувствовала под пальцами серебряную сову. В памяти возникли две цифры, лежавшие в разных местах дня: двенадцать вложений по старой описи и одиннадцать оставшихся после затопления. Исчезнувшая ведомость ручной проверки сигналов — единственная бумага, в которой, по словам Мерсера, могли сохраниться эти слова.

Стало быть, кто-то, кто мог увидеть её совсем недавно, получил возможность повторить голос прошлого. Или слова дошли до него иным путём — через письма, разговоры, пересказ. Вывод «ведомость похищена ради этой фразы» был бы соблазнительным и, вероятно, преждевременным. Амелия не позволила ему закрепиться в голове как истине.

Лидделл хотел закрыть дверь, но она остановила его движением трости.

— Мистер Лидделл, вы можете оставить помещение в том виде, в каком мы его нашли, до утра? Никаких ремонтов, осмотров труб и перестановок приборов. По крайней мере, без свидетелей.

— А если здесь опасная неисправность?

— Тогда позовите меня и мисс Прайс. Я не хочу, чтобы ради доказательства сохранности комнаты вы рисковали домом. Но хочу знать, что именно изменится.

Инженер едва заметно скривился, затем согласился. Он повернул ключ, проверил ручку и отошёл. В эту минуту Нора снова посмотрела на щель рядом с дверью, а потом на его руку. Амелия отметила направление обоих взглядов. Отгадка могла заключаться в устройстве трубы, в ключе, в старых словах или в том, кто и когда имел право трогать всё перечисленное.

Они возвращались к дому молча. Только миссис Сайкс тихо спрашивала Ирис, не нужно ли отвести мистера Мерсера в комнату. Он отказался и пошёл к лестнице один. Девушка последовала за ним на расстоянии нескольких шагов, не настаивая на помощи. В их осторожном сближении было больше заботы, чем в бесчисленных утешениях, которыми обычно встречают давнее горе.

Амелия задержалась у окна галереи. Башня стояла на фоне тумана совершенно неподвижно. Над её медным козырьком прошла узкая полоса лунного света. Колокол не звонил. И всё же то, что произошло сейчас, было страшнее утреннего удара: из пустого павильона прозвучали слова, которых не было в доступном всем отчёте. У этого голоса должен был быть источник, у источника — путь, а у пути — человек, принявший решение заставить мёртвого говорить.

Но кто мог знать, что именно сказал сын Освальда Мерсера в тот день, когда море забрало его вместе с другими людьми?

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Голос из медной стены

Когда Амелия вернулась из западной галереи, дом ещё не спал, но уже старался производить впечатление уснувшего. За закрытыми дверями поскрипывали половицы, внизу отодвигали мебель, где-то на служебной лестнице негромко переговаривались две женщины. Из кухонной части тянуло угольной гарью и печёными яблоками. Приятный, совершенно домашний запах казался здесь почти нарушением приличий: после голоса в пустом павильоне каждый обыкновенный предмет невольно становился подозрительным.

Амелия остановилась между двумя высокими окнами. В отражениях тёмного стекла её трость имела двойную серебряную голову. Одна сова смотрела в сторону комнаты миссис Сайкс; другая — туда, где исчезал коридор к измерительному павильону. За стёклами дышало море. Его не было видно, только белые обрывки пены мелькали между каменными перилами, как неразборчивые строки на чёрной странице.

Слова прозвучали перед нею так же отчётливо, как несколько минут назад: «Не считайте удары. Там ещё люди».

Сама фраза не была невозможной. Невозможным её сделали обстоятельства: отсутствие говорящего, уверенность старика, что она принадлежала погибшему сыну, и семнадцать лет молчания между произнесённым тогда и услышанным теперь. Однако всякий раз, когда Амелии хотелось признать происшествие необъяснимым, она мысленно разъединяла эти три обстоятельства. Голос мог принадлежать другому человеку. Слова могли быть известны ещё кому-нибудь. Источник звука мог находиться далеко от того места, откуда его ожидали.

Нельзя было исключить и четвёртой возможности: Мерсер ошибался. Память о сыне, вероятно, оставалась в нём острее любой настоящей раны. Но именно потому Амелия не хотела обращаться с нею как с неисправным прибором, который достаточно встряхнуть, чтобы получить нужные показания.

Она сделала три шага к лестнице и услышала своё имя.

— Мисс Эвелин.

Голос шёл справа, от стены, возле которой никого не было. Амелия остановилась. Через мгновение из-за поворота на нижнем этаже показалась миссис Сайкс с пустым подсвечником в руке.

— Простите, мисс. Я думала, вы уже на лестнице. Леди Элеонора спрашивала, готовы ли вы принять завтра чай у неё в кабинете. После завтрака.

— С удовольствием. Вы звали меня отсюда?

— Из нижнего вестибюля. А что?

— Звук достиг меня прежде, чем я увидела вас.

Экономка посмотрела на пол, затем на высокую дубовую панель. Это движение могло означать что угодно: знание, привычку, нежелание объяснять хозяйственные особенности дома ночью. Амелия не стала выбирать за неё подходящий смысл.

— Вы, вероятно, заметили, — сказала миссис Сайкс, — что в Келлвике плохо определить, кто говорит за дверью. В одном конце слышно шёпот, а в другом хоть кричи — ничего.

— Вы говорите об обычной акустике?

— Я говорю об этом доме. Про акустику вам лучше спросить мисс Прайс.

Миссис Сайкс пошла вверх, и теперь её голос следовал за нею с понятной, человеческой последовательностью. Амелия осталась неподвижной ещё на секунду. Положение человека и положение звука на острове могли не совпадать. После одного вечера это переставало быть любопытной особенностью архитектуры и становилось важным условием любого свидетельства.

— Миссис Сайкс, — позвала она.

Экономка обернулась.

— Сколько труб, которыми можно переговариваться между этажами, вы считаете действующими?

— По правилам — ни одной, кроме кухонной. На деле — столько, сколько мисс Прайс успела привести в порядок.

— Благодарю. Я запомню различие между правилами и делом.

— Здесь это полезнее зонтика, — сухо сказала экономка и продолжила путь.

В своей комнате Амелия застала незадёрнутые занавеси и графин с водой, прикрытый кружевной салфеткой. На столе лежала небольшая карточка с расписанием завтрашнего дня. Почерк принадлежал, по всей вероятности, Аде Грей: каждая буква была поставлена отдельно, будто между ними и писавшей существовало соглашение не сообщать лишнего.

«Суббота, 7 октября. Осмотр восстановленной голосовой линии — одиннадцать часов. Проверка описи — после полудня. Предварительное чтение материалов комиссии — по решению леди Элеоноры».

Ни одно время не было привязано к приливу. После сегодняшних разговоров это казалось ей небрежностью. Она перевернула карточку и обнаружила на обороте след старого клея. Бумагу, видимо, вырезали из конторского бланка, который прежде был прикреплён к папке. Вверху сохранилась часть печатной строки: «…сигн. контроля».

Косвенный след — ещё не улика. В доме, где семнадцатилетние ведомости каждый день таскали из подвала на чердак и обратно, подобное обращение с бумагой могло быть самой невинной привычкой. Амелия положила карточку рядом с дорожными часами и дописала в записной книжке: «Слух не удостоверяет место. Время не удостоверяется звоном. Сперва установить путь сообщения».

Ниже она занесла дословно три вопроса, которые пока не решалась задавать всем одновременно. Кто видел исходную ведомость ручной проверки сигналов после семнадцатого сентября? Почему голос назвал именно фразу сына Мерсера, а не любую другую? Что стоит за молчанием Норы Прайс, когда рядом с трубой появляется инженерный ключ?

От последнего вопроса Амелия сама поморщилась. Он был сформулирован слишком выразительно. Молчание и взгляд человека могли быть следствием вполне профессиональной тревоги: кто-то запирал отсек с инструментами, которые она не успела проверить. Она зачеркнула слово «молчание» и написала: «Какие действия Нора сочла необходимыми, но не предприняла?» Это был вопрос, на который существовал проверяемый ответ.

В четверть двенадцатого она погасила лампу. Снаружи стонала вода под настилом галереи. Тихий стук донёсся из стены возле её шкафа: два коротких удара и один протяжный. Амелия сосчитала их, невольно устыдилась этой привычки и повернулась на другой бок. Дом имел полное право скрипеть. Человек — нет, если он выдавал собственный голос за голос мёртвого.

✦ ✦ ✦

К утру дождь прекратился, зато ветер переменил направление. Окна, выходившие на море, побелели от соли. Вода отступала от насыпи, но не настолько, чтобы она перестала казаться единственной дорогой, проложенной через чужое владение. Леди Элеонора велела подать завтрак раньше обычного: над островом сгущались новые тучи, а в таких местах светло лишь до тех пор, пока погода согласна считать день днём.

Амелия спустилась без десяти девять. Её остановила непривычная тишина в столовой. За столом уже сидели доктор Рид, Освальд Мерсер и Руперт Белл. Крейна не было, зато на его обычном месте лежала кожаная папка, притянутая к столешнице серебряным ножом для вскрытия писем. Мерсер пил чай, не глядя на остальных. Доктор Рид листала маленький блокнот и время от времени трогала запястье, будто считала пульс самой себе.

— Надеюсь, вы спали, — произнесла она, когда Амелия села.

— Достаточно, чтобы запомнить всё, что видела вечером. Это не всегда признак хорошего сна.

— Старик опять слышал сына, — сказал Белл, размешивая сахар. — Мне сообщили об этом по дороге сюда. Полагаю, дамы собираются превратить весь остров в театр.

Мерсер не поднял головы. Доктор закрыла блокнот так тихо, словно не желала, чтобы её жест сделался частью разговора.

— Вы сами слышали его сына? — спросила Амелия.

— Разумеется, нет. Меня там не было.

— Тогда вы слышали сообщение о том, что Мерсер узнал слова. Это не совсем то же самое.

— Сочту различие учёной любезностью, мисс Эвелин.

— Не стоит. Учёные различия гораздо сложнее и редко помогают за завтраком.

Освальд поставил чашку. По тому, как бережно он придержал блюдце, Амелия поняла: руки у него дрожат, но он не желает, чтобы кто-нибудь назвал это слабостью. Сама дрожь не говорила о его чувствах ничего определённого. Её мог вызвать холод, возраст, бессонница. Важнее было то, что мужчина, ещё вчера готовый спорить о механизмах, сегодня не возражал даже Беллу.

— Мистер Мерсер, — обратилась она к нему, — я хочу уточнить одну вещь. Вчера вы повторили слова вашего сына так, будто слышали не только их значение, но и голос. Вы узнавали тембр?

— Не знаю, — ответил старик после долгой паузы. — Мне хотелось узнать. Это другое.

Амелия опустила глаза к чашке. Ответ оказался честнее любого уверенного «да» или «нет», и она не стала вознаграждать его дополнительным сочувствием на виду у Белла.

— Да, — сказала она. — Совсем другое.

— Он имел привычку глотать конец слова, — добавил Мерсер. — Особенно когда кричал на ветру. Вчера будто бы было то же самое. Но ведь я услышал только конец. Кто угодно мог… — Он не договорил, разгладил ладонью складку скатерти. — Я сам не понимаю, что именно услышал.

— Если вам станет легче, мы не будем решать это без проверки, — ответила Амелия.

— Мне станет легче, когда люди перестанут складывать мою жизнь в бумажный ящик и спорить, какого цвета у неё была крышка.

Он встал прежде, чем кто-нибудь успел извиниться, и вышел. Доктор Рид посмотрела ему вслед.

— Он потерял гораздо больше, чем можно восстановить проверкой, мисс Эвелин.

— Я знаю. Именно поэтому мне не хочется позволить кому-либо воспользоваться этой потерей.

Белл хотел что-то сказать, но в дверях показалась Ирис Марш со свёртком тёмных рабочих перчаток. Она увидела пустое место Мерсера, остановилась и, ничего не объясняя, положила перчатки на край буфета. Амелия вспомнила вчерашний свёрток у павильона. На ткани была знакомая светлая полоска шва. Девушка, стало быть, так и не передала подарок адресату.

Вошла леди Элеонора. На ней было платье из серо-лиловой шерсти, почти такого же цвета, как небо. Лицо выглядело утомлённым, но держалась она прямо. Доктор Рид при её появлении поднялась с выражением человека, решившего не тратить силы на ещё одно бесплодное запрещение.

— Вы все уже обсуждаете призраков? — спросила хозяйка.

— Пока только завтракаем, — ответила Амелия. — Призраки, кажется, не нуждаются в приглашении к столу.

— Увы, с гостями всё сложнее. Мистер Крейн объявил, что сегодня должен осмотреть письма моего отца до начала публичного чтения. Ада настаивает на присутствии свидетелей. Я хотела бы, чтобы вы помогли ей.

— С удовольствием. Но сначала, если вы не возражаете, посмотрю приборы мисс Прайс.

— Именно поэтому мы её и пригласили. Она обещала в одиннадцать устроить демонстрацию для всех. — Элеонора чуть помедлила. — Мне бы хотелось, чтобы она не называла её сеансом.

— Сеанс предполагает, что мы уже знаем, кого желаем услышать. Опыт должен показать, откуда берётся звук, даже когда слушателям не нравится ответ.

Хозяйка попыталась улыбнуться и не сумела. Её взгляд задержался на пустом месте управляющего, как на листе, который следовало бы подписать, но страшно было читать.

✦ ✦ ✦

Нора Прайс устроила мастерскую в комнате над бывшей оранжереей. Здесь когда-то зимовали горшки с камелиями, затем складывали переплёты для коллекции покойного лорда, а теперь стоял длинный стол с переносным фонографом, коробками восковых цилиндров и разложенными по размеру медными втулками. Пахло машинным маслом, сухим деревом и чем-то сладким — едва заметным восковым запахом, который бывает возле старых свечей. Узкое окно открывалось на северную галерею. По нему постукивали мелкие капли, хотя внизу дождя уже не было: ветер срывал воду с каменного карниза.

Амелия пришла на четверть часа раньше назначенного. Нора сидела у стола в рабочем переднике поверх тёмной юбки и держала крошечную иглу пинцетом. На кожаной подкладке возле неё лежала медная деталь длиной с палец. Специалист не заметила гостью сразу. Она проверила остриё на свет, вернула инструмент в футляр и только тогда подняла голову.

— Вы рано, мисс Эвелин.

— Это время, когда человека меньше заботит впечатление, которое он производит.

— Если вы рассчитываете застать меня за духами, вам придётся разочароваться. Я занимаюсь куда менее возвышенными вещами.

— Полагаю, именно поэтому мне будет интересно.

Нора сдвинула локтем склянку с прозрачной жидкостью, освобождая место для трости. Её руки были в тонких царапинах, на одном ногте сохранилась тёмная полоска от металла. У таких пальцев была своя речь: они принадлежали человеку, привыкшему не только исправлять приборы, но и помнить, где прикасался к ним в последний раз.

— Вы знали, что вчера в павильоне произнесли слова сына Мерсера? — спросила Амелия.

— Я слышала последние слова самого Мерсера, если вы об этом. Что до происшествия, оно случилось раньше моего прихода.

— Вы спросили, не обвиняю ли я вас в поломке, когда я попросила не трогать латунную щель. Почему именно поломке?

Нора положила обе ладони на край стола. Лицо её осталось спокойным, но пальцы перестали двигаться. Амелия заметила это и не приняла за признание: вопросы о профессиональной компетентности заставляют так реагировать даже самых добросовестных мастеров.

— Потому что здесь всякий звук считают моим делом, а всякую неисправность — моей оплошностью, — ответила Нора. — Я разбирала часть старого воздуховода. Мне неприятна мысль, что кого-нибудь испугало то, что я не успела проверить.

— Убедительно. Какую именно часть?

— Приёмный раструб за западной галереей. Его когда-то заглушили войлоком, потом войлок намок, и звук стал проходить через ткань только на некоторых частотах. Получается странное явление: низкий мужской голос едва слышен, а резкое слово пролетает по дому.

— Вы снимали войлок?

— Вчера утром. И вернула пластину на место. Без окончательной прокладки. Я намеревалась закончить сегодня.

— Кто ещё знал, что труба открыта?

— Всякий, кто видел мою записку мистеру Лидделлу. Я просила не закрывать западный короб до моего осмотра.

— А мистер Крейн?

— Он подписывает счета. Ему достаточно знать, что за каждый час мне придётся заплатить, чтобы вспомнить о моём существовании.

Это было сказано легко, почти с насмешкой, и Амелия отметила не столько слова, сколько их уместность. Отвечая о Крейне, Нора неожиданно охотно перешла с техники на характер человека. Когда вопрос возвращался к павильону, речь становилась точнее и короче. Возможных причин было множество, и ни одна пока не имела преимущества.

— Вы говорили мне, — напомнила Амелия, — что от старой системы почти ничего не осталось. А теперь утверждаете, что она соединяет несколько этажей.

— Я говорила, что рабочими считали только отдельные участки. Это не значит, будто остальной металл испарился. У этого дома необыкновенная привычка сохранять всё, что люди когда-то собирались выбросить.

— Можно взглянуть на план труб, прежде чем начнут собираться остальные?

Нора откинула крышку небольшого шкафа. На внутренней стороне лежал пожелтевший лист, прижатый четырьмя латунными кнопками. Дом был представлен на нём не фасадом, а устройством полостей: широкие стены рассекали тонкие линии, уходившие из кухни, архивной комнаты и северного крыла к центральному распределительному коробу. Некоторые окончания обозначались кружками, другие перечёркнутыми крестами. Над западной галереей шёл рукописный путь к измерительному павильону; его отметили ещё до войны. Позднее поверх стрелки нанесли синий штрих.

— Вот, — сказала Нора, — путь голоса. Когда две комнаты соединены не дверью, а медной трубой, вам может показаться, что человек стоит рядом, хотя он находится на другом этаже. Металл почти не передаёт обычный шёпот через толстую стену, зато хорошо сохраняет отдельные звуки, если у них есть открытый канал.

— А если человек вообще не говорит в этот момент?

Нора посмотрела на фонограф.

— Тогда говорят машины. Это давно перестало быть чудом.

— И всё же вы не готовы объявить вчерашний голос записанным.

— Без цилиндра, действующего аппарата и свидетеля, который видел, как его запускали? Нет. Было бы непростительно говорить людям, будто я знаю больше, чем знаю.

Амелия кивнула. Ей нравился этот ответ. Нравился настолько, что она решила не доверять симпатии. Хороший специалист без труда может быть и хорошим обманщиком, если знает, чего ждёт слушатель.

— Объясните мне одну вещь, мисс Прайс. Для чего вам пинцет?

— Эта деталь, — Нора подняла его, — касается поверхности цилиндра. Некоторые называют её иглой, хотя на старых образцах оконечность бывает сапфировой и закруглённой. Повредите её — и машинка станет произносить каждое слово с царапиной. Даже невинное «доброе утро» прозвучит так, словно говорящий тайно ненавидит собеседника.

— А повреждённый цилиндр?

— Повторяет собственное несовершенство. Это полезно: два раза одинаково ошибиться человек может, но у записанного звука одинаковыми будут и ошибка, и пауза, и шорох.

Нора произнесла последнюю фразу без всякой торжественности. Амелия тем не менее запомнила её точно. Рано или поздно эту мысль следовало проверить не словами, а слухом.

Дверь отворилась. На пороге стоял Томас Лидделл с чёрной кожаной сумкой и мокрым от тумана воротником.

— Вы обещали показать, где отсоединён короб, — сказал он Норе, затем увидел Амелию. — Приятно, что у нас появился второй инженер.

— Я не инженер, мистер Лидделл, — ответила она. — Именно поэтому могу задавать вопросы, не заботясь о своей репутации в вашей профессии.

— Порой это наиболее опасная её разновидность.

Он положил сумку на табурет. На её ремне блестела полоска новой пряжки. Нора посмотрела на неё, потом на план. Это опять было лишь направлением взгляда, и Амелия сердито одёрнула себя за искушение превращать любое движение в знак.

— Вчерашний павильон останется закрыт до совместного осмотра, как мы договорились? — спросила она.

— Да. Если вам угодно, можем пойти туда сейчас.

— Мне угодно пригласить также мисс Грей и миссис Сайкс. Предпочту иметь свидетелей тому, кто держал ключ, и тому, кто знал расположение документов.

Лидделл усмехнулся без веселья.

— Вы хотите, чтобы я доказал, будто ночью не проходил сквозь стены?

— Совсем нет. Я хочу установить, что ключ один раз повернулся на глазах у нескольких людей. Что происходило до этого, ни ваша честность, ни мои глаза подтвердить не могут.

Инженер открыл сумку, вынул тетрадь с отметками прилива и вписал время. Нора взяла с полки латунную муфту и, не дожидаясь дальнейших распоряжений, спрятала её в карман передника. Этот жест выглядел практичным. В комнате, где вещи имеют привычку перемещаться, специалист вправе не желать оставлять малую деталь без присмотра. Амелия всё-таки запомнила, из какого ящика муфта была взята.

✦ ✦ ✦

У павильона утром пахло водорослями. Ветер гонял тонкую воду по стеклянной крыше, но внутри слышался прежде всего низкий гул труб. Миссис Сайкс пришла с ключом от служебной галереи, Ада — с планом и чистым листом для записей. Ирис, узнав о предстоящем осмотре, попросила разрешения присутствовать: она была одной из двух, кто услышал ночную фразу целиком. Лидделл открыл дверь собственным ключом. Замок повернулся туго, как и прежде.

— Вы не опечатывали его ночью? — спросила Амелия.

— Вы об этом не просили.

— Верно. Стало быть, свидетельство его нынешнего состояния ничего не говорит о том, открывали ли дверь после нашего ухода.

— Я вас не понимаю, мисс Эвелин. Вы хотите осмотреть место или составить трактат о невозможности осмотра?

— Второе мне не по средствам. Начнём с первого.

Они вошли по одному. На полу у правого шкафа всё ещё лежал скрученный шланг, возле стены остался квадратный тёмный отпечаток. Две дорожки от колёс или тяжёлых ножек пересекали тонкую пыль, но определить их давность Амелия не могла. Она попросила Аду нарисовать расположение предметов прежде, чем кто-либо к ним прикоснётся. Архивистка сделала это с благодарностью человека, которому наконец поручили задачу с ясными границами.

Нора подошла к овальной латунной щели в панели. Края раструба были притёрты до матового блеска. Между двумя винтами застрял клочок серого волокна. Амелия наклонилась, не прикасаясь.

— Тот самый войлок?

— Возможно, — ответила Нора. — Хотя по цвету нельзя различить прокладку и обычную пыль после сырости.

— Не берите его пока. Ада, внесите: серое волокно между правым и нижним винтами.

— Зачем? — спросил Лидделл.

— Чтобы завтра мы не говорили, будто оно было слева. Память любит приводить мелочи к приличному порядку.

В каморке с приборами они нашли две речевые трубки. Первая оканчивалась у входной стены, вторая — в глубине, за измерительной рейкой. Нора объяснила, что по старому назначению одна передавала распоряжения от архивного поста, вторая позволяла отвечать с уровня дамбы. Отдельная небольшая крышка в полу скрывала соединительную коробку, но её петли приросли к дереву слоем краски.

— Этот ход не действовал после шестнадцатого года, — произнёс инженер.

— Вы проверяли? — спросила Амелия.

— Он числится закрытым.

— Ваша фраза весьма похожа на вчерашнюю фразу миссис Сайкс о колоколе. Я уже боюсь слов «числится» и «должен».

— Что вам ответить, чтобы вы перестали бояться?

— «Я открывал крышку сам, и за нею нет соединения». Или: «Не знаю, что там». Оба ответа будут полезны.

Лидделл посмотрел на закрашенные петли.

— Эту крышку я не открывал. В нынешних работах она не требовалась.

— Благодарю. Теперь можно работать.

Нора едва заметно повернула голову к инженеру. На этот раз Амелия не пыталась прочесть её выражение. Она стояла слишком близко к трубам, чтобы случайный отблеск света не изменил половину лица.

В нескольких местах листовой металл был покрыт беловатым налётом. В нижней щели сохранилась крупинка ярко-синей краски, не похожей на древнее потемнение меди. Амелия вспомнила синий штрих на плане Норы. Совпадение цвета само по себе не означало совпадения происхождения. Она попросила Аду отметить и его, но не позволила никому произнести слово «улика».

— Сделаем простой опыт, — сказала Амелия. — Мисс Прайс, если я останусь здесь, а вы выйдете в западную галерею, сможете ли вы произнести фразу, чтобы я услышала её из этой трубки?

— Если свободен путь и есть человек у входного раструба.

— А если я не буду знать, какой раструб открыт?

— Тогда вы будете слышать звук, но едва ли угадаете место говорящего.

— Вот это и хотелось бы проверить.

Нора отправилась в галерею. Ирис осталась с Амелией; Лидделл, Ада и миссис Сайкс стояли у двери. Через минуту справа раздалось вполне отчётливое: «Пожалуйста, не трогайте маленький латунный винт».

Ирис обернулась к задней стене. Амелия подняла руку, указывая не на звук, а на лампу, которая от малой вибрации едва заметно задрожала на крючке.

— Где, по-вашему, она стоит? — спросила Амелия.

— За шкафом, — сказала девушка. — Или под ним. Как будто совсем близко.

Нора вошла с другого конца галереи. Она прошла не менее двадцати шагов по открытому коридору, прежде чем оказалась у дверей.

— Я была двумя пролётами выше, — пояснила она. — Голос шёл по трубе. Вы видели мой путь назад, но это не означает, что смогли бы установить, откуда он начал движение.

— И я не смогла бы назвать час, когда вы сказали фразу, только по тому, когда вы подошли к двери, — заметила Амелия.

— Совершенно верно.

Лидделл раздражённо покосился на женщин.

— Призрак, как видите, оказался сантехникой.

— Не спешите, — возразила Амелия. — Мы доказали возможность передачи голоса через эту часть трубы. Мы не доказали, что вчера использовали её, и тем более не установили, кто это сделал. Разница скромная, но иногда за неё платят слишком дорого.

Когда они выходили, Ада задержала Амелию за рукав.

— Две трубы были отмечены на плане, — шепнула она. — А в шкафу я видела три закреплённых кольца. Третье закрыто обшивкой.

— Вы заметили кольца прежде, чем услышали объяснение Норы?

— Да. Мне кажется, я видела их ещё в сентябре, когда Мортон показывал хозяйке ремонт.

— Тогда сохраните эту мысль отдельно от сегодняшней. Может оказаться важным, когда именно вы начали подозревать третью трубу.

Архивистка хотела добавить что-то ещё, но увидела приближающегося Крейна и замолчала. Управляющий нёс сложенную газету и пакет со свежими бланками. Его воротник был идеально ровным, даже в этом доме. Амелия наблюдала, как он задержался у порога, оценил число людей и только потом вошёл. Возможно, он опасался разговора, свидетелем которого не хотел стать. Возможно, просто привык входить в помещение, зная, кто там находится.

— Леди Элеонора ждёт вас после показа аппарата, мисс Эвелин, — сказал он. — Ей нездоровится. Полагаю, сегодня не лучший день для неприятных бесед.

— Тем полезнее сделать беседы точными. В таком случае они будут короче.

— Точность иногда является жестокостью, если речь идёт о семье.

— Нет, мистер Крейн. Жестокостью бывает то, что человек делает с точными сведениями, когда решает скрыть их от других.

Он не ответил. Влажный лист газеты в его руке чуть измялся, и Амелия снова напомнила себе: мятая бумага говорит лишь о сжатой руке. Причина сжатия должна быть установлена другим способом.

✦ ✦ ✦

В одиннадцать часов в длинной комнате над оранжереей стало тесно. Пришли все, кроме Мерсера, который сначала отказался, но затем всё-таки остановился на пороге. Леди Элеонора расположилась ближе к окну, доктор Рид села рядом; Ирис принесла старому часовщику стул, однако тот остался стоять. Руперт Белл осмотрел аппарат с видом покупателя, который уже прикидывает стоимость доставки, не интересуясь назначением вещи. Джулиан Крейн держал в руке записную книжку, будто и здесь намеревался протоколировать расходы.

Нора начала без торжественного вступления. На столе она поставила небольшой фонограф с раскрытым рупором и два восковых цилиндра в картонных футлярах. Один футляр был чистым, другой имел трещину возле донышка. На крышках сохранялись бледные чернила — даты и фамилии прежних владельцев. Нора попросила не касаться воска пальцами: тёплая кожа оставляет на нём след лучше всякого признания.

— В старых домах есть две разновидности звуков, — объяснила она. — Те, которые возникают сейчас, и те, которые однажды возникли, но могут быть повторены. Когда слушатель не знает об этом различии, им очень легко управлять.

— Иными словами, вы признаёте, что полдома заняты обманом? — осведомился Белл.

— Я признаю, что вы способны услышать сказанное во вторник в субботу, — ответила Нора. — А каким моральным качеством вы наградите запись, зависит от того, зачем её воспроизводят.

Амелия отметила про себя, как аккуратно была построена фраза. Нора говорила не об истинности, а о принадлежности звука к моменту. Вчера подобное объяснение могло бы успокоить собравшихся; теперь оно действовало на них тревожнее любого рассказа о привидениях.

— Для начала возьмём обычную запись, — сказала реставратор. — Мисс Марш любезно согласилась прочесть несколько предложений сегодня утром.

Ирис посмотрела на неё с удивлением.

— Мы ведь только проверяли микрофон… простите, раструб, — сказала она.

— Именно. Вы читали объявление о сборе одежды для семей с материка. Прошу вас сейчас ничего не говорить.

Нора установила цилиндр, опустила звукосниматель и повернула пусковую рукоятку. Перед тем как раздался голос, из рупора прошёл короткий сухой шелест, похожий на движение бумаг по гладкому столу. Затем прозвучало: «Вещи принимаются по средам и пятницам у северной калитки…» Голос был выше настоящего голоса Ирис, тоньше и торопливее, но последние согласные сохранили её характерную мягкость.

Мисс Марш невольно рассмеялась. Смех был испуганным.

— Это совсем не похоже на меня.

— Похоже настолько, насколько машина способна сохранить человеческую речь, — сказала Нора. — Если вы услышите её ночью за дверью, вы можете решить, что я привела вас туда, где говорите вы сами. Однако вы в это время спокойно спали бы.

— Или не спала, — произнёс Крейн, не поднимая головы от книжки.

— Запись не сообщает, где находился говорящий в момент воспроизведения, — ответила Амелия. — И не сообщает даже, жив ли он. Она удостоверяет лишь, что произнесённые когда-то звуки сохранились в воске.

Нора покосилась на неё с таким выражением, будто Амелия испортила красивую фразу совершенно необходимой поправкой.

— Верно. А теперь попробуем другое.

Второй цилиндр она достала медленнее. По сероватой поверхности шла едва различимая косая трещина; возле края поблёскивала круглая вмятина. Нора придержала его двумя пальцами, а затем взяла со стола бумажную манжету.

— Этот валик старше. Его поверхность повредилась от влажности и, вероятно, неудачной попытки снять. Я не могу обещать непрерывное воспроизведение.

— Что на нём? — спросила леди Элеонора.

— Проба хозяйственных распоряжений, сделанная для восстановления аппарата. Мистер Крейн согласился продиктовать несколько строк из современного регистра. Это не запись комиссии.

Крейн впервые поднял голову.

— Я согласился объяснить порядок расходов, мисс Прайс. Не помню, чтобы разрешал вам обращаться с этим перед публикой.

— Я проверяла звук, а не содержание. В любой момент вы можете попросить меня остановить.

Он поколебался. Амелия наблюдала за ним без удовольствия. Гладкое согласие могло быть привычной любезностью; раздражённый отказ — законным правом человека, который не хочет слышать собственный голос среди посторонних. Ни один из выборов не говорил о вине. Крейн, к её удивлению, предпочёл третье: он чуть откинулся на спинку стула и произнёс почти шутливо:

— Если моя дикция послужит делу науки, пусть будет так. Только прошу не выставлять счёт за каждую паузу.

Нора включила аппарат.

Снова прозвучал короткий шелест иглы, затем негромкий щелчок. Голос Крейна, глухой и более низкий, чем при обычной беседе, стал читать сухие строки: «Ведомость утренних расходов. Число рабочих на северной канаве — четыре. Поставка извести — перенесена до следующего отлива…» На слове «отлива» запись дрогнула. Следующие несколько секунд были

заполнены ровным жужжанием. Амелия ожидала, что звук оборвётся; Нора уже потянулась к рычажку. Но из рупора внезапно донеслось, всё тем же голосом Крейна, тихое, отчётливое:

— Передайте ему: до второго сигнала я не выйду. И пусть не называют моего имени.

После этого валик один раз сухо щёлкнул, прозвучал скрежет и наступила тишина.

Комната не сразу поняла, что именно услышала. Слова были слишком личными для перечня извести и рабочих, но недостаточно откровенными, чтобы их можно было назвать признанием. Первой шевельнулась доктор Рид. Она повернулась к Крейну, словно собиралась задать вопрос врачу, который плохо исполнил чужое распоряжение.

— Что это означает? — спросила Элеонора.

Нора наклонилась над аппаратом.

— Не знаю. Возможно, цилиндр прежде использовали для другой записи. Старый воск иногда сохраняет предыдущую дорожку при неудачной перезаписи.

— Неправда, — сказал Крейн.

Он произнёс это тихо; Амелия сначала подумала, что ослышалась.

— Что именно неправда? — уточнила она.

— Я не говорил таких слов. Не говорил, чтобы кто-то не называл моего имени. И уж тем более не давал распоряжений о каких-либо сигналах.

— В записи сказано «до второго сигнала», — заметила Нора. — Возможно, вы имели в виду обычный сигнал смены рабочих.

— Я не давал вам разрешения записывать мои частные разговоры.

— Значит, частный разговор всё же был? — спросил Белл с неожиданным оживлением.

Крейн повернул к нему голову. Его лицо было не бледнее обычного, но голос сделался почти безупречно ровным.

— Я не обязан объяснять гостям, как ведётся хозяйство дома. Мисс Прайс, выключите аппарат.

— Он уже выключен, — сказала она.

Амелия запомнила именно этот ответ. Нора не спорила с содержанием, не отрицала возможного смешения записей и не воспользовалась очевидным способом успокоить управляющего — показать ему поверхность валика. Её рука тем временем скрыла трещину бумажной манжетой. Это могло быть заботой о повреждённом экспонате. Могло быть и желанием не дать никому заметить, насколько давно или недавно валик трогали. Ни одно объяснение нельзя было предпочесть, пока сама вещь не исследована.

— Мистер Крейн, — сказала Амелия, — вы утверждаете, что никогда не произносили этих слов. Это утверждение о памяти. Я хочу задать другой вопрос: могли ли вы их произнести вне комнаты, где стоял аппарат?

— Конечно, нет. Мы записывали только реестр расходов.

— Вы видели, как делалась запись?

— Я сидел перед рупором, мисс Эвелин. Это одно из самых нелепых занятий, в которые меня втягивали за долгие годы службы.

— Вы могли уйти, прежде чем аппарат остановили?

— Я ушёл, когда мисс Прайс сказала, что закончила.

— А она осталась здесь одна?

Крейн оглянулся на Нору. В его глазах мелькнуло раздражение, но впервые за всё время он не нашёл готовой фразы.

— Полагаю, да.

— В таком случае у нас есть ваша память о сказанном и цилиндр с иным содержанием. Пока ни одно не отменяет другого. Но вопрос, кто мог пользоваться записью после вашего ухода, мне кажется достойным внимания.

В комнате никто не засмеялся. За окном ударила ветка по карнизу, и несколько человек одновременно повернули головы. Амелия ощутила, насколько быстро прежний страх научил присутствующих ждать угрозы от любой случайной вещи. Легко было осудить их суеверие. Труднее — заметить собственную склонность придавать произвольному звуку особый смысл после того, как он однажды совпал с трагедией.

— На этом демонстрацию закончим, — решила Элеонора.

Мерсер, до сих пор стоявший в дверях, спросил неожиданно ясно:

— А можно ли записать человека так, чтобы он не видел аппарата?

Нора помедлила.

— Не совсем незаметно. Для внятной записи ему пришлось бы говорить достаточно близко к раструбу, а машина должна была бы работать. В пустой комнате устройство можно спрятать, но звуки механизма вы услышали бы, если бы стояли рядом.

— Значит, и моего сына могли записать?

— В шестнадцатом году — технически могли. Но была ли такая запись на острове, я не знаю. Здесь хранится много цилиндров, а часть утрачена.

Мерсер посмотрел на стол так, словно перед ним лежало не старое оборудование, а чемодан, в котором мог оказаться последний голос ушедшего человека.

— Не давайте мне надежды только потому, что можете, — сказал он.

Нора опустила глаза. Амелия впервые увидела, как её привычная точность речи отказала ей в удобном ответе.

— Я не хотела, — произнесла она.

— Верю, — сказал старик. — Но от этого не легче.

Он ушёл. Никто не задержал его. Доктор Рид поднялась, чтобы последовать за ним, однако Ирис едва заметно покачала головой: девушка предпочла сама нести вслед забытые перчатки.

Амелия подошла к столу, но не протянула руки к цилиндру. Сначала она проверила взглядом последовательность: тот же шорох перед голосом Ирис, тот же в начале записи Крейна, затем один сухой щелчок после неожиданной фразы. Шорох был общим признаком работающего механизма, не личным знаком говорящего. А щелчок принадлежал поверхности второго цилиндра, если только не был создан отдельным движением руки. Вчера в павильоне прозвучал похожий сухой треск. Сходство требовало проверки, но ещё не удостоверяло, что использовали именно этот прибор.

— У валика есть трещина, — сказала она Норе. — Можно ли сделать её рисунок, не касаясь поверхности?

— Нарисовать расположение — да. Я принесу увеличительное стекло.

— Тогда попрошу вас отметить также место щелчка относительно начала дорожки. Если запись повторят, я хотела бы знать, совпадёт ли он.

Нора ничего не возразила. Лидделл, стоявший рядом с дверью, вдруг произнёс:

— Вы превращаете учебный опыт в следствие, мисс Эвелин.

— Следствие начинается тогда, когда люди перестают договариваться о том, что произошло, даже в комнате, где всё видели собственными глазами.

Она посмотрела на леди Элеонору. Хозяйка уже собиралась уйти, но осталась неподвижной возле окна. В её лице было выражение человека, которому чужой голос напомнил не случайность, а обещание.

✦ ✦ ✦

К полудню тучи наконец достигли острова. Они не принесли настоящего дождя, зато низко опустили свет, и окна в кабинете леди Элеоноры казались закрытыми плотной серой тканью. В камине горел торф, дававший едва заметный морской запах. Над столом висел портрет покойного лорда Вейла — строгого мужчины с тонкой полоской усов и рукой, положен-

ной на раскрытую книгу. Изображение было написано столь аккуратно, что Амелия невольно задумалась, не потратил ли художник больше усердия на описание пальцев, чем на глаза.

Леди Элеонора встретила гостью не у камина, а за письменным столом. Перед ней лежали три конверта и узкая пачка сложенных листов. Бумаги явно не предназначались для случайного разговора. Доктор Рид находилась у окна с чашкой воды; она собиралась уйти, но хозяйка остановила её.

— Останьтесь, Вивиан. Сегодня мне необходимо, чтобы кто-то помнил мои слова, даже если я потом передумаю их произносить.

— Если это вопрос совести, я не могу быть вашим врачом вместо неё, — ответила доктор.

— Я прошу вас быть свидетелем, не судьёй.

Амелия заняла кресло, на которое ей указали. Трость она положила горизонтально на колени. Серебряная сова отразила огонь тонким жёлтым глазом.

— Вы хотели показать мне письма, леди Элеонора?

— Одно письмо, которого не было у комиссии.

— Кто его написал?

— Мой отец. За два дня до катастрофы. Адресовал он его распорядителю шлюзовых работ, мистеру Гилберту Грею. Вы, вероятно, встречали его имя в старых материалах.

Амелия вспомнила Аду Грей, которая вчера слишком долго рассматривала этот участок описи. Родство предполагалось лишь по фамилии — а на английском побережье одинаковых фамилий немало. Она не позволила себе готового вывода.

— О письме известно мистеру Крейну? — спросила она.

— Он знает, что письмо было. Точнее, он знает, что я его не передала. Я сама сказала ему об этом много лет назад, когда решила проверить имущественные бумаги.

— Почему вы не передали его комиссии в семнадцатом году?

Элеонора посмотрела на доктора. Та не двинулась.

— Потому что боялась за фамилию. Понимаете, мисс Эвелин, я была моложе и глупее, чем теперь. Мне казалось, что если в доме что-то скрывают ради семьи, это и есть долг перед семьёй. Позднее я поняла, что таким способом обыкновенно защищают не родных, а людей, которые привыкли отдавать распоряжения их именем.

— Что сказано в письме?

— Прочтите.

Лист был написан густыми коричневыми чернилами, плотным, уверенным почерком. Он начинался с перечисления поставок досок, людей для охраны нижнего склада и требований к плотине. В середине шла подчеркнутая фраза: «До прибытия представителя собственников никакое изменение режима северного затвора не признавать согласованным». Следующее предложение, уже без подчёркивания, делало смысл ещё двусмысленнее: «В случае ухудшения погоды приоритетом остаётся сохранение запасов в нижних складских строениях».

Подпись принадлежала лорду Вейлу. Но между строками были два карандашных знака, похожих на цифры, вписанные позднее. Дату самого письма можно было прочесть ясно: октябрь 1916 года, за сорок восемь часов до аварии.

— Это страшные слова, — сказала доктор Рид.

— Это слова, которые могли быть истолкованы как приказ, — поправила Амелия. — Чтобы узнать, были ли они исполнены, нужен маршрут бумаги, её получатель и распоряжения того дня.

Элеонора сжала пальцы.

— Вы стараетесь быть справедливой к человеку, которого давно нет.

— Я стараюсь не быть несправедливой к живым. Когда один приказ называют причиной гибели людей, опасно судить о нём по выражению лица дочери подписавшего. Документы должны выдержать и более холодный взгляд.

— Холодный взгляд, — повторила хозяйка. — Вы не знали моего отца. Он называл холодностью то, что остальные считали беспощадностью.

Амелия не ответила. Несколько мгновений они слушали треск торфа. Снаружи птица скользнула по ветру так близко к окну, что её крыло на долю секунды пересекло портрет.

— Кто ещё видел подлинник? — спросила Амелия.

— Я. Мистер Крейн. Доктор Рид знает о его существовании, но сегодня видит впервые. И, вероятно, поверенный Фенуик — я отправляла ему копию.

— Мистер Лидделл?

— Не думаю.

— «Не думаю» — хороший ответ, — сказала Амелия. — Он оставляет место для проверки. Вы сохранили конверт?

Элеонора подвинула один из трёх. На нём не было почтовых отметок, письмо передали из одной части острова в другую. У края виднелась печать, под которой кто-то позднее провёл узкое лезвие. Волокна бумаги разошлись неровно, как на ране, давно затянувшейся без шва.

— В конверт заглядывали до комиссии? — спросила Амелия.

— Могли. После смерти отца вещи переходили из кабинета в архив, обратно, затем к управляющему. Я не сохранила точного списка рук, которые его держали.

— А карандашные знаки?

— Их не было, когда я впервые читала письмо. Или я не заметила. Не могу обещать больше.

Амелия рассматривала края листа. Если знаки внесены позднее, они могли означать номера прилагаемых распоряжений, время или вовсе ничего существенного. Но поверхность почернела около одного из сгибов, будто бумагу держали в сырости, а позже сушили. Странно было видеть такую же неровную влажную полосу на листе, который хозяйка якобы хранила в сухом ящике последние годы. Она не стала спрашивать об этом немедленно: прежде стоило выяснить, переносили ли письмо из подвала во время вчерашнего затопления.

— Вы сказали, что Крейн знает о непереданном письме, — напомнила она. — Как он относится к намерению открыть архив?

Хозяйка отвела взгляд к окну.

— Он говорит, что я должна позаботиться о репутации семьи, прежде чем предоставлять бумаги людям, которые могут извлечь из них выгоду.

— Это предупреждение или предложение услуги?

— Сначала было предупреждение. Теперь, боюсь, второе.

Доктор Рид поставила чашку.

— Элеонора, вы обещали не скрывать от мисс Эвелин главного.

— Я не скрываю. — В голосе хозяйки впервые возникла усталая резкость. — Мистер Крейн просит меня выделить средства на срочное урегулирование старых претензий. Большую сумму, какую прежде никогда не требовал. Он уверяет, что иначе материалы выйдут к газетчикам в самом неблагоприятном виде.

— Где вы должны взять деньги? — спросила Амелия.

— Из трастового фонда острова. Вчера он принёс смету, в которой почти половина расходов названа «неотложной сверкой и компенсационным урегулированием». Я попросила подробностей. Он сказал, что подробности опасны.

— Вы сохранили смету?

Элеонора вынула второй лист. Там стояла сумма и аккуратная подпись управляющего. Вверху печатались слова «предварительная конфиденциальная ведомость»; ниже не было ни одного имени получателя. Амелия не могла определить, вымогал ли Крейн деньги или действительно пытался погасить давние долги семьи. Формулировки были удобны для обоих намерений.

— Позвольте мне спросить прямо, — сказала она. — Вы хотите предать письмо гласности, несмотря на риск для памяти отца?

— Да. Но не хочу, чтобы его превратили в оружие человека, которому я доверяла вести хозяйство.

— Тогда сделайте то, что можно проверить: передайте одну копию доктору, другую — мисс Грей, третью при первой возможности отправьте Фенуику. И отметьте время передачи. Скрытый документ становится властью над человеком именно потому, что хранится у него в одиночестве.

Доктор Рид удовлетворённо кивнула. Элеонора, напротив, посмотрела на Амелию с печалью.

— Вы говорите так, будто любое письмо, попавшее не в те руки, способно убить.

— Письмо — редко, леди Элеонора. Но желание не дать его прочесть иногда оказывается очень изобретательным.

Она встала. Хозяйка не удерживала её, однако прежде, чем гостья дошла до двери, произнесла:

— Мисс Эвелин… вы сегодня слышали голос мистера Крейна из воскового цилиндра. Вы поверили ему?

— Я поверила, что аппарат воспроизвёл нечто похожее на его речь.

— А ему самому?

Амелия обернулась.

— Пока я не знаю, о чём он солгал. Это не исключает того, что он сказал правду о самом важном.

✦ ✦ ✦

После обеда восточный ветер усилился. Дорожки вокруг дома быстро сохли сверху, но под гравием всё ещё держалась вода. Амелия прошла из кабинета хозяйки к архивной галерее и услышала на служебной лестнице разговор. Голоса шли снизу — там, где в стене находился старый распределительный короб. Один принадлежал Крейну, второй был слишком тих, чтобы опознать его сразу.

— Я сказал, что без подписи выплачивать нечего, — произнёс Крейн.

— Вы сказали, что подпись будет, когда её удастся получить, — возразил другой голос.

— Не следует путать соглашение с благодарностью. Мне известны последствия того, что произошло тогда, и я не намерен принимать на себя их один.

Следующие слова поглотило металлическое гудение. Амелия не стала подниматься ближе: подслушивание из любопытства принадлежало к тем занятиям, на которые она предпочитала не ссылаться в разговоре с собственной совестью. Но звук, прошедший через пустую стену, был предметом её исследования. Она осталась на месте и отметила только то, что услышала несомненно.

— До конца сегодняшнего дня, — закончил Крейн. — Потом я сам поговорю с леди Элеонорой.

Откуда-то снизу донеслись быстрые шаги. В проходе показался Руперт Белл. Увидев Амелию, он остановился с тем подчеркнуто любезным видом, какой мужчина принимает, когда застаёт женщину на месте, где ему самому не хотелось бы быть замеченным.

— Мисс Эвелин! Вы словно специально выбираете самые сырые лестницы.

— Они ведут туда, где находятся интересующие меня документы. Надеюсь, ваше пребывание здесь имеет более приятную причину.

— Я искал господина управляющего, чтобы получить разрешение осмотреть северную калитку. Относительно покупки земли мы пока не договорились.

— Вы его нашли?

— Нет. В этих коридорах невозможно понять, откуда идёт голос. Всякий раз кажется, что за поворотом кто-то разговаривает, а там — пустота.

Белл произнёс это так естественно, что Амелия не решилась счесть ответ заготовленным. Но он назвал место, где искал Крейна, и тем самым невольно дал проверяемое сведение о своём маршруте. Она спросила, давно ли он пользуется этой лестницей.

— Со вчерашнего дня, когда мистер Лидделл показал обход мокрой кладовой. Какое это имеет значение?

— Иногда оно оказывается полезным, мистер Белл. Особенно в доме, где никто не видел говорящего, но все уверены, что знают, где он стоял.

— Мне надоели ваши загадки. Я занимаюсь недвижимостью, не потусторонними явлениями.

— Тогда попробуем обыкновенную. Какова цена земли, на которой нельзя проехать к строениям после прилива?

Белл, ожидавший, по всей видимости, вопроса о голосах, ответил охотнее, чем намеревался. Он заговорил о компенсациях, перестройке насыпи и возможности перевести хозяйственные склады на северный берег. Амелия выслушала его, уточнила стоимость страховки и внезапно спросила:

— Для чего вам именно старые журналы шлюза?

— Потому что без них невозможно определить право на ремонт водосброса, — ответил Белл без паузы. — Если прежняя конструкция признана аварийной по вине собственника, издержки несёт одно лицо. Если её повредило исключительное природное явление — совсем другое.

— Значит, вам выгодна определённая трактовка старой аварии.

— Мне выгодна определённость, мисс Эвелин. Но признаю, что некоторые трактовки обходятся дешевле других.

Он попрощался и ушёл в сторону северной галереи. Амелия подождала, пока его шаги стихнут. Белл мог быть человеком, который разговаривал с Крейном минуту назад. Мог быть и случайным прохожим, узнавшим направление голоса позднее её. Если бы она поспешила записать первое, любой последующий вывод покоился бы на том же ненадёжном звуке, против которого она уже возражала.

В архивной комнате Ада Грей сидела над листом, расчерченным на двенадцать вертикальных граф. Вчерашние мокрые документы были разложены на промокательной бумаге. От них поднимался слабый солоноватый запах, напоминавший каменные ступени возле моря.

— Вы снова сверяете опись? — спросила Амелия.

— Я решила начать не с названий, а с формы документов. На разных обложках одинаковые слова. Если сравнить размеры, станет ясно, не положили ли чужое вложение под неверной подписью.

— Прекрасный способ проверить вчерашнюю догадку. Позволите взглянуть?

Ада развернула перед нею три старых бланка. На первом шли обычные графы: число, время, ответственный, состояние затвора. На втором добавлялась колонка для отметок двоих дежурных. На третьем, самом узком, имелись девять маленьких прямоугольников, расположенных вдоль края, и особое поле под названием «проверка слышимости сигнала».

— Это и есть контрольная ведомость? — спросила Амелия.

— Её образец. Бланк чистый, из запасов восемнадцатого года. Исчезнувший лист шестнадцатого выглядел почти так же, судя по описи. Но у него было дополнительное место для записи устных замечаний смотрителя.

— Значит, слова сына Мерсера могли оказаться на обратной стороне или на прилагаемом листе.

— Да. Я думала, что сама ошиблась, когда не нашла ведомость. А теперь думаю, что кто-то хотел оставить нас без её формы. По обложке невозможно проверить, сколько раз в тот день подали предупреждение.

Амелия потрогала набалдашник трости. Девять маленьких прямоугольников вдоль края бланка могли означать номер последнего сигнала, а могли просто служить для отметки девяти контрольных звуков. Она удержала себя от готовой связи с названием островной легенды. Люди охотно превращают повторяющееся число в знак судьбы, хотя оно бывает всего лишь удобным количеством клеток на бумаге.

— Кто заказывал новые бланки в восемнадцатом году? — спросила она.

— Канцелярия северного шлюза. Подпись в накладной неразборчива. Я постараюсь найти другой экземпляр.

— У старых ведомостей есть одна особенность, — сказала Амелия. — Они часто предназначены не столько для описания прошлого, сколько для того, чтобы следующий человек смог проверить действия предыдущего. Если исчез бланк с отметками слышимости, мы теряем не только слова. Мы теряем связь между звуком и временем.

Ада подняла глаза.

— Вчера вы говорили то же о голосе из павильона.

— Да. И, вероятно, буду говорить ещё много раз. Люди, которые привыкли делать записи, иногда не замечают, что лишили записи самого важного основания.

Архивистка достала из стола тонкий лист кальки.

— Я сняла контур исчезнувшей ведомости ещё в сентябре. Не текст — только внешний размер, потому что обложка была повреждена. Посмотрите: тут, справа, небольшой выступ. Необычный для канцелярского бланка.

Амелия увидела прямоугольный уступ, едва заметный на кальке. Он мог быть загнутым уголком бумаги, но размеры совпадали с боковым полем нового бланка, где располагались девять клеток. Ада провела по нему пальцем, не скрывая удовлетворения от точности собственного наблюдения.

— Значит, подложить вместо ведомости любую бумагу безошибочно не получится, — сказала Амелия. — Если кто-нибудь попытается убедить нас, что нашёл её, нам есть с чем сравнить.

— Если мы доживём до этого приятного момента, — ответила Ада с непривычной сухой усмешкой.

Амелия подняла голову. Шутка была неудачной, но в ней слышалась настоящая усталость. Она спросила, отдыхала ли девушка после вчерашней работы.

— Два часа. Потом я считала недостающие страницы и слушала, как по стене ходит чей-то голос. Я бы предпочла настоящий призрак. Ему, по крайней мере, не нужно выдавать ключи от архива.

— Призраку, наверное, не надо предъявлять алиби, — заметила Амелия. — У живых людей это обстоятельство почему-то вызывает раздражение.

Ада улыбнулась. На минуту их разговор стал настолько обыденным, что Амелия почти поверила: в доме можно будет рассматривать бумаги без угроз и страха. Затем сверху донёсся голос Крейна. Он разговаривал с кем-то на лестнице, отчётливо произнося слова «до второго сигнала».

Ада замерла.

— Вы слышали? — спросила она.

— Да.

— Это было в цилиндре.

— Именно. И теперь мы знаем, что такая фраза встречается в речи мистера Крейна. Но не знаем, произнёс ли он её сейчас или она пришла сюда другим путём.

Ада посмотрела на потолок так, словно тот только что потребовал от неё ещё одной графы в описи.

✦ ✦ ✦

Ближе к четырём часам Амелия снова встретилась с Крейном. Управляющий находился в малой комнате для переговоров возле хозяйской лестницы. На столе лежала копия его конфиденциальной сметы, несколько конвертов и открытая чернильница. Он стоял у окна и рассматривал серую полосу насыпи, которую прилив уже начинал превращать в отдельные островки.

— Я ищу вас с полудня, — сказал он, не оборачиваясь.

— Тогда мы оба провели день с определённой целью.

— Леди Элеонора просила вас изучить частные бумаги. Считаете ли вы себя вправе вмешиваться в управление её финансами?

— Я считаю себя вправе задать вопрос о словах, которые были произнесены моим собеседником и которые ему самому не хочется слышать на записи.

Крейн повернулся. Он даже улыбнулся — любезно, будто вопрос касался невинного застольного недоразумения.

— Мы снова возвращаемся к цилиндру? Мисс Прайс уже признала, что воск мог содержать чужой материал.

— Она сказала «возможно». Вы превращаете предположение в установленный факт.

— Вероятно, вы правы. Но что именно хотите узнать?

— Кому вы собирались передать сообщение «до второго сигнала я не выйду»?

— Никому.

— Откуда в таком случае взялось ваше желание не называть имени?

— Такого желания у меня нет.

— Хорошо. Давайте оставим цилиндр в покое. Вы просили у хозяйки деньги для «неотложной сверки». С кем намеревались рассчитываться?

Эти вопросы не были неожиданными сами по себе; неожиданна была их последовательность. Амелия наблюдала, как на мгновение нарушилась привычная гладкость Крейновой речи. Затем лицо управляющего вернулось к спокойствию.

— С теми, кто имеет старые претензии к владельцам острова.

— Назовите хотя бы одного.

— Это конфиденциальные сведения. Некоторые семьи попросили не называть их имён публично.

— Значит, суммы можно проверить по квитанциям?

— Разумеется. Когда выплаты состоятся.

— А прежде?

— Прежде есть расчёт. Я составлял его по сохранившимся документам.

— Вы сами?

— Разумеется.

— Тогда вы должны помнить, почему одна цифра округлена до десяти фунтов, а другая дана до шиллинга. И почему рядом с суммой за северный склад не указан получатель.

Он посмотрел на бумаги, затем на Амелию.

— Вы пришли читать мне курс счетоводства?

— Нет. Я хочу узнать, что именно вы покупаете. Молчание — такая же услуга, как любая другая, только квитанции по ней выписывают редко.

В комнате стало настолько тихо, что было слышно, как за стеной кто-то потянул металлическую ручку и она вернулась на место.

— Вы обвиняете меня в вымогательстве? — спросил Крейн.

— Пока не обвиняю. Я предлагаю вам самому определить природу платежа. Если он благотворительный, его можно показать фонду мисс Марш. Если он имущественный — юристам.

Если он нужен лишь потому, что вы знаете то, чего не хочет слышать леди Элеонора, тогда это совсем другой разговор.

Управляющий медленно сел. На его лице появилось не испуганное, а сосредоточенное выражение человека, которому приходится выбирать одно из нескольких неприятных письменных объяснений.

— Леди Элеонора хочет провести публичное чтение, — сказал он. — В старых актах встречаются сведения, которые могут быть истолкованы превратно. Я предлагал урегулировать претензии до того, как это превратится в охоту за обвиняемыми. Вы вправе считать меня чрезмерно осторожным.

— И вправе спросить, почему вы не показали эту смету доктору Рид или поверенному Фенуику.

— Фенуик слишком долго находится на материке. А доктор занимается телами, не счетами.

— Иногда счета лучше доверить человеку, который привык различать живых и мёртвых, — сказала Амелия.

На этот раз улыбка исчезла. Крейн потянулся к конвертам, но остановил руку.

— Вы производите впечатление очень опасной женщины, мисс Эвелин. Потому что говорите тихо и заставляете других слышать собственные ответы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.